

ISSN 2411-4324

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ,
ФИЛОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ
КАФЕДРА ГЕРМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Языки и литература в поликультурном пространстве

Сборник научных статей

Выходит раз в год

№ 2

Барнаул 2016

Редакционная коллегия:

Е.А. Савочкина, зав. кафедрой германского языкознания и иностранных языков, к. филол. наук, доцент;
В.Н. Карпухина, д. филол. наук, профессор;
С.А. Осокина, д. филол. наук, доцент;
С.Б. Саланин, технический редактор.

Языки и литература в поликультурном пространстве: сборник научных статей / под ред. В.Н. Карпухиной. – Барнаул : Концепт, 2016. – 139 с.

Сборник подготовлен кафедрой германского языкознания и иностранных языков факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета. В нем представлены научные статьи по актуальным проблемам лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации. Материалы сборника адресованы преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам вузов языкового профиля.

СОДЕРЖАНИЕ

Беляева В.А. The Cognitive Approach to the Problem of Shortenings Researching.	5
Гусар Е.Г. Мультикультурный концепт БАБА / das Weib / ЖЕНЩИНА / die Frau: к вопросу о национально-культурной идентификации.	7
Давлетбаева О.В. Образ Алтая в сознании жителей региона.	21
Дьяченко И.Н. Опыт фоносемантического анализа поэтического текста.	24
Жердева О.Н., Шелкова С.В. Особенности становления категории вида в современном английском языке.	29
Жердева О.Н., Шелкова С.В. Lernstrategien im Deutschunterricht: Organisation der Selbstständigen Arbeit der Studenten.	33
Замашанская Е.С. Изучение трудностей перевода терминов в технических текстах (на материале переводов студентов неязыковых вузов).	36
Зиновьева С.А. Deutsch als Basis für Russisch-Deutsche Bildungs- und Forschungsk Kooperationen an der Altaier Staatlichen Universität Barnaul.	39
Капышева Г.К. Comparative Study of Related and Unrelated Languages.	43
Капышева Г.К. Similarity between Two Types of Linguistic Universals.	46
Каркавина О.В. Антропонимы в творчестве Дж. Калифорнии Купер.	49
Карпухина В.Н. Cognitive Modeling of Hypertext: Axiological Linguistics Aspect.	53
Карпухина В.Н., Корнов К.А. Multicodal Transmission of Intertextuality Forms.	56
Карпухина В.Н., Михопаркина Е.А. The Representation of Gender in Virginia Woolf's <i>Orlando</i> .	61
Кирколуп О.В. Идиоматические выражения с названием национальностей в межкультурной коммуникации (на примере английского и французского языков).	66
Ковалева Е.Д. Wolf Messing Biography and Soviet Travel Reviews (1920s-1930s): The Comparison.	70
Кузьмина Е.К. Le reflet de la langue dans le discours de la publicité: la linguistique dans la publicité.	73
Курбанова О.В. К вопросу организации устной коммуникации на подготовительном отделении при обучении русскому языку как иностранному.	78
Лаптева Н.А., Широких И.А. Complex Syntactic Constructions in the Works of J. Galsworthy (on the Basis of the Novel <i>The Man of Property</i>).	81
Леденева В.Е., Савочкина Е.А. Interactive Online-Comics: Vertical Context.	88
Литвинова Т.А. Художественные тексты суицидентов как объект исследования в психиатрической лингвистике.	95
Медведева Т.В. Ольфакция как составляющая невербальной коммуникации.	99

Осокина С.А. Лингвистический проект «Переводческий гид по Алтаю»: транслитерация наименований.	103
Плотникова Ю.В. Intertextual Games in the Novel <i>The Black Town</i> by Boris Akunin.	109
Рудакова И.В. Пространственная метафора на материале английских глаголов <i>sit, stand, lie</i> .	112
Саланина О.С. Серийные местоимения как средство когезии в художественном тексте.	118
Федосова С.А. Речевые стереотипы в казахстанской периодической печати.	121
Федосова С.А. Целевые установки эвфемизации.	124
Шаповалов М.В. К вопросу обучения отраслевой иноязычной терминологии в вузах.	127
Шмаков А.А. Кейс-стади как метод обучения иноязычному общению в профессиональной сфере студентов-экономистов.	130
<i>Наши авторы</i>	136

THE COGNITIVE APPROACH TO THE PROBLEM OF SHORTENINGS RESEARCHING

(Altai State University, Russia)

Аннотация: Статья посвящена проблеме когнитивного подхода при восприятии, кодировании и декодировании сокращенных слов. Принцип организации сокращенных слов лежит в системе языка и в сознании носителя, но не в речевой деятельности.

Ключевые слова: восприятие, сознание, понятие, акустический образ.

Abstract: The article considers the problem of cognitive approach in perception, encoding and decoding of shortenings. The principle of shortenings forming is in a language system and in consciousness of a native speaker but not in his / her speech activity.

Key words: perception, mentality, notion, acoustic signature.

Speech ability is a psychophysiological process but the results of adaptation and grading of speech experience are kept in person's memory and are used in his verbal and cognitive activity. The whole description of the specific lexis may be provided only by the condition of data operation from physiology of higher nervous activity, psychology of memory, mentality, and speech. Along with the diversity of ways of subscription of words meaning in person's memory there is a variety of those ways of word forming.

The perception of the word in the condition of usual communication is not isolated: the word is perceived in the context. The sounding in written speech – graphics and grammar form are not often noticed that is explained of high speed of speech and automatic process of cognition. The word form becomes actual in some cases: 1) the word is unknown; 2) the form is specially actualized (arty-crafty speech, language game, etc); 3) the word is too long, used with a mistake, etc); 4) shortenings differ at some degree from “typical” linguistic units.

According to A.R. Mustafinova [Mustafinova, 2001], in a conceptual person's system there is a specific cognitive model which is presented in a language with shortenings.

P.N. Johnson-Laird [Johnson-Laird, 1983] supposed that the first source of mental model was perception. For cognitive research were taken only shortenings, not abbreviations, a cause of the fact that initial abbreviations ‘don't work’ on cognitive level, they aren't recognized sharp because of the reason of high entropy process giving indefinite quantity of possible meanings.

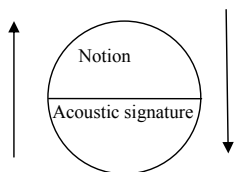
This class of words is successfully connected with the approach to the language as a phenomenon of the third kind [Keller, 1997]. It is not an artifact; it is not a nature fact, but the artifact that has been changed with the action of natural laws not depending on people's wish.

Shortenings appear on the anadiplosis of the cultural influence and natural functioning of this class of words in the language.

Learning this class permits to make a step for understanding not only the language structure but its organization in man's mentality.

Here there are some questions: how often is the absence of correspondence between an initial word collocation and a shortening examined and is the mechanism of derivation and perception similar without a context?

As we learn the shortenings in a language system and in consciousness of a native speaker not in speech activity we tried to elucidate if shortenings are the results of principle of linguistic economy or do the shortenings act as a sign - oriented if we understand it as double essence. For F.de Saussure [Saussure, 1999, p. 67] the sign is:

Pic.1 Double mental essence

Acoustic signature is connected here with a mental print of a sound, with that image we get with sensory receptors.

So, the acoustic signature has sensitive character. It is opposite to the notion which is more abstractive. F. de Saussure named these notions as 'signified' and 'significant'. Nowadays as we notice the sign as *Double mental essence* we have to speak about its material side which provides the possibility of functioning of signs in communicative space.

Thus, speaking about foreign lexis it is necessary to pay attention to specific characteristics of lexis signs and principles of forming of these signs permitting a person to understand a percept word and to find in the memory only that word which is convinced to the idea of his statement.

References

1. Keller R. Language Changings. Samara, 1997.
2. Mustafinova A.R. Shortenings in Russian: Cognitive Approach. Barnaul, 2001.
3. Saussure F. de The Course of General Linguistics. Moscow, 1999.

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ БАБА / das Weib / ЖЕНЩИНА / die Frau: К ВОПРОСУ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

(Алтайский государственный университет, Россия)

Аннотация: Статья посвящена исследованию мультикультурного концепта БАБА / das Weib / ЖЕНЩИНА / die Frau с помощью ассоциативного эксперимента. Результаты эксперимента фиксируют национально-культурную специфику данного концепта в русской и немецкой культурах.

Ключевые слова: мультикультурный концепт, ассоциативный эксперимент, культурная доминанта.

Abstract: The article considers multicultural concept БАБА / das Weib / ЖЕНЩИНА / die Frau research with the help of associative experiment. The results of the experiment prove national and cultural specificity of this concept in Russian and German cultures.

Key words: multicultural concept, associative experiment, cultural dominant.

При первоначальном исследовании **мультикультурного** концепта **БАБА/ das Weib/...** [Гусар, 2001; Гусар, 2007] материалом послужили русские и немецкие фольклорные тексты (поговорки, пословицы, в некоторых случаях авторские переложения текстов устного народного творчества). Но воззрения на концепт как на динамическую ментальную сущность позволяют рассматривать результаты исследования только как диахронный срез концепта (начало 20 в.). Кроме того, в силу связи с различными формами бытия, а следовательно, и сознания, концепт получает специфическое наполнение в разных своих стратах (структурах, обусловленных различными типами общественно-социального сознания). Так, *мать* в страте «люмпенсознание» имеет дополнительный признак «грубое».

Мы называем концепт БАБА культурной доминантой (базовым концептом русской культуры) интуитивно, используя в качестве аргумента интраспекцию. Чтобы обладать весомым аргументом, необходимо проникнуть к «коллективному бессознательному», что можно сделать путём ассоциативного эксперимента: «Ассоциативный эксперимент предоставляет прекрасную возможность выявления национально-культурной специфики образов сознания носителей разных культур» [Залевская 1977, с.7]. Взгляд на «своё» через призму «чужого» позволяет объяснить не только характер, но и природу национальной самобытности. Поэтому мы решили сравнить русский концепт БАБА с соотносимым концептом немецкой культуры.

Русско-немецкие словари в качестве коррелята русского слова *баба* дают немецкое *das Weib*. «Немецко-русский словарь» под редакцией А.А. Лепинга и Н.П. Страховой 1968 г., «Большой немецко-русский словарь» 2002 г. (БНРС) и

«Современный немецко-русский, русско-немецкий словарь» Т.А. Сиротининой 2005 г. выделяют следующие значения, закреплённые за знаком *das Weib* и его производными:

Weib 1. *Разг.* женщина, *през.* баба; sei nicht solch altes Weib! Не будь бабой!

2. *Уст.* жена; mit Weib und Kind шутил. со всей семьёй; с чадами и домочадцами; ein Weib nehmen жениться;

Weibchen n -s, самка;

Weiber | | *feind* m -(e)s, -e *разг.* женоненавистник; *Weiberheld* m -en, -en *разг.* бабник; *Weibherzen* pl сердца женщин; *Weibvolk* n-(e)s *разг. през.* бабы, бабьё;

Weibsbild *разг.* баба, бабёнка, тётка; в этом же значении употребляется ср.-нем., *шут.* *Weibsen* и *Weibsperson*;

Weibstück *фам. неодобр.* баба, тётка [БНПС, с. 950].

«Duden Deutsches Universalwörterbuch» выделяет четыре ЛСВ *das Weib*: 1) с пометой *устаревающее* «женщина [пол] как контрагент мужчины» ((*veraltend*) Frau (1) als Geschlechtswesen im Unterschied zum Mann); 2) с пометой *разговорное* «юная женщина как предмет сексуальных желаний, как потенциальный половой партнёр» ((*umg.*) [junge] Frau (1) als Gegenstand sexueller Begierde, als Geschlechtspartnerin); 3) с пометой *презрительное* «неприятный женственный тип или пьющая, неряшливая, истеричная баба; инвектива – глупая баба» ((*abwertend*) unangenehme weibliche Person, Frau ein versoffenes, schlampiges, hysterisches Weib; (als Schimpfwort) blödes Weib), 4) с пометой *устаревшее* «жена: моя любимая жёнушка» ((*veraltet*) Ehefrau: mein geliebtes Weib).

Исследуя национально-культурную специфику немецкого концепта WEIB в его синхронном состоянии, мы использовали форму свободного ассоциативного эксперимента. Эксперимент заключался в предъявлении испытуемым ряда слов-стимулов. Интересующие нас слова-стимулы *das Weib* (баба), *der Bauer* (мужик), *die Frau* (женщина), *der Mann* (мужчина), представляющие соотносимые концепты WEIB / BAUER, FRAU / MANN, были произвольно разряжены словами *das Haus* (дом), *die Politik* (политика), *das Fräuln* (девушка), *gut* (хороший), *der Arbeiter* (рабочий), *der Verkäufer* (продавец), *der Philologe* (филолог), *der Lehrer* (учитель), *schön* (красивый), *das Glück* (счастье), *die Stadt* (город), *die Jugend* (молодость), *der Kerl* (парень), *das Leben* (жизнь), *das Fest* (праздник), *die Arbeit* (работа) с целью скрыть установку исследователя – характер его истинных интересов; повысить объективность результатов эксперимента.

В норму эксперимента входило: требование фиксации первичной реакции, запрет на обдумывание результата, запрет на выбор одной из нескольких возникших реакций, наиболее подходящих по мнению испытуемого.

Эксперимент проводился в форме КАПИ (компьютером ассистируемое персональное интервью), поэтому отсутствовали факторы взаимодействия между реципиентами: подражание, сравнение, обсуждение и т.п. При данной норме эксперимента совпадение реакций является объективным аргументом в установлении национально-культурной специфики концепта.

Эксперимент проводился со студентами, докторантами и работниками университета города Оснабрюк (Германия). Основное условие отбора испытуемых: немецкий язык должен быть родным. Характер аудитории (25 человек) определялся установкой исследовать обыденное языковое сознание носителей немецкого языка в возрасте 18-35 лет. Под обыденным сознанием мы понимаем «жизненно-практическое сознание людей (массовое и индивидуальное), выходящее за рамки любой узкоспециализированной профессиональной деятельности и являющееся основой повседневной познавательной деятельности и регулятором человеческого поведения и общения» [Гусев, Пукшанский, 1994, с. 89].

В анкету (Assoziative Umfrage) включены краткие сведения об участнике (Kurzangaben über die TeilnehmerInnen): место проживания, время заполнения анкеты (Ort; Datum); пол (Geschlecht Kreuzen Sie bitte die richtige Antwort an); возраст (Ihr Alter); социальное положение (Ihre soziale Lage); профессия (Ihre Ausbildung); вероисповедание (Ihre Konfession). В оформлении анкеты использован стандарт, принятый в учебных заведениях Германии (клише). Кроме того, указывалась «легенда» (Anmerkung – замечание), имеющая нравственно-этическую и правовую подоплеку: «Все предоставленные сведения будут проанализированы и использованы в научных целях» (Alle erhobenen Daten werden anonymisiert und ausschließlich für wissenschaftliche Zwecke verwendet).

Полученные в результате эксперимента реакции, сформировавшие поле концепта WEIB, были классифицированы по принципу «параметр-таксон». Принцип составления подобного рода анкет подробно описан в трудах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1991, с.3] и В.Н. Телии [Телия, 1996, с.260-262].

Основными его этапами являются:

1. предварительная параметризация концепта по частям, отражающим все его ипостаси;
2. выделение таксономических сеток внутри каждого из параметров.

В нашем исследовании слова-реакции объединялись в группы по видовому признаку, образуя подкласс, т.е. таксон. Родовой признак служил основанием для организации подклассов в класс, т.е. параметр.

Таблица №1. «Структура концепта WEIB»

Параметр	Таксон	Выход
Морально-нравственные качества	Отрицательное качество	<i>Böse</i> (злая)
Возраст	Немолодая	<i>Alt</i> (старая),
Время проживание	Прошлое	<i>Mittelalter</i> (средневековье), <i>veralter</i> (устаревшее), <i>Schiller</i> (Шиллер)

Физиологическая характеристика	Тело как физиологическая сущность	<i>Körper</i> (тело, туловище), <i>Brust</i> (грудь)
Поведенческая характеристика	А) В делах В) В общении	А) <i>Emanzipation</i> ¹ (эмансипированная), В) <i>Geschrei</i> (крик), <i>grob</i> (грубая)
Интеллектуальные способности	Низкие интеллектуальные способности	<i>Dummheit</i> (глупая)
Контрагент	Контрагент	<i>Kerl</i> (парень)

Зону разброса, формируемую случайными выходами, являющими нетиповые, субъективные ассоциации испытуемых, составил единичный выход *schön* (прекрасная).

Частотность выходов (16%) *veralter* (3 из 25), *Mittelalter* (1 из 25) даёт основание утверждать, что для части современных носителей немецкого языка слово *das Weib* является историзмом.

Ассоциативный эксперимент в русской аудитории проводился среди студентов (100 человек) государственного университета 2-3 курсов гуманитарных факультетов (возраст 18-25 лет). Полученные выходы были типизированы по семантическому основанию: учитывалась общность выражаемого смысла при несовпадении формы. Так, выходы *сильная* (7), *копя на скаку остановит* (1), *крепкая* (1), *мощная* (1) составили таксон «физическая сила». Результаты были обобщены в концептуальной анкете, представляющей конкретизированную структуру концепта БАБА: **физиологическая характеристика**² (1) здоровье, 2) физическая сила, 3) внешность)³; **поведенческая характеристика** (1) коммуникативное поведение, 2) бытовое поведение); **морально-нравственные качества** (1) положительные и 2) отрицательные); **этническая идентификация** (1) национальность (только русская), 2) регион проживания); **атрибуты** (1) по характеру пристрастий, 2) по роду занятий, 3) одежда); **интеллектуальные способности** (образованность/необразованность); **социальный статус** (1) семейный, 2) имущественный, 3) социальное положение, 4) сословие); **контрагент**.

Структурированный совокупный выход показал, что все параметры концепта WEIB наличествуют в структуре концепта БАБА, но при этом концепт БАБА обладает более сложными параметрическим членением и таксономическими сетками. Данный факт также подтверждается русской и немецкой фразеологией. Проиллюстрируем данное положение таблицей №2.

¹ Реакция, скорее всего, обусловлена актуализацией в сознании испытуемого разговорного «женщина», а не предполагаемого в анкете грубого «баба».

² параметр

³ таксономическая сетка параметра

Таблица №2. Структура концептов БАБА и WEIB
 БАБА WEIB

ПАРАМЕТР	ТАКСОН	ТАКСОН	ПАРАМЕТР
Морально-нравственные качества	а) Отрицательные качества б) Положительные качества	Отрицательные качества	Морально-нравственные качества
Возраст	Без возраста	Много лет	Возраст
Физиологическая характеристика	а) Физическая сила б) Здоровье в) Размеры	Тело	Физиологическая характеристика
Поведенческая характеристика	а) Коммуникативное поведение б) Бытовое поведение	а) Коммуникативное поведение б) Бытовое поведение	Поведенческая характеристика
Интеллектуальные способности	Низкие интеллектуальные способности	Низкие интеллектуальные способности	Интеллектуальные способности
Контрагент	Контрагент	Контрагент	Контрагент
Этническая идентификация	а) Национальность (только русская) б) Регион проживания		
Атрибуты	а) По характеру пристрастий б) По роду занятий в) Одежда		
Социальный статус	а) Семейный б) Имущественный в) Соц. положение г) Сословие		

Сопоставительное исследование показало нетождественность структуры таксономических сеток и их разное наполнение в идеографических анкетах БАБА и WEIB. Проиллюстрируем данное положение сравнением таксономических сеток. Концепт БАБА содержит таксоны «отрицательные и положительные морально-нравственные качества», «без возраста», «физическая сила», «здоровье», «размеры», «характеристика коммуникативного и бытового поведения», «низкие интеллектуальные способности», «национальность», «регион проживания», «атрибуты по характеру пристрастий», «атрибуты по

роду занятий», «одежда», «семейный статус», «имущественный статус», «социальное положение», «сословие», «контрагент».

Концепт WEIB – таксоны «отрицательные морально-нравственные качества», «много лет», «тело как физиологическая сущность», «характеристика коммуникативного и бытового поведения», «низкие интеллектуальные способности», «контрагент».

Таким образом, в современном сознании и русских и немцев актуализируются **поведенческая характеристика** (*грубая, крикливая, базарная, Geschrei, grob*) и **интеллектуальные способности** (*дура, глупая, Dummheit*). Деактуализированными признаками для немцев являются **физическая сила, этническая идентификация, атрибуты, социальный статус**; для русских – **тело**.

В рамках полевой методики структуру концепта БАБА / WEIB можно представить как ядро – общее для исследуемых этносов, – заключающее постоянные доминантные признаки концепта «грубая, имеющая плохие манеры; глупая» (*grob; Geschrei, базарная; dummheit, глупая, дура*); ближайшую периферию – частично совпадающие признаки «злая –стервовзная», «старая – без возраста», «тело – размеры»⁴, (*Böse, стерва; alt, пожилая, без возраста; Körper, большая; Brust, толстая*); дальнейшую периферию – национально специфичные признаки «устаревшее», «богатырь», «деревенская» и др. (*mittelalter, veraltet, Schiller и др.; коня остановит, боевая, гром, простая, на сене, семечки, колхозница* и др.).

В контексте идеи соотносимых концептов мы рассмотрели ассоциаты слов-стимулов *der Bauer* (мужик), *die Frau* (женщина), *der Mann* (мужчина), *der Kerl* (парень).

Для интерпретации результатов мы скалькировали русскую идеографическую сетку, где представление о МУЖИКЕ коррелирует с представлением о БАБЕ, а представление о МУЖЧИНЕ с представлением о ЖЕНЩИНЕ. Исследуя русское национальное сознание, мы предполагали, что концепты МУЖИК / БАБА и МУЖЧИНА / ЖЕНЩИНА – это продукты разных культур в рамках одного этноса: 1) «деревенской» и «городской люмпен» культур (МУЖИК/БАБА); 2) интеллектуальной духовной культуры,

⁴ Все признаки, составляющие ближайшую периферию, являются градуальными. Т.е. слова-реакции, имеющие общий родовый признак, могут быть представлены в виде градуальной оси нарастания признака. Например, «злая–стервовзная» (*Böse, злая, злобная, злющая, стерва, змея, мегера*).

представляющей не только образованность (рацио), но и духовное развитие (МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА) [Гусар, 2001, с. 46].

Примечательно, что в ответах русских МУЖИК выступает как контрагент БАБЫ. Реакции же немцев на слова-стимулы *das Weib* (баба), *der Bauer* (крестьянин; разг. мужик (*о грубом человеке*)) [БНРС, с. 131] иные. В качестве контрагента WEIB выступает KERL (парень) 1. (ugs.) a) männliche Person, Mann, Bursche: ein junger, kräftiger, großer Kerl die Langen Kerl (von Friedrich Wilhelm I. Von Preußen gexhaffene Leibgarde, in die nur besonders große Männer aufgenommen wurden); b) Liebhaber: einen Kerl haben;

2. (durch bestimmte [positiv Charakter] eigenschaften charakterisierter) Mensch: sie ist ein feiner, netter, guter Kerl; ein lieber, tapferer Kerl.

3. (veraltet) Diener

4. (ugs.) besonders großes Exemplar, Praxtexemplar: wir haben Äpfel gepflückt, solche Kerle!

В качестве реакции на слово-стимул *der Bauer* реакция *das Weib* не зафиксирована ни разу. *Der Bauer* (мужик) в немецкой культуре прежде всего крестьянин, ведущий, в отличие от *das Weib*, этнически не осуждаемый образ жизни (реакции: *Feld* 50% (поле), *Wetter* (погода), *Natur* (природа), *Heu* (сено), *Hand* (рука), *hart* (крепкий), *einfach* (простой), *Weizen* (пьяница), *Bauer* (крестьянин)). Сравните с данными Duden Deutsches Universalwörterbuch: Bauer 1. a) jmd., der berufsmäßig Landwirtschaft betreibt; Landwirt; b) (ugs. abwertend) grober, ungehobelter Mensch: er ist ein richtiger Bauer.

Среди реакций на стимул *der Kerl* (*Bier* (пиво), *stark* (сильный), *Typ* (тип), *Student* (студент), *hart* (крепкий), *Grob* (ö!) (грубиян), *ganove* (мошенник)) зафиксированы общие для слов *das Weib* и *der Kerl* реакции: *grob* (грубый), *dummheit* (глупый), *Schiller*. В 1781г. Фридрих Шиллер пишет поэтическое произведение, которое на русский язык переводится как «Мужичья серенада». В прецедентном же тексте используется слово *der Bauer*, а слово *der Kerl*:

«До чего же ливень зол! Мокнут шляпа и камзол из-за вздорной **бабы**...
Дождь и гром. В глазах черно. **Баба**, выгляни в окно! **Дура**, выгляни в окно!
Стерва, выгляни в окно! Ах, тебе не жалко?»

Как видим, в культурном авторском тексте представлены корреляция *das Weib* / *der Kerl* и контекстуальная синонимизация *das Weib* – стерва – дура (сравните с ядерными таксонами концепта БАБА / WEIB).

Для дальнейшего анализа мы использовали не только результаты проведенного нами эксперимента, но и данные словаря «Ассоциативные нормы русского и немецкого языков». Оба поля ассоциатов (представленные в словаре и полученные в эксперименте) позволяют констатировать актуальность для современной немецкой культуры соотносимых концептов FRAU / MANN, концепт WEIB деактуализирован как далекое прошлое (было); концепт BAUER (мужик = крестьянин) не обладает содержанием, свойственным русскому концепту МУЖИК.

Следует отметить, что слово *die Frau* в немецком языке означает и «женщина» и «жена». Такой же синкретизм мы находим и в литовском языке,

что само по себе является важным знаком культуры. Ассоциативный эксперимент позволил выявить следующие актуальные для современного носителя языка смыслы слова *die Frau*: 442

- 1) **контрагент** (162 реакции из 525: *Mann* – мужчина);
- 2) **женственность** (57 из 525: *weiblich* 52, *Weiblichkeit* 5 – женственность);
- 3) **материнство** (53 из 525: *Mutti* 2, *Mutter* 30, *Mama* – мама, *Kinder* 11, *Kind* 4 – ребенок, *Leben* 2 – жизнь, *Geburt* – рождение, *Fruchtbarkeit* 2 – плодovitость, *schwanger* – беременная);
- 4) **красота** (39 из 525: *schön* 16, *ist schön* – прекрасна, *Schönheit* 7 – красавица, *Wunderbares* – чудо, *Fee* – фея, *Traum* – мечта, *nie schlecht* – никогда плохая, *Sympatie*, *Ästhetik*, *elegant* 3, *nett* 3 – миловидная);
- 5) **физические характеристики** (26 из 525: *Busen* 4, *Brust* – 6, *Brüste* 2 – грудь, *lange Haare* 6, *langes Haar* – длинные волосы, *Lippen* – губы; *klein* 2 – маленькая, *groß* – большая, *schlank* 2 – стройная, *dick* – толстая, *stark* 2 – сильная, *schwach* – слабая);
- 6) **возраст** (19 из 525: *alt* 5 – старая, *Mädchen* 5 – девочка, *jung* – юная, *Oma* – бабушка, *wie alt?* – сколько лет?, *reif* – зрелая, *erwachsen* 3 – взрослая, *Erwachsene*, *erfahren* – опытная);
- 7) **сексуальный объект** (18 из 525: *Sex* 6, *Sexsymbol*, *Eva* 2, *die Liebe* 2, *lieb* 3, *Fall*, *die Frau*, *Geschlecht* – пол, *Geschlechtsverkehr* – половое сношение, *Lustobjekt* – объект желания, *Sinnlichkeit* – чувственность);
- 8) **жена** (17 из 525: *Ehe* 5 – брак, *Ehefrau* 2 – жена, *Ehemann* – муж, *Ehepartner* партнер в браке, *Lebenspartner* – партнер в жизни, *Frau*, *Gattin* 3 – жена, *heiraten* – жениться, *Hochzeit* – свадьба);
- 9) **человек** (12 из 525: *Mensch* 2 – человек, *Lebenspartner* – партнер в жизни, *Partner* – партнер, *Gleichberechtigung* – равноправие, *selbständig* – независимость, *Emanzipation* 3 эмансипация, *Feminismus* 2 – феминизм, *na ja fast* – пусть так);
- 10) **домашнее хозяйство** (11 из 525: *Herd* 2 – плита, *putzen* 2 – убирать, *kochen* 3 – стряпать, *Hausfrau*, *Hausweib* – домашняя хозяйка, *Haushalt* – домашнее хозяйство, *Küche* – кухня);
- 11) **одежда** (9 из 525: *Bekleidung* – одежда, *schön bekleidet* – прекрасно одета, *Rock* 2 – юбка, *Kleid* 4 – платье, *Kopftuch* – косынка);
- 12) **нравственные качества** (7 из 525: положительные – *Gerechtigkeit* – справедливость, *Regel* – правило, *Macht* – сила, *stolz* – гордая; отрицательные – *Schlauheit* – хитрость, *tückisch* – коварная);
- 13) **коммуникативные характеристики** (4 из 525: *höflich* – вежливая, *freundlich* – приветливая, *reden* – разговаривать, *gütig* – любезная);
- 14) **работа** (3 из 525: *arbeiten* – работать, *arbeitsam* – работающая, *Lehrerin* – учительница);
- 15) **интеллектуальные способности** (3 из 525: *genial* – гениальная, *klüg* – умная, *albern* – глупая);
- 16) **непостижимость** (2 из 525: *unergründlich* – непостижимая, *unverständlich* – непонятная).

В русском бытовом сознании актуализируются следующие смыслы концепта ЖЕНЩИНА (437 ассоциатов):

- 1) **красота** (137 из 511: *красивая 66, красива 2, красота 10, красавица 2, великоленная, идеальная, ослепительная, королева, мечта, моей мечты, прекрасная 3, прекрасно 3, прекрасна 3, очарование, очаровательная, прелесть, привлекательная 6, обаятельная 4, милая 10, приятная 3, симпатичная 3, интересная 5, элегантная 4, со вкусом*);
- 2) **контрагент** (77 из 511: *мужчина 76, мужик 1*);
- 3) **материнство** (50 из 511: *мать 35, мать, т.е. имеющая детей, материнство, с ребенком 5, мама 3, ребенок 3, беременность*);
- 4) **возраст** (27 из 511: *старая 2, в возрасте, возраст, все особи женского пола старше 25, стара, пожилая 5, молодая 11, девушка 4, девочка*);
- 5) **одежда** (27 из 511: *платье, в белом 19, в черном 2, в голубом, в красном, в платье, туфли, лента*);
- 6) **зло/грех** (24 из 511: *зло, зло и счастье, проститутка, потаскуха, трахнуть, трахаться, роковая, вамп, модель, обольстительница, прелестница, кокетка, падшая, исчадие, змея, зверь, тварь, стерва, крокодил, мрак, кошка, хочет, обшая, каторга*);
- 7) **сердечность** (15 из 511: *добрая 7, доброта, жалость, жаль, на сердце, нежность, ласковая*);
- 8) **мудрость** (13 из 511: *мудрая 4, истина, умная 8*);
- 9) **любовь** (13 из 511: *любовь 5, любит, Венера, Диана, обольстительница, прелестница, кокетка, желанная*);
- 10) **жена** (9 из 511: *жена 6, замужем, кольцо, дома*);
- 11) **физические характеристики** (8 из 511: *длинноногая, длинные волосы, модель, высокая, толстая 3, хрупкая*);
- 12) **глупость** (7 из 511: *дура 2, глупая 2, все глупы, болтовня, легкомысленная, странная 2*);
- 13) **труд** (7 из 511: *интенсивность: работага, труженица, усталая 2, уставшая, с сумками, сумки, магазин; специальность: врач 3, учитель, гинеколог*);
- 14) **поющая** (7 из 511: *которая поет 4, поет 2, поющая*);
- 15) **одиночество** (6 из 511: *одинокая 2, одна, много, ждет, в песках*);
- 16) **непостижимость** (5 из 511: *загадка 3, странная 2*);
- 17) **духовность** (5 из 511: *душа 2, святость 2, строгая*).

МУЖЧИНА – 503 ассоциата. Шесть ассоциатов *мужик* говорят об идентичности понятий «мужик» и «мужчина» для части носителей русского языка (возможность синонимичных сочетаний *настоящий мужчина, настоящий мужик*).

- 1) «**мужественность**» – 155: **а) сильный** (78: *сильный 43, сила 12, мускулы, гигант, гора, крепкий, культурист, атлет, мужественный 2, мужество 2, большой, грузный, в теле, в соку, крутой, боец 2, воин, постамент, спортсмен, Тарзан, хилый, Шварценеггер*); **б) настоящий** (78: *настоящий 9, стопроцентный, истинный, что надо, полноценный,*

класс, классный, клеветный, хороший 3, лучший, верный, надежный 2, сдержанный, выдержанный, благородный 2, джентльмен, крутой, деловой, или нет, обратить внимание, опора, орел, порядочный, принц, рыцарь, султан, твердость, твердый, честь, честный, щедрый, как я, я, не женщина 2);

- 2) **контрагент** (104: женщина 88, и женщина 13, девушка, не женщина 2);
- 3) **красота** (58: красивый 16, красавец 10, интересный 4, обаятельный 3, вальяжный, видный 2, солидный 2, в теле, в соку, нарядный, элегантный 3, импозантный, симпатичный 3, как в кино, класс, классный, клеветный, прелесть, приятный, страшный, представительный, экстравагантный, яркий);
- 4) **возраст** (52: старый 4, средних лет 12, в возрасте 8, пожилой 7, в годах 2, в годах, в расцвете лет 2, в расцвете сил, в полном расцвете лет, зрелый, взрослый, молодой 7, молод, парень, мальчик, ребенок, юноша);
- 5) **отрицательная зона** (26: самец 4, кабан, козел, эгоист 2, воля, был, жулик, врет, плохой, позорный, подлец, сволочь, субъект, редиска, проказник, гуляющий, Дон Жуан, дрянь, дырка, любвеобильный, неудобный, особь мужского пола);
- 6) **любовь** (17: любимый 6, любовь 3, любящий, влюбленный, любвеобильный, дорогой, душа, сексуальный, обнял, дарит цветы);
- 7) **пол** (15: лицо мужского пола, мужской пол, мужчина, особь противоположного пола, сам, субъект, самец 4);
- 8) **семья** (15: отец 3, глава семьи, муж 2, заботится, хозяин 3, брат, холостой, ребенок, сынок);
- 9) **атрибуты** (14: в шляпе 4, костюм 3, брюки, в белом, в галстуке, в пальто, пиджак, табак, шляпа и плащ);
- 10) **интеллектуальные способности** (13: умный 6, ум, интеллектуал, интеллигент, глупый 2, дуб, дурак);
- 11) **свой/чужой** (11: мой 3, я твой, знакомый 2, партнер, чужой, ничейный, прохожий, Родина);
- 12) **внешность** (9: лысый 2, лысеющий, борода, черный 2, блондин, рыжий, седой);
- 13) **динамизм** (6: был, вышел, едет, идет, который спешит, динамика);
- 14) **профессия** (2: врач, хирург).

MANN – 381 реакция. В немецкой культуре это прежде всего *Herr* 4 (господин), *Person* 2 (персона), *Herrscher* (властелин).

- 1) **контрагент** – (164 *Frau*);
- 2) **сильный** – (57: *Stärke* 7, *Macht* – сила, *stark* 38, *kräftig* 2 – сильный, *Muskel* – мускулы, *muskulos* – величина, *Männlichkeit* – мужественность; *männlicher Körper* – сильное тело, *mächtig* – могучий, *Gewalt* – власть, *der Beste immer* – лучше всех, *festhalten* – крепко держать, *brutal*);

- 3) **семья** (45: *отец* 34 (*Vater* 25, *Familienvater*, *Papa* 6 – отец, *Oberhaupt* глава, *Kind* ребенок); **муж** 11 (*Ehe* 5 – брак, *Ehefrau* – жена, *Gatte*, *Ehemann* – муж, *Familie* – семья, *Haus* – дом, содержащий семью);
- 4) **внешность** (18: *Bart* 11 – борода, усы, *Vollbart* – окладистая борода, *Augen* – глаза, *Bierbauch* – пивной живот, *Haare* – волосы, *Behaart* – волосатый, *Schwarz* – человек, *Kurzhaarfrisur* – ежик);
- 5) **возраст** (12: *alt* 6 – старый, *reif* – зрелый, *erwachsen* – взрослый, *jung* – юноша, *Junge* 2, *Opa* – дедушка);
- 6) **секс** (12: *Penis* 2, *Sex* 2, *Pornostar* 2, *Befriedigung* – удовлетворение, *Trieb* – инстинкт, *Besichung* – отношения, *unfähig* – неспособный, *brutal*, *objekt Begierde* – объект страстного желания);
- 7) **отрицательная зона** (14: *ist nicht das Beste auf der Welt* – не лучшее на свете, *Lebewesen* – живое существо, *Bock* – козел, *Schwein* – свинья, *grob*, *brutal*, *roh* – грубый, *schwierig* – трудный, *ohne Latte* – без планки, *schlecht* – плохой, *böse* – злой, *Arroganz* – заносчивость, *Verlust* – ущерб, *Verbrecher* – преступник);
- 8) **защитник** (10: *Schutz* 3 – защита, *Beschützer* 2 – защитник, *beschützen* – защищать, *Geborgenheit* 2 – чувство безопасности, *Lebensgefährtin* – риск, *Verständnis* – понимание);
- 9) **работа** (9: *Arbeit* 4, *Brotverdiener* – добытчик, *Ernährer* – содержащий семью, *Bauarbeiter* – строитель, *Chef* – шеф);
- 10) **человек** (8: *Mensch* 3, *Freund*, *lebt*, *Gottesschaffung* – божье творение, *Bayer* – баварец, *Hitler* – Гитлер);
- 11) **любовь** (7: *die Liebe* 4, *Geliebter* – любовник, *süß* – сладкий, *mein Mann* – мой мужчина);
- 12) **атрибуты** (6: *Bier*, *Hut* 2 – шляпа, *Auto*, *Fußball*, *Hose* – штаны);
- 13) **красота** (6: *schön* 2, *hübsch* 2 – красивый, *attraktiv* – привлекательный, *aussehen* – выглядеть);
- 14) **чужой** (4: *fremd* – чужой, *Fremder* – чужестранец, *unbekannt* – неизвестный, *alternativ* – альтернативный);
- 15) **интеллектуальные способности** (2: *klug* – умный, *lernt* – учится).

Выделенные смыслы демонстрируют несовпадение таксономических сеток концептов ЖЕНЩИНА и FRAU. Принятое в качестве этикетного обращения слово *die Frau* прежде всего указывает на семейный статус женщины, что отразилось в таксонах «контрагент» (2) (слово *der Mann* также культурный знак, совмещающий смыслы «муж» и «мужчина»); «материнство» (3); «жена» (8); «домашнее хозяйство» (9) (отголоски исторического стереотипа поведения *die Frau – Kinder, Kirche, Küche*).

Таким образом, социальная маркированность субъекта в современной немецкой культуре ставится выше, чем его физические и духовные качества.

В русской культуре ядро концепта ЖЕНЩИНА составляет красота, сопряженная с любовью, сердечностью, духовностью и непостижимостью. Красота, скорее, внутренняя, чем внешняя.

Даже такой актуальный для русской культуры таксон, как одежда, имеет не конкретное наполнение (ср.: нем. *Bekleidung, schön bekleidet, Rock, Kleid, Kopfsuch*), а образное (*в белом, в черном, в голубом, в красном*). В немецкой серии эксперимента цветовая символика не была зафиксирована ни разу.

Характерное для русского самосознания противопоставление «любовидуховности» (9) и «блуда / секса как греха» (6) не свойственно немецкой культуре, в которой представление о сексуальном объекте формируется ассоциатами с положительной оценочностью.

Актуальный таксон «человек», манифестирующий социальную значимость, независимость и самодостаточность *Frau*, не находит соответствия в русском культурном стандарте (ср.: *Курица не птица...* женщина человек ли?).

Концепт FRAU, несомненно, монотипен, тогда как концепт ЖЕНЩИНА явно объединяет в себе два подтипа: женщина-мать и «новая женщина» – продукт русского кризиса конца XX в. [Степанов, 2001, с. 790]. С первым связаны красота (духовность), доброта и мудрость, любовь и тяжелый труд, нередко одиночество, со вторым – блуд / секс как грех, зло и глупость. «В Москве, да и во всей России, теперь невероятное количество молодых женщин, бросающих своих детей. ...Но неужели это главный тип Российской женщины наших дней?» [там же, с. 783].

Данные подтипы можно рассматривать в качестве оппозиции идеала и антиидеала женщины – в русской культуре прежде всего женщины-матери («для русского человека основная категория – материнство» [Уфимцева, 1995, с. 243]). Отказ от материнства, неверность и отсутствие целомудрия, как и свободное сексуальное поведение, решительно осуждаются в русском обществе.

Нравственные доминанты русской женщины есть не что иное, как ее состояние и качество материнства, вероятно, в силу того, что красота в русской культуре есть прежде всего духовность. Физические характеристики женщины (11) занимают небольшое место в общей структуре концепта. Иную картину дает немецкое бытовое сознание: среди разнообразных характеристик внешности (5) высвечиваются две наиболее частотные – грудь (*Busen 4, Brust – 6, Brüste 2*) и длинные волосы (*lange Haare 6, langes Haar*). Вполне возможно, это как раз то, что делает *die Frau Lustobjekt*[ом].

Наличие в концепте FRAU коммуникативных характеристик еще раз подтверждает мысль о важности (в рамках европейской культуры) умения «держат форму», в том числе и речевую (ср. английскую поговорку: *хорошие привычки лучше хороших намерений, а хорошие манеры лучше хороших привычек*).

При сопоставлении таксономических сеток концептов ЖЕНЩИНА и FRAU высвечиваются 3 зоны: совпадения, перекрещивания и различия.

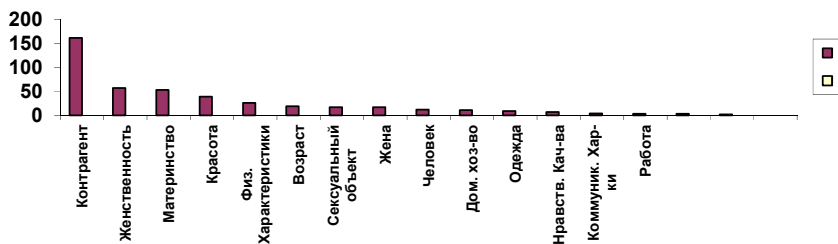
Концепт ЖЕНЩИНА

Концепт FRAU

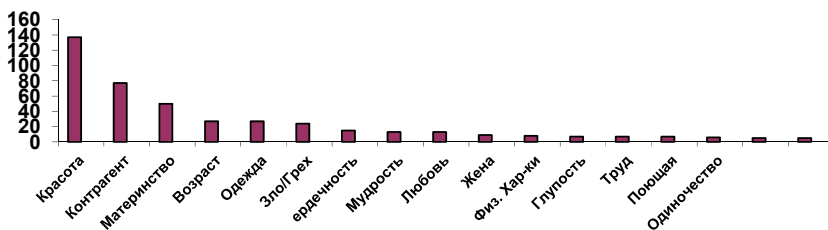
совпадение	
Контрагент	контрагент
Красота	красота
Материнство	материнство
Возраст	возраст
Жена	жена
физические характеристики	физические характеристики
Одежда	одежда
Непостижимость	непостижимость
перекрещивание	
сексуальный объект	любовь зло/секс как грех
домашнее хозяйство работа	труд а) интенсивность б) специальность
интеллектуальные способности	мудрость глупость
различие	
Женственность	поющая
Человек	одинокчество
нравственные качества	духовность
коммуникативные характеристики	

Национально специфичное в концепте формируется не только зоной несовпадения, но и индексом значимости таксона, соответствующим частотности реакций. Таким образом, национально специфичное концептов может быть представлено схемой Гейгера.

Die Frau

Женщина

Несомненно, что национально-культурную специфику концепта отражают и индивидуальные реакции, «заполняющие» таксон. Так, ассоциат *кошка* скрывает следующие смыслы: «непрезентабельность», «блудливость» (фразеосочетания *драная кошка*, *угорелая кошка*), «независимость, вольнолюбивость, непредсказуемость» (*кошка, которая гуляет сама по себе*).

Отсутствие таксона «домашнее хозяйство» в структуре концепта ЖЕНЩИНА и наличие реакций *работяга*, *труженица*, *усталая*, *уставшая*, *с сумками*, относящихся к таксону «интенсивность труда», свидетельствуют о том, что русское общество требует от женщины исполнения функций не только хозяйки, но и кормилицы семьи. Иное, чем в таксоне концепта FRAU, содержание контрагента (в него не вошёл компонент «муж») порождает национально специфичную корреляцию «свой/чужой» мужчина (см. идеографическую сетку МУЖЧИНА).

В качестве вывода: Мультикультурный концепт БАБА / *das Weib* / ЖЕНЩИНА / *die Frau* имеет сложную структуру и содержание. Обусловлено это целым набором факторов: территорией проживания народа (Г. Гачев), социальной стратификацией обществ, историческим путем и духовной миссией. Однако наличие общих зон и зон пересечения позволяют говорить о существовании мультикультурного концепта.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1994.
2. БНРС – Большой немецко-русский словарь. 9-е изд., стереотип. М., 2002.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Монография. М., 1997. 416 с.
4. Гусар Е.Г. «Баба» в зеркале русского менталитета // Известия Алтайского гос. ун-та. 2001. № 4. С. 46–50.
5. Гусев С.С., Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение: Структура и способы организации: Монография. СПб., 1994.
6. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: Учеб. пособие. Калинин, 1977.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира: Монография. Воронеж, 2002.

8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
9. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: Монография. М., 1996.
10. Уфимцева Н.В. Русские глазами русских // Я – система. Я – текст. Я – способность: Сб. статей / Ин-т РЯ РАН. М., 1995. С. 242–249.
11. Уфимцева Н.В. и др. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков: Ассоциативный словарь. М.; Воронеж, 2004.
12. Duden: Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverlag, 2003.

О.В. Давлетбаева

ОБРАЗ АЛТАЯ В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА (Алтайский государственный университет, Россия)

Аннотация: В статье предпринимается попытка построить концепт топонима *Алтай* в языковом сознании жителей региона. В качестве основополагающей используется идея о двух уровнях топонимической системы: онтологическом и ментальном. Онтологический уровень представляют контексты, в которых упоминается данный топоним, ментальный – материал, собранный при помощи метода ассоциативного эксперимента. С помощью анализа указанных материалов статья описывает образ Алтая как определяющего звена, соединяющего все остальные части ментальной картины региона.

Ключевые слова: Алтай, концепт, топонимическая система, ментальный уровень, онтологический уровень.

Abstract: The article presents the research which is an attempt to construct the concept of the toponym *Altai* in the language consciousness of the region residents. The article uses the basic idea of 2 toponymic levels which are the ontological and the mental one. The ontological level is presented by the contexts where the toponym is mentioned, the mental level is presented by the material collected with the help of the associative experiment. By analysing the materials mentioned, the article describes the image of Altai as the main link connecting all the other parts of the mental picture of the region.

Keywords: Altai, concept, toponymic system, mental level, ontological level.

Одним из способов описания закономерностей и особенностей взаимодействия языка, сознания и культуры выступает понятие «концепт». Концепт возникает путем столкновения словарного значения с личным и народным опытом человека. В связи с этим потенции концепта тем шире и

богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека [Лихачев, 1997, с. 281-282].

Используя данные теоретические положения, а также результаты ассоциативного эксперимента и выбранную нами контекстную информацию, мы попытаемся построить образ Алтая в языковом сознании жителей региона.

Именно в силу когнитивного характера данного явления основным методом нашего исследования был выбран метод лингвистического эксперимента (с использованием методики ассоциативного эксперимента), так как вся жизнь человека фиксируется, интерпретируется и обобщается в категориях языкового сознания, которые вербализуются системой языковых единиц [Уфимцева, 2001, с. 61]. Как известно, ассоциации выполняют важнейшую функцию связи элементов и подструктур концепта как внутри него самого, так и за его пределами, т.е. связи между концептами, формирующими картину мира. Ассоциации отражают эмпирический опыт человека, его знания о мире, чувства, эмоции и т.д.

В ходе исследования был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие 50 человек в возрастной категории от 14 до 32 лет, как женщины, так и мужчины. Наиболее частотной реакцией информантов были реакции *горы* (8 реакций), *горный* (3 реакции), *горы, свежий воздух; горы, Горный Алтай*. Среди этой группы реакций, с точки зрения туризма, интересна следующая: *алтайские горы, санвайбс*. (прим. SUNVIBES – это музыкальный фестиваль, ежегодно проходящий на территории Горного Алтая и привлекающий большое количество молодежи, фестиваль за 8 лет своего существования стал необычайно популярным, это символ свободы и лета).

Еще одна группа частотных ассоциаций связана с природой Алтая: *красивая природа* (2 реакции), *чистая вода и трава, простор, травы, зерно, пшеничные поля*. Данные реакции представляют большой интерес, т. к. наряду с первой группой создают оппозицию: 1-я группа связана с территорией Горного Алтая, 2-я описывает территорию Алтайского края, равнинную природу – *простор, травы, пшеничные поля*. Ассоциации *пшеничные поля, зерно* безусловно являются результатом закрепленности в сознании респондентов информации о том, что Алтайский край – сельскохозяйственный край, один из крупнейших производителей зерна.

Следующая группа частотных реакций: *родина* (2 реакции), *мой родной край* (2 реакции), *край родной* – очевидные и ожидаемые ответы жителей Алтайского края. Сюда же можно отнести реакции *регион* (2 реакции), *край, республика*. Данные ассоциации квалифицируют Алтай как субъект Российской Федерации. Здесь вновь очевидна оппозиция *край – республика*, Алтайский край – Республика Алтай, тогда как *регион* является в этом отношении нейтральной.

Также ожидаемыми явились реакции типа *отдых, расслабон, курорт*, связанные с известностью Алтая как туристического места. Сюда же, на наш взгляд, можно отнести реакции *водка, хорошая водка, настойка, медовуха*. Ассоциации типа *водка* связаны непосредственными воспоминаниями

респондентов об отдыхе; ассоциация *настойка* – реакция на реалию: Алтай всегда славился своими настойками; ассоциация *медовуха* также связана с реалией: на территории Алтайского края находится село Сростки, знаменитое, в том числе, и этим напитком.

Реакциями на быт и культуру алтайской народности являются ассоциации *шаманы из дерева, шаман, хан, место сил; алтаец*.

Ассоциация *минеральная вода*, на наш взгляд, является вновь реакцией на реальную ситуацию: на территории Алтайского края и Республики Алтай находится большое количество источников.

Оппозицию представляют единичные реакции *там, где я еще не был – хочу там побывать!* Последняя реакция образует еще одну оппозицию с реакцией *надоел уже*.

Единичная ассоциация *золото* является реакцией на весьма распространенную этимологию слова Алтай – ‘золотые горы’.

Единичные образные ассоциации: *своеобразный, но тоже красивый; здание куполообразное остроконечное очень высокое*.

За основу исследования нами было принято положение о существовании двух уровней бытия топонимической системы [Дмитриева, 2002, с. 14]. Данные ассоциативного эксперимента представляют ментальный уровень бытия топонимической системы, тогда как его онтологический уровень представляют контексты употребления топонимов, подкрепляющие анализ ассоциативных полей топонимов. Материалом послужили данные топонимических экспедиций разных лет, а также воспоминания старожилов Алтая.

Итак, языковой портрет концепта Алтай, который мы получили путем наложения данных ассоциативного эксперимента и данных справочных источников вырисовывается следующим образом: Алтай – это не центр, не периферия, не граница и не точка отсчета, Алтай в сознании жителей региона – это и есть то самое пространство, в которое встраивается и в котором выстраивается все дальнейшее существование, как онтологическое, так и ментальное: «... здесь Алтай – вроде не к сибирякам, не преклонялись, здесь вроде как чисто русские» [Алт. край, Калм. р-н, с. Буд]. Алтай – это то самое место единения русского и инородного, чужого, но соседского с т.з. пространственной ориентации: «Село делилось на края. Там Алтайский край – дорога проходит там, ведет в районный центр» [Алт. край, Алт. р-н, с. Ст. Белок] и т.д.

Концепт Алтай рисует пространство, окружающее индивида, но он же служит номинацией других объектов: «Алтай – улица» [Алт. край, г. Барнаул, Ленин. р-н, с. Ново-Михайловка]; «Где мы жили, там часть села Алтай называлась» [Алт. край, Косих. р-н, с. Косиха]; «Это совхозное отделение, Алтай» [Алт. край, Калм. р-н, с. Алтай], и этот факт, на наш взгляд, является несомненно важным, т.к. то, что Алтай служит номинацией и для других географических объектов, характеризует закрепленность данного имени в сознании, его значимость, его положительную коннотацию.

Данные ассоциативного эксперимента дополняют образ Алтая как заветного места – того самого Беловодья, которое многие искали: золото, простор, травы, пшеничные поля, горы, свежий воздух. Но, кроме того, Алтай – это и родина, родина силы, простора и духа ветра. В связи с этим, можно утверждать, что Алтай – это тот концепт, который становится определяющим звеном, соединяющим все остальные части ментальной карты региона.

Литература

1. Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул, 2002.
2. Лихачев Д.С. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под рук. проф. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280-287.
3. Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 65-71.

И.Н. Дьяченко

ОПЫТ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

(Алтайский государственный университет, Россия)

Аннотация: В статье предпринята попытка рассмотрения текста и его перевода с точки зрения сохранения / изменения фоносемантической и смысловой доминанты. Связь фоносемантического и смыслового уровней текста органично находит отражение в переводе. В тексте создается амбивалентная эмоция. Последовательность концептов внутри доминантного смысла адекватно представлена в переводе.

Ключевые слова: фоносемантическая доминанта, смысловая доминанта, доминантный смысл, концептуальная система.

Abstract: The article deals with the text translation on the basis of phonosemantic and semantic dominants. The connection of phonosemantic and semantic levels are naturally presented in the text translation. The ambivalent emotion is created in the next. The string of concepts is represented in the translation.

Key words: phonosemantic dominant, semantic dominant, dominant meaning, conceptual system.

Рассматривая проблему понимания иноязычного текста и перевода его на другой язык, исследователи сталкиваются с проблемой соответствия перевода оригиналу, ведь переводчик, в отличие от автора, не моделирует действительность, а лишь по возможности верно и полно воспринимает

социальную обусловленность произведения и заново воссоздает её средствами языка перевода.

Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Под «целостностью» перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами. То есть перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем. Это требование относится как ко всему переводу данного текста в целом, так и к отдельным его частям.

Фоносемантика, выступающая в последнее время как новая дисциплина языкознания, имеет своим предметом звукоизобразительную (т.е. звукоподражательную и звукосимволическую) систему языка и изучает связь между звуком и смыслом.

Что касается звукоподражательных слов, то здесь «имеется полная ясность относительно возможных признаков, полагаемых в основу номинации (эти признаки всегда представляют собою звук)» [Воронин, 1982, с. 87]. Данные слова «обозначают чаще всего явления, возникающие при взаимодействии предметов (удар, треск, хруст, звон, скрип, трение); звуки, издаваемые человеком и животными, физиологические процессы...» [Левицкий, 1994, с. 28]. Относительно признаков номинации звукосимволической лексики подобной ясности не существует. В целом сферу мотивации данных слов представляется возможным определить как «незвук».

А.П. Журавлев выделяет в слове понятийное ядро, признаковый аспект и фонетическую значимость, которая «не обозначает ни понятия, ни предмета.. Ее описание, ее характеристика - это набор признаков... и пусть мы этой значимости не осознаем, она все же входит в значение слова, оказывая свое влияние на восприятие слова и его жизнь в языке» [Журавлев, 1991, с. 27]. Тот факт, что звуковая оболочка слова во многом определяет и направляет процесс понимания, в силу того, что неосознанно отдельные звуки и их комплексы воспринимаются как содержательные, подтверждается экспериментально в работах многих исследователей и уже не вызывает сомнения.

Звукоизобразительная система языка рассматривалась исследователями в различных аспектах: изучалась проблема фонетической мотивированности языкового знака; звукоподражательные модели в языке; взаимосвязь лексического и фонетического значения; общая теория содержательности звуковой формы языка и т.д. Была рассмотрена также и проблема фоносемантического сходства в различных языках. Следует, однако, отметить, что исследований, посвященных фоносемантической составляющей в процессе перевода, практически не существует.

В данной статье нами предпринята попытка рассмотрения текста и его перевода с точки зрения сохранения / изменения фоносемантической и смысловой доминанты.

Вслед за В.А. Пищальниковой мы полагаем, что «в определении доминантного смысла следует исходить из структуры соотношений языковых единиц, фиксирующих личностные смыслы... Доминантный смысл...выявляется не из интегративного значения фиксирующих его лексем, а из ассоциативно и логически связанного ряда концептов, представленных совокупностью лексем, репрезентирующих доминантный личностный смысл» [Пищальникова, 1999, с. 37-47].

В качестве материала для анализа нами был выбран поэтический текст стихотворения Брайена Пэттена «A Talk with a Wood» на английском языке и его перевод на русский язык.

A Talk with a Wood
Moving through you one evening
when you offered shelter to
quiet things soaked in rain
I saw through your thinning
branches
the beginnings of suburbs, and
frightened by the rain,
gray hares running upright in
distant fields, and quite alone there
thought of nothing but my footprints
being filled, and love, distilled
of people, drifted free, and then
the woods spoke with me.

Разговор с лесом
Этим вечером, углубившись в тебя,
когда ты раскинул шатер
над тихим промокшим зверьем,
я увидел сквозь редкие ветки
начало предместья и
напуганных ливнем
серых зайцев, бегущих вприпрыжку
по дальнему полю.
Я был совершенно один, и не было
мыслей— разве о том лишь,
что мой след заливают вода.
И, очищенная этим безлюдьем, любовь
плыла на свободе. Тогда
я услышал,
как со мной разговаривал лес.

(Перевод И. Левидовой)

Выбор для анализа поэтического текста был неслучайным. По мнению Р. Яacobсона, «это та область, где внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной, проявляясь наиболее ощутимо и интенсивно» [Воронин, 1982, с. 119]. Следовательно, в переводе именно поэтического текста связь между звучанием и значением слов в двух языках должна акцентироваться с наибольшей отчетливостью.

Художественный текст мы, вслед за В.А. Пищальниковой, определяем как «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия» [Пищальникова, 1999, с. 4].

Текст интерпретируется реципиентом «на основе информации, которой человек обладает о мире, т.е. на основе того, что мы называем концептуальной

системой» [Павиленис, 1983, с. 11]. Введение концептов в систему происходит последовательно и непрерывно, осмысление их производится путем задействования концептуальной системы в целом. Насколько обширны и глубоки фоновые знания индивида, его представления об окружающей его действительности и предметах, настолько эффективно происходит усвоение новых концептов. Что касается художественного текста, то особую значимость представляет также наличие эмоционально-смысловой общности автора и реципиента.

Задача профессионального переводчика состоит в максимально точной передаче текста оригинала, в стремлении к адекватному отображению авторского смысла путем актуализирования структурно-смысловых связей текста и соотносимых с ними концептов.

Проанализируем текст стихотворения «A Talk with a Wood» и его перевод на русский язык с целью выявления сохранения / изменения фоносемантической и смысловой доминанты.

В качестве единицы звуковой организации текста мы выделяем звукобукву как явление психофизическое и психофизиологическое, поскольку «носителем фонетического значения является звукобуквенный психический образ, который формируется под воздействием звуков речи, но осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы» [Журавлев, 1974, с. 35-36].

В тексте оригинала преобладающими оказались следующие звукобуквы [e, i, n, r]. В русском переводе к перечисленным добавились [н', р', л'], обусловленные свойством фонетической системы русского языка различения по твердости и мягкости, а также [а, о], что, вероятно, связано с наибольшей частотностью употребления этих звуков в русском языке.

В соответствии с методом семантического шкалирования А.П. Журавлева были выявлены следующие интегративные признаки звуков [e, и, н], оказавшихся общими для текстов оригинала и перевода: хороший, большой, светлый, простой, красивый, гладкий, яркий, округлый, длинный, величественный, безопасный, добрый и т.д. Звуки [а, а, л, л', н'], добавившиеся к преобладающим в тексте перевода, обладают такими же признаками, что и вышеназванные, не внося тем самым диссонанса в фоносемантическую структуру текста, а напротив, способствуя созданию лирической, светлой доминанты.

Единственным звуком, выбивающимся из общей звуковой тональности, является звук [г] в тексте оригинала и [р], соответственно, в тексте перевода, обладающий такими признаками, как грубый, темный, шероховатый, страшный, низменный, угловатый, злой. Но это, казалось бы, несоответствие можно объяснить, обратившись к концептуальному анализу текстов.

В текстах оригинала и перевода фиксирован доминантный смысл, который можно обозначить как «прогулка по лесу». Однако внутри единого смысла, доминантного для текстов, выделяется последовательность смыслов, некоторым образом связанных между собой. Поэтому смысловую структуру текстов рассмотрим в виде иерархии этих смыслов. Первый концепт

репрезентирован в первой строфе *Moving through you one evening /* Этим вечером; углубившись в тебя. Второй смысл мы обозначим как «лес как укрытие от дождя», который представлен лексемами *offered shelter /* раскинул шатер, *things soaked in rain /* тихим промокшим зверьем. Следующий концепт можно обозначить как «вид сквозь ветви», репрезентированный сочетаниями языковых единиц *the beginnings of suburbs /* начало предместья, *gray hares /* серых зайцев, *in distant fields /* по дальнему полю. Четвертый смысл обозначим как «одиночество героя», фиксируемый словосочетаниями *quite alone there /* Я был совершенно один, *thought of nothing /* не было мыслей, *distilled of people /* очищена безлюдьем. Следующий концепт «любовь на свободе» репрезентирован сочетанием лексем *love drifted free /* любовь плыла на свободе. И последний смысл «разговор с лесом», заявленный в названии стихотворения, представлен сочетаниями слов *then the woods spoke with me /* я услышал, как со мной разговаривал лес.

Как видно из приведенного анализа концептов стихотворения, переводчик с удивительной точностью отразил смысловую структуру оригинала в тексте перевода. Передан не только доминантный смысл текста «прогулка по лесу», но и последовательность концептов внутри доминантного смысла также адекватно представлена в переводе. Согласно концептуальному анализу, каждому смыслу оригинала соответствует аналогичный в тексте перевода, воссоздавая их исходную иерархию, что свидетельствует об известной общности концептуальных систем автора и реципиента, где отражается интересубъектное знание о мире, способствующее пониманию личностного смысла.

В целом перевод практически дословно отражает текст оригинала, в связи с чем обращает на себя внимание передача лексемы *shelter* — 1) приют, кров, убежище; 2) прикрытие, укрытие...[Müller, 1989, p. 644] словом шатер, отобранным на базе ассоциативного соотнесения с чем-либо, способным защитить от дождя, и вместе с тем передавшим единственный звук [ш] текста оригинала.

Связь фоносемантического и смыслового уровней текста является довольно гармоничной, и это также нашло отражение в переводе. Светлая и лирическая фоносемантическая доминанта соответствует смысловой: тихая, спокойная прогулка под шатром леса во время дождя вызывает чувство светлой грусти и умиротворенности.

Одиночество героя, свободного от людей, мыслей и даже от самого себя (его следы заливают вода, сокрывая материальное проявление его присутствия), освобождает и любовь, которая свободно плывет, очищенная абсолютно от всего, что приводит в итоге к единению с природой, проявляющемуся в общении, разговоре с лесом. Лес как приют и укрытие дает чувство безопасности, что отражается фоникой текста (хороший, безопасный, добрый и т.д.) Данное настроение актуализируется в основном звуками [e, и, а, о] и сонорными.

Страх напуганных ливнем зайцев, бегущих по полю, передается максимальной концентрацией именно в этом эпизоде звука [p], обладающего признаками темный, страшный, низменный, злой.

Таким образом, в тексте создается амбивалентная эмоция умиротворенности, спокойствия и безопасности в противопоставлении со страхом, злостью и темнотой, что адекватно отражается фоносемантической структурой текста (фоносемантическая доминанта красоты, добра, безопасности коррелирует с вкраплением страха, тьмы, низменности в определенной части текста).

Гармоническая связь фоносемантической и смысловой доминант адекватно передана в тексте перевода (соответствие структуры концептов, доминирующих звуков). Это объясняется существованием общей закономерности формирования связи между звуком и смыслом в различных языках, связанной с психическими и психофизиологическими особенностями восприятия, общими для представителей различных культур, ибо «...перцептивная деятельность человека, основанная на его слухе, зрении, осязании, обонянии...ни в коей мере не зависит от его национальности и языка» [Балаш, 1999, с. 21].

Литература

1. Балаш М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания (экспериментальное исследование): Дис. ...канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1999.
2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
3. Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991.
4. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.
5. Левицкий В.В. Фонетическая мотивированность слова // Вопросы языкознания. 1994. №1.
6. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
7. Пищальникова В.А. Психопэтика: Монография. Барнаул, 1999.
8. Müller V.K. Modern English-Russian Dictionary. Moscow, 1989.

О.Н. Жердева, С.В. Шелкова

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВИДА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(Финансовый университет при Правительстве РФ, Барнаульский филиал,
Россия)

Аннотация: Статья посвящена особенностям становления категории вида в английском языке в диахронии. Расщепление признака приписываемому

предмету в древнеанглийской конструкции *bēon* (*wesan*) в сочетании с причастием первым предопределило формирование категории вида в современном английском языке.

Ключевые слова: древнеанглийский период, среднеанглийский период, новоанглийский период, диахрония, категория вида, синтаксическая конструкция.

Abstract: The article considers the peculiarities of Aspect-formation in the English language in diachrony. Attribute splitting of the subject in Old construction *bēon* (*wesan*) in conjunction with Participle I predetermined the formation of the Aspect in New English period.

Key words: Old English period, Middle English period, New English period, diachrony, the category of Aspect, syntactic construction.

Категория вида в современном английском языке имеет свои специфические особенности в отличие от других языков германской группы. Исторически оппозиция совершенный vs. несовершенный вид в древнеанглийском языке трансформировалась в длительный :: недлительный вид в современном английском. В немецком языке подобной трансформации не произошло в силу разных причин. Формирование категории вида в английском языке началось в древнеанглийском периоде, когда конструкция *bēon* (*wesan*) в сочетании с причастием первым была еще не грамматикализована.

В статье представлен структурно-семантический анализ составляющих древнеанглийской синтаксической конструкции *bēon* (*wesan*) в сочетании с причастием первым.

Рассмотрим структуру компонентов заявленной синтаксической конструкции.

Глагол *bēon* (быть) являлся супплетивным. В настоящем времени рассматриваемый глагол имел две параллельные разнокорневые парадигмы, образованные от глаголов *bēon* и *wesan*. В прошедшем времени формы глагола *bēon* были образованы от глагола *wesan*. Спряжение супплетивного глагола *bēon* в настоящем и прошедшем времени представлено в таблице 1 [Ильиш 1973,104].

Таблица 1

Спряжение древнеанглийского глагола *bēon*

лицо	настоящее время		прошедшее время	
	единственное	множественное	единственное	множественное
1	eom, bēo	sint, sindon, bēoþ	wæs	wæron
2	eart, bist	sint, sindon, bēoþ	wære	wæron
3	is, biþ	sint, sindon, bēoþ	wæs	wæron

Формально причастие I образовывалось от основы настоящего времени сильных и слабых глаголов с помощью суффикса *-ende*. Например, причастие I

от глагола *zǣpan* (хватать) имело форму *zǣpende* (хватаящий), причастие I от глагола *sēosan* (выбирать), соответственно, *sēosende* (выбирающий).

Функционально причастие I сближалось с прилагательным. В предложении причастие I выступало в основном в тех синтаксических функциях, которые были характерны для прилагательных, то есть в функции определения, предикативного определения и предикативного члена в составе составного именного сказуемого. Приведем некоторые примеры.

(1) ... *þis lufjende wīf* ... «эта любящая жена» [Иванова, Беляева, 1980, с. 16].

В примере (1) причастие *lufjende* употребляется в функции определения.

(2) *enzel cōm fliende*. «Он прилетел» [Иванова, Чахоян, 1976, с. 205].

(3) *and hī cōmon ānne laman tō him berende*. «И они принесли ему одного хромого человека» [Иванова, Беляева 1980, с. 17].

В примерах (2) и (3) причастия *fliende* и *berende* употребляются в функции предикативного определения и дословно переводятся как «пришел летящий» и «пришли несущие».

(4) *hē ... wæs ealne wez yrnende*. «Он всегда бежал» [Иванова, Беляева, 1980, с. 7].

В примере (4) причастие *urnende* является предикативным членом составного именного сказуемого и дословно переводится как «был бегущий».

Формирование синтаксических функций предикативного определения и предикативного члена составного именного сказуемого у причастия I в древнеанглийском периоде связано с процессом расщепления признака, манифестируемого причастием I, приписываемому предмету [Трунова, 1991]. В сравнении с атрибутивным сочетанием *zōd wīfman* «добрая женщина», где признак приписывается предмету как неотъемлемый от него, и предмет воспринимается вместе с признаком в неразрывной совокупности, для предикативной связи характерно восприятие приписываемого признака расчлененно, например, *wīfman was zōd* «женщина была доброй».

В результате предикации в предложении *man was slǣpende* происходит расщепление признака и манифестируется признак процессуальности (длительности).

Вероятно, расщепление признака атрибутивного сочетания привело в дальнейшем к появлению значения длительности у конструкции «*bēon (wesan) + причастие I*».

Однако значение длительности, передаваемое сочетанием «*bēon (wesan) + причастие I*» в древнеанглийском периоде, носило принципиально иной характер, чем значение длительности, присущее современным временам группы Continuous, поскольку являлось неопределенным, не ограниченным во времени.

Ограничение длительного действия временными рамками достигалось лишь контекстуальными средствами – наличием обстоятельств времени, выражающих определенный период, но не было присуще самой форме.

(5) ond hīe **wæron feohtende** ealne dæg. «И они сражались целый день». [Иванова, Чахоян, 1976, с. 181].

В примере (5) конструкция *wæron feohtende* описывает действие в прошедшем времени. Характер длительности, т.е. ограничение длительности действия не выражается самой формой *wæron feohtende*, а передается обстоятельством времени *ealne dæg* – целый день.

Значение длительного действия (процесса) не являлось единственным значением рассматриваемой синтаксической конструкции. В большинстве случаев конструкция обладала описательным значением, например:

(6) on þæs sācerdes hræzle **wæron bellan hangjende**. «На одежде священника висели колокольчики». [Иванова, Чахоян, 1976, с. 182].

В примере (6) конструкция *wæron hangjende* дословно переводится как «были висящими». Представленное сочетание не манифестирует значение длительности действия в силу специфики семантики глагола «висеть».

В современном английском языке сложившаяся уже аналитическая форма длительного вида может употребляться с подобными глаголами для придания тексту большей выразительности и экспрессивности.

(7) It excited me to think that the whole world **was hanging** on my lips. [Maugham, 1988, p. 176].

В представленном предложении (7), например, длительная форма прошедшего времени манифестирует метафорическое значение.

В древнеанглийском языке конструкция «*bēon (wesan) + причастие I*» могла передавать значения начинательности действия.

(8) forðferendum þām cyninzum *Æzelbyrhto and Sæbyrhto*, heora æfterfylizendas **wæron dēofolzyrde folzjende** «после смерти королей Этельберхта и Сэберхта их преемники стали следовать за отдающими дань дьяволу» [Иванова, Чахоян, 1976, с. 182].

В примере (8) передаваемое анализируемой конструкцией *wæron folzjende* (стали следовать) значение начинательности определяется контекстом.

Подведем итог сказанному.

Древнеанглийская конструкция *bēon (wesan) + причастие I* передавала значение длительности, начинательности, обладала описательным значением.

Расщепление признака приписываемому предмету предопределило формирование категории вида в современном английском языке. Имя прилагательное, а вместе с ним и причастие I получили новую синтаксическую функцию – функцию предикативного члена составного именного сказуемого в составе синтаксической конструкции *bēon (wesan) + причастие I*.

В результате произошел процесс становления категории вида в современном английском языке.

Литература

1. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка : учеб. для вузов. М., 1976.
2. Ильиш Б.А. История английского языка : учеб. для вузов. Л., 1972.

3. Трунова О.В. Природа и языковой статус категории модальности. Барнаул – Новосибирск, 1991.

Список источников иллюстративного материала

1. Иванова И.П., Беляева Т.М. Хрестоматия по истории английского языка. Л., 1980.
2. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка : учеб. для вузов. М., 1976.
3. Maugham W.S. Lord Mountdrago // Английская новелла первой половины XX века. М., 1988.

О.Н. Жердева, С.В. Шелкова

LERNSTRATEGIEN IM DEUTSCHUNTERRICHT: ORGANISATION DER SELBSTSTÄNDIGEN ARBEIT DER STUDENTEN

(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Барнаульский филиал, Россия)

Аннотация: В статье описываются результаты практико-ориентированного проекта. Авторы пытаются ответить на вопросы о том, как можно эффективно использовать различные обучающие стратегии на уроках по домашнему чтению, развить самостоятельность и раскрыть творческий потенциал студентов.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, организация самостоятельной работы студентов, стратегии в обучении иностранному языку.

Abstract: Cognitive strategies are usually used in teaching of a foreign language. The article examines the possibility of applying cognitive, metacognitive, and affective strategies at Home Reading classes.

Key words: methods of teaching foreign languages, the organization of self-study work of students, strategies for learning a foreign language.

In der Hochschulausbildung wird ein großer Wert auf die Organisation der selbständigen Arbeit der Studierenden gelegt. Von meinem Standpunkt aus ist die Hauslektüre und die sogenannte «individuelle Lektüre» (selbstständige Lektüre) eine der guten Varianten die selbständige Arbeit der Studenten zu organisieren. Damit Lernende im Unterricht und außerhalb des Unterrichts selbstständig lernen können und Wege finden, die für sie am besten geeignet sind, brauchen sie ein Bewusstsein dafür, wie sie gern und erfolgreich lernen. Um jeweils einen geeigneten Weg zu wählen, muss man verschiedene kennen. Lernende sollen deshalb im Fremdsprachenunterricht verschiedene Lernstrategien kennenlernen [Shart, Legutke, 2012, s. 200].

Die wichtige Aufgabe der Lehrkraft ist der Selbstständigkeit der Lernenden zu fördern. In diesem Artikel möchte ich über die Anwendung verschiedener Lernstrategien und zwar kognitiver, metakognitiver, affektiver Lernstrategien bei der Hauslektüre berichten. Das habe ich zu einem Praxiserkundungsprojekt entwickelt.

Ziel meines Projekts: Entwicklung der Selbstständigkeit der Lernenden bei der Hauslektüre.

Fragestellung: Wie kann ich verschiedene Lernstrategien bei der Hauslektüre und der selbstständigen Lektüre anwenden? Was könnte sich verändern, wenn die Lernenden alle Lernstrategien (**kognitive**, metakognitive, affektive) benutzen werden?

Planschritte:

– **Organisation der selbständigen Arbeit der Lernenden im Unterricht**

– Organisation der selbständigen Arbeit der Studenten bei der Vorbereitung der Hausaufgabe

– Die Anwendung der kognitiven Lernstrategien

– Die Anwendung der metakognitiven Lernstrategien

– Die Anwendung der affektiven Lernstrategien

Beschreibung und Durchführung des Praxiserkundungsprojekts:

Teilnehmer: An meinem Projekt nahmen die Studenten der Moskauer Finanzenuniversität bei der Regierung der Russischen Föderation (Barnaular Filiale) teil. Das sind 9 Studenten des 2. Studienjahres. Ihr Sprachniveau ist B1. Als Material nehmen wir den Roman von Bernhard Kellermann «Das Blaue Band».

Impuls für das Praxiserkundungsprojekt:

Ich beobachte schon lange, dass ich im Unterricht immer selbst die Arbeit der Studenten in Schritten organisiere, und wenn sie mit einem Auszug (einem Pensum) aus dem Roman arbeiten, bestimme ich auch selbst, welche Wörter die Lernenden ausschreiben und lernen sollen. Ich erkläre auch häufig die Bedeutungen der Wörter und ihre semantischen Schattierungen. Darüber hinaus gebe ich ihnen keine Möglichkeit, zu entscheiden, welchen Wortschatz sie zum Lernen brauchen, welche Wege sie zum Wortschatzlernen wählen können, welche problemhafte Fragen sie aussondern und dazu ihre Meinungen äußern wollen.

Ich habe mir dann überlegt, auf welche Weise ich die Selbstständigkeit und Selbstverantwortung der Lernenden entwickeln könnte und welche Wege wir (außer dem traditionellen Pauken) zusammenfinden könnten um Wörter ins Gedächtnis zu recherchieren und den Roman analytisch zu lesen.

Wir arbeiten gewöhnlich an einem Auszug zwei Doppelstunden. Im ersten Unterricht schlage ich den Studenten vor, in kleinen Gruppen (2-3 Studenten) zu arbeiten. Ich teile sie selbst in Gruppen, also arbeiten die schwächeren Studenten mit den Stärkeren. Dabei folge ich dem Prinzip der Binnendifferenzierung [Zherdeva, 2015].

Zu Hause sollen die Lernenden zum Unterricht 20 Seiten lesen. Als Hausaufgabe sollen sie auch 10 Wörter oder Redewendungen aus diesem Auszug auswählen, sie ausschreiben und im Kontext unterstreichen. So stellt jeder dann im Unterricht in der Gruppe seinen Wortschatz vor. Dann schlage ich vor, die Sätze mit diesen Wörtern

zu übersetzen, Synonyme zu finden, einige Wörter auf Deutsch zu erklären, eigene Sätze mit den Wörtern zu bilden.

Ich bereite auch lexikalisch-grammatische Aufgaben vor, zum Beispiel:

- Ergänzen Sie die Sätze, gebrauchen Sie das passende Verb mit Rektion.
- Erklären Sie die folgenden Sprichwörter und Redensarten, gebrauchen Sie sie in der von Ihnen gestalteten Situation.
- Finden Sie in Dialogen lexikalische, syntaktische Mittel, die die Rede von handelnden Personen emotionaler machen (emphatische Sätze, Anfangsstellung des Verbs im Satz, Interjektionen, Ellipsen).

Wie verstehen Sie die Wortgruppen mit der übertragenen Bedeutung (z.B.: dunkle Stimme, das Vollweib, ein höllischer Beruf, geschäftige Köpfe).

Wenn sie etwas nicht erklären können, schlagen sie im Wörterbuch nach. Ich schlage auch den Lernenden vor, Wege zu suchen, wie es erfolgreicher wäre, diese Wörter besser behalten zu können. Ich sammle Vorwissen. Jeder äußert seine Meinung. Es war für mich interessant, dass fast alle Assoziationen zu finden versuchen, oft mit den Wörtern aus der Muttersprache. Oder entstehen in ihren Köpfen Bilder zu den konkreten Wörtern. Sehr oft schreiben sie die Wörter vielmals oder bitten jemanden, sie vielmals nachzufragen.

Oft versuchen sie Wortfügungen mit diesen Wörtern im Kontext zu finden und die Wörter im Kontext zu behalten, das hilft auf lange Zeit die Wörter im Kopf zu halten.

In der zweiten Doppelstunde arbeiten wir am Inhalt des Auszuges. Ich schlage den Studenten vor, die handelnden Personen zu beschreiben: das Äußere der Personen im Text zu finden, ihr Verhalten zu analysieren, problemhafte Fragen selbstständig zu formulieren. Während dieser zwei Doppelstunden beobachte ich die Arbeit meiner Studenten und helfe ihnen, wenn es nötig ist.

Ich sammle auch die Erfahrungen meiner Studenten, welche metakognitive und affektive Lernstrategien sie benutzen, um die Wörter besser zu behalten. Die Studenten erzählen einander, wie Ihnen metakognitive Strategien den Wortschatz zu lernen helfen (wie organisieren sie ihren Arbeitsplatz, was hilft sich zu konzentrieren, wann gelingt es mir besser, den Wortschatz zu lernen, wie überwache ich meinen Lernprozess? usw.).

Wir sprachen auch über affektive Lernstrategien:

- Was motiviert die Lernenden, den Wortschatz zu lernen
- Was hilft Stress reduzieren
- Welche Wörter ist es leichter, ins Gedächtnis zu recherchieren
- Um welche Zeit gelingt es euch besser, die neuen Wörter zu lernen
- Wie belohnt ihr euch usw. [Zherdeva, 2015, s. 214]

Ergebnisse:

Was habe ich bemerkt?

Die Lernenden fühlen sich im Unterricht im Rahmen meines Projekts lockerer, als im gewöhnlichen Unterricht. Durch solche lockere Atmosphäre wird auch Stress reduziert.

Die schwächeren Lernenden sind weniger aktiv, aber solche Arbeitsart ist für sie auch nützlich, sie versuchen auch ihre Meinungen zu äußern.

Kognitive Lernstrategien sind doch die führenden beim Wortschatzlernen, Nacherzählen und dem analytischen Lesen. Beim Wortschatzlernen schreiben sie die Wörter oft, bitten jemanden sie zu fragen. Um die Wörter besser zu behalten, assoziieren sie die Wörter phonetisch mit den Wörtern aus der Muttersprache, mit Bildern oder Emotionen.

Metakognitive und affektive Strategien sind auch wichtig, oft gebrauchen die Lernende solche Strategien unbewusst, z.B. sie organisieren auf besondere Weise ihren Arbeitsplatz, ohne zu denken, dass es den Wortschatz lernen hilft. Oder sie brauchen fast alle, belohnt zu werden, oft kommt es aus der Kindheit, wo sie von den Eltern gelobt worden waren.

Literaturliste:

1. Shart M., Legutke M. Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung. Klett-Langescheidt, München, 2012
2. Zherdeva O.N. Wie können Lernende neuen Wortschatz mit Hilfe der Lernstrategien lernen// Языки и культура в поликультурном пространстве. Барнаул, 2015.

Е.С. Замашанская

ИЗУЧЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ В ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ)

(Бийский технологический институт, филиал АлтГТУ им. И.И. Ползунова,
Россия)

Аннотация: Статья посвящена изучению сложностей, возникающих при переводе терминов у студентов неязыковых специальностей. В статье термины рассматриваются как фактор сложности учебного текста, на материале переводов анализируются ошибки, вызванные терминологией исходного текста, определяются наиболее типичные и предлагаются способы преодоления трудностей перевода.

Ключевые слова: термины, текст, ошибки, перевод, оценка сложности.

Abstract: The article considers difficulties appeared during the process of translation. Terms in technical texts are described as one of the factors influencing the problems with understanding and as a result translation. The author analyzes translations made by technical students, defines term mistakes and offers ways of improving writing activity.

Key words: terms, text, mistakes, translation, estimation of difficulties.

Многие учебные тексты, используемые при обучении иностранному языку в техническом вузе, принадлежат научному стилю, одной из характеристик которого является значительное употребление терминов. При этом терминсистема включает как общенаучные понятия, так и узкоспециальные, требующие особого внимания при переводе и необходимости обращаться к специализированным словарям. Таким образом, исследователи в области перевода научно-технической литературы большое внимание уделяют лексическому аспекту, в частности, технике перевода терминов (Л.С. Бархударов, Л.И. Борисова, В.С. Виноградов, Т.А. Казакова, В.Н. Комиссаров, Л.К. Прокофьева, А.Л. Пумпянский, М.Г. Рубцова, Л.Б. Ткачева, А.В. Федоров и др.)

В теории учебного текста, одним из направлений которой является определение его сложности для восприятия и понимания, также рассматривается терминология как параметр сложности. Подчеркнем, что многими лингвистами сложность текста с данной точки зрения определялась путем выявления соотношения терминов и общеупотребительной лексики (А.А. Гречихин, Ю.Г. Дреус, Я.А. Микк и др.). Представляют интерес и результаты исследования распределения терминов в структуре текста с использованием методики позиционного анализа, разработанной Г.Г. Москальчук [Москальчук, 2003]. Нами было изучено распределение терминов в структуре правил по русскому языку относительно позиционных интервалов и обозначены участки текста, которые вызвали наибольшее затруднение при работе с текстом в связи со значительным скоплением терминов. Так, наиболее насыщенными терминами оказались интервалы зачина. Особо отметим, что в интервале конца зафиксировано минимальное размещение терминов, что обусловлено фактом расположения в данном интервале информационного блока «пример».

Термины в тексте могут быть представлены несколькими словоформами и следовать друг за другом, создавая терминологическую цепь. Мы предложили формальный способ оценки сложности термина – длину терминологической цепи. Были выявлены существующие в текстах правил терминологические цепи разной длины. Измерение проводилось в словоформах (предлоги не учитывались для единообразной обработки материала). Вероятно, чем больше наслаиваются понятия в тексте, тем сложнее воспроизвести его адекватно. Длина терминологической цепи в правилах колеблется от двух до двенадцати словоформ. Нами проводилась серия психолингвистических экспериментов, в ходе которых подтвердилась зависимость снижения качества передачи информации при воспроизведении текста, если в исходном тексте имелись терминологические цепи.

Таким образом, оценка сложности учебного текста с позиции локализации элементов сложности, в частности, терминов, их специфики относительно количественных показателей, внесла вклад в решении проблемы прогноза трудностей, которые могут быть вызваны текстом у читателя и оптимизации структурно-семантических параметров учебного текста.

Мы обратились к изучению выборки переводов, сделанных студентами неязыковых специальностей (около 500 текстов). В качестве материала выступали тексты по экономике, химии, информатике, отметим, что источники содержали значительное количество терминов и требовали тщательной работы со словарями. Информантами являлись студенты 1-2 курсов бакалавриата, в процессе перевода им разрешалось пользоваться специализированными словарями. Основными задачами являлись: определение типичных ошибок в переводе терминов, объяснение причин неправильного перевода терминов. Отметим, что анализ полученных переводов показал наличие около 65% ошибок, связанных с неверным переводом термина. Если студенты не понимали структуру предложения, искажали перевод формы глагола, не понимали залог, то грамматические «пустоты» компенсировались контекстом либо логикой. Однако неправильный перевод термина, а термин в научном тексте представляет собой ключевое слово, неизбежно ведет к непониманию информации, и компенсировать это непонимание невозможно, так как у студентов не хватает теоретических знаний в той или иной области науки.

Необходимо подчеркнуть, что у студентов наблюдается низкий уровень навыка работы со словарем. Во-первых, при определении значения слова большинство студентов не выявляют начальную форму слова, а ведут поиск лексемы в той форме, в которой она представлена в тексте. Обнаружены серьезные пробелы в изучении предмета в школе, что достаточно сложно исправить в рамках обучения в вузе при порой значительном сокращении учебных часов. Несмотря на тот факт, что мы уделяем значительное внимание эти аспектам в программе преподавания иностранного языка в техническом вузе, этих усилий недостаточно, и об этом свидетельствуют полученные нами результаты. Во-вторых, поиск значения слова затрудняется сложностью определения части речи искомого слова, это обусловлено пробелами в знаниях грамматического строя предложения в английском языке. Например, в тексте требуется значение глагола, а информант ищет перевод существительного, следовательно, искажается общий смысл высказывания. Данный тип ошибок преодолевается через разбор предложений с максимальным количеством незнакомой лексики. Обучение нахождению маркеров частей речи (артикли, вспомогательные глагола, окончания и т.д.) значительно облегчает впоследствии работу над поиском нужного значения слова.

В-третьих, самой частотной ошибкой была ошибка в переводе термина, если слово является многозначным. Студенты, встречая слово, которое имеет общеупотребительное значение, не видят в нем термин, и перевод, таким образом, затрудняется, в большинстве случаев наблюдается либо отказ от перевода предложения, либо студенты предлагают абсурдный вариант перевода, осознавая это. В таком случае необходимо обучение алгоритму перевода многозначного слова, одно из значений которого терминологическое.

В.М. Лейчик в своих работах, посвященных теории терминоведения, считает необходимым относиться к термину не как единичному элементу, а как элементу, взаимосвязанному с другими терминами, образующими

терминосистему [Лейчик, 2007]. Такой подход, на наш взгляд, позволит ориентировать студентов на более глубокое погружение в теоретический аспект при переводе текста по специальности, порой при необходимости обращаться к различным источникам при непонимании сути явления, метода, устройства, описанного в источнике. Это способствует формированию не только языковой компетенции, но и развитию профессиональной составляющей образовательного процесса. Стремительное развитие науки влечет за собой разрастание существующих терминосистем и появление новых. От современного специалиста требуется владение теоретическим знанием не только родного языка, но и иностранного. А системный подход к усвоению терминов посредством перевода с иностранного языка на родной обеспечивает эффективное овладение теоретическими знаниями в своей профессиональной сфере.

Литература

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2007.
2. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2003.

С.А. Зиновьева

DEUTSCH ALS BASIS FÜR RUSSISCH-DEUTSCHE BILDUNGS- UND FORSCHUNGSKOOPERATIONEN AN DER ALTAIER STAATLICHEN UNIVERSITÄT BARNAUL (Altaier Staatliche Universität, Russland)

Аннотация: В статье анализируется академическая мобильность обучающихся и научно-педагогических кадров на примере сотрудничества университета с образовательными и научно-исследовательскими учреждениями Германии. Важным условием для успешного развития совместных программ является владение немецким языком российскими участниками. В последние три года увеличилось число студентов и исследователей, изучающих немецкий язык как второй иностранный язык в профессиональных и научных целях. Академическая мобильность влияет на развитие языковой политики вуза.

Ключевые слова: языковая политика, академическая мобильность, российско-немецкие программы.

Abstract: The article considers the academic mobility of students, high-school teachers and scientists at Altai State University in cooperation with educational and scientific-research institutions. One of the most important conditions is having the German language skills of Russian participants. Number of students and scientists who learn German in scientific purposes has increased for the last 3 years. The academic mobility influences development of the language policy at the university.

Key words: language policy, academic mobility, Russian-German programs.

Nach den Ergebnissen der Fallstudie aus dem Jahr 2015 studieren 781 Nicht-Linguisten Deutsch als Fremdsprache (DaF) und Deutsch als zweite Fremdsprache für berufliche Ziele (DaZ) an verschiedenen Fakultäten der Altaier Staatlichen Universität Barnaul (AltGU) (vgl. Tabelle 1).

DaF und DaZ : Gesamtstudierendenzahl

Stand 2012

Fakultäten	Bachelorstudiengänge	Masterstudiengänge	Doktoranden
Naturwissenschaften	247 DaZ : 58	17	13
HistorischeFakultät	61 DaZ : 60	5	8
Wirtschafts- und Rechtswissenschaften	240	25	3
Philologische Fakultät und PR-Abteilung	51	3	1
Journalistik, Politik- und Kunstwissenschaften, Soziologie und Philosophie	209	19	2
Zusätzliches Programm „Übersetzen und Dolmetschen im Beruf“ an der historischen Fakultät	30		

Tabelle 1: Gesamtstudierendenzahl für Deutsch als Fremdsprache und Deutsch als zweite Fremdsprache an der Altaier Staatlichen Universität 2012

Die pauschale Zahl der DaF-Studierenden reduzierte sich um 25 % im Vergleich zu 2012 (vgl. Tabelle 2).

DaF und DaZ : Gesamtstudierendenzahl

Stand 2015

Fakultäten	Bachelorstudiengänge	Masterstudiengänge	Doktoranden
Naturwissenschaften	296 DaZ : 43	29	2
HistorischeFakultät	120 DaZ : 70	10	6
Wirtschafts- und Rechtswissenschaften	123	24	0
Massenkommunikation, Philologie und Politikwissenschaften	189 DaZ : 19	13	4
Zusätzliche Programme „Übersetzen und Dolmetschen im Beruf“ an zwei Fakultäten	13	0	0

Tabelle 2: Gesamtstudierendenzahl für Deutsch als Fremdsprache und Deutsch als zweite Fremdsprache an der Altaier Staatlichen Universität 2015

Aber in den letzten drei Jahren erhöhte sich die Zahl der Studenten und Studentinnen, die Deutsch als zweite Fremdsprache erlernen, und nahm um 17 % im Vergleich zum Stand von 2012 zu. Wissenschaftsdeutsch erfreut sich unter Master-, Fortbildungsstudierenden und Lehrkräften großer Beliebtheit. Etwa 13 % von ihnen besuchen speziell entwickelte Deutschkurse und fachbezogene deutschsprachige Aufbaukurse.

Der Anstieg der Deutschlernerzahlen ist den internationalen und interdisziplinären Projekten zu danken, die Partner aus deutschen und russischen Universitäten, Forschungseinrichtungen sowie kleinen und mittelständischen Unternehmen vereinigen.

Zu den deutsch-russischen Projekten der AltGU von 2010 bis 2015 einschließlich im Rahmen der abgeschlossenen Vereinbarungen und Verträge über Zusammenarbeit, Forschungs- und Kulturkooperationen, Studentenaustausch gehören:

Unter Unterstützung des DAAD

- das DSG-Programm „Management und Monitoring der Umwelt“ mit der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg (seit 2007). Das ist ein interdisziplinäres deutschsprachiges Bildungsprogramm für russische Geografen, Biologen und Chemiker mit dem Ziel, deutsche Studiengänge ins russische fachbezogene Bildungssystem zu integrieren und die akademische Mobilität zu stärken.
- Studienreise nach Deutschland (2012) für die Anbahnung und Entwicklung der Kooperationen zwischen der ehemaligen philologischen Fakultät der AltGU und den Fakultäten für Slawistik und Germanistik an deutschen Universitäten (vgl. Tabelle 3).

Tabelle 3: Studienreise der russischen Studierenden nach Deutschland und die besuchten Universitäten und Institute.

Dank der Studienreise besteht seit 2014 ein Studentenaustauschprogramm mit der Marti-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Und seit 2013 besuchen russische Lehrer und Lehrerinnen die Fortbildungsseminare im Fach Didaktik/Methodik DaF im

Erwachsenen- und berufsbezogenen Bereich an der Universität Potsdam. Des Weiteren werden auch heute Kontakte zu deutschen Lehrkräften und Forschern und Forscherinnen des Instituts für Slawistik an der Universität Leipzig, der Otto-Friedrich Universität Bamberg, des Slawischen Seminars an der Albert Ludwig-Universität Freiburg, des Ost-West-Wissenschaftszentrums und des Sprachenzentrums an der Universität Kassel, der Volkshochschule Kassel gepflegt.

- das Programm „Master und Aufbaustudiengänge“ für ein Aufbaustudium in Deutschland. Ein Akademiker im Fach Politologie wurde 2015 gefördert.
- Hochschulsummerkurse für DaF-Studierende, die den besten Anstoß zum weiteren Aufbau der kommunikativen Kompetenz und des Kulturverständnisses geben.
- Germanistikkonferenzen mit dem Ziel des Austausches fachbezogener Kenntnisse durch entsprechende Informationsgespräche. Der interkulturelle Dialog entwickelt stetig neue Wege und Dimensionen im Fach Germanistik an der AltGU.
- Go-East Programme (Sommerschulen). Jährlich wird die Sommerschule für deutsche Studierende an der Geografischen Fakultät der AltGU unterstützt.
- das Immanuel Kant-Forschungsstipendium im Fachbereich Literaturwissenschaft 2011/12 an der Freien Universität Berlin. Eine junge Wissenschaftlerin wurde gefördert.

Unter Unterstützung des BMBF

- das laufende „Kulunda“-Projekt: Wie verhindert man die nächste „Global Dust Bowl? Das Ziel des interdisziplinären Verbundprojektes ist es, ökologische und ökonomische Strategien zur nachhaltigen Landnutzung in russischen Steppen zu forschen und zu entwickeln. Es ist ein Beitrag zur Anpassung an den Klimawandel. Das Verbundprojekt stärkt deutsch-russische Hochschulpartnerschaften und wissenschaftliche Zusammenarbeit. Es nehmen vier deutsche Universitäten und fünf deutsche außeruniversitäre Forschungseinrichtungen daran teil.

Unter Unterstützung des Goethe-Instituts

- Fortbildungsseminare für DaF-Lehrer und Lehrerinnen an der AltGU in Russland und Deutschland im Rahmen der Bewerbung.
- Olympiaden im Fach Deutsch für Linguisten und Nicht-Linguisten, die russlandweit durchgeführt werden.
- Deutschlehreertage in Russland.

Weitere Projekte mit deutschen Partnern im Bereich Bildung und Forschung

- Forschungskooperation mit dem Botanischen Garten der Universität Osnabrück an der biologischen Fakultät (seit 2005).
- Sprachkurse und Vorbereitungsprogramme auf internationale Prüfungen in DaF/DaZ bzw. in Englisch für russische Studierende am Institut für Sprachen Kassel (seit 2011).

Die Analyse der deutsch-russischen Projekte zeigt: Die Zahl der Deutsch-Studierenden geht zurück. Deutsch wird sich eingeschränkt als erste Fremdsprache behaupten können. Die Ergebnisse der letzten drei Jahren an der AltGU zeigen, dass Deutsch als zweite Fremdsprache bessere Chancen hat.

Aktuell werden weitere Kontakte mit deutschen Partnern gesucht, da an der AltGU neue wissenschaftliche Labors in den Bereichen Radiophysik, klinische Physiologie, Mikrobiologie und Jura-Linguistik eröffnet worden sind.

In diesem Zusammenhang gibt es ein großes Bedürfnis nach Deutschkenntnissen auf einem hohen Niveau unter den jetzigen und künftigen einbezogenen Akteuren. Dafür wurden an der Fakultät für Geschichte und an der Fakultät für Massenkommunikation, Philologie und Politikwissenschaften zwei zusätzliche Programme, „Übersetzen und Dolmetschen im berufsbezogenen Bereich“, eingeführt, um das Fach DaF bzw. DaZ für Nicht-Linguisten weiter zu intensivieren sowie Lehrkräfte, Wissenschaftler und Wissenschaftlerinnen in internationalen fachbezogenen Projekten zu unterstützen.

Internetseiten

1. http://www.asu.ru/structure/faculties/geograhpy_dep/structure/economgeo/y_ch_disc/ [Zuletzt eingesehen am 07.04.2016]
2. http://www.asu.ru/structure/faculties/geograhpy_dep/sommerschule [Zuletzt eingesehen am 07.04.2016]
3. <http://www.asu.ru/structure/faculties/mass/department/foreign/goeast/> [Zuletzt eingesehen am 07.04.2016]
4. http://www.landw.uni-halle.de/prof/agrarpolitik/forschung/kulunda_projekt/ [Zuletzt eingesehen am 07.04.2016]
5. http://www.asu.ru/news/new_on_site/18050/ [Zuletzt eingesehen am 07.04.2016]
6. http://www.asu.ru/inter_change/inter_programm/ [Zuletzt eingesehen am 07.04.2016]

Г.К. Капышева

COMPARATIVE STUDY OF RELATED AND UNRELATED LANGUAGES

(S. Amanzholov East Kazakhstan State University, Kazakhstan)

Аннотация: В статье описывается происхождение фразеологических единиц и особенности фразеологии. Анализируются три типа компаративной лингвистики: компаративная, контрастивная и типологическая. Отмечаются общие и различные факторы фразеологической системы.

Ключевые слова: фразеологический компонент, фразеологическая система, коммуникация, компаративная лингвистика.

Abstract: This paper describes the origin of phraseological units and examines their characteristics in the phraseology. There are analyzed three types of comparative linguistics: comparative, contrastive, and typological. There are described general and various factors of a phraseological system.

Keywords: phraseological component, phraseological system, communication, linguistics, comparative linguistics.

Phraseological component is an essential constituent of any language. Between the maturity of language and phraseological system there is a direct relationship. Phraseological component of language is one of the most difficult elements in the study of foreign languages and language acquisition. The typical characteristic features of phraseology are their attribution not to the primary, but to the secondary language system, that is, their genetic unoriginality and structural derivatives. Primary linguistic systems make the language, on the one hand, the universal mean of communication and cognition, knowledge storage, identification and differentiation of real phenomena and expression of different relations between them, and, on the other hand, for the speech organization, communication and more complex language and speech formation. In this sense the primary systems are, first of all, such two language systems as the lexical and syntactic. They are sufficient for the realization of the next main needs of person: nominative, communicative, pragmatic and diversion. These systems include two major necessities for the implementation of these needs: a) the word; b) the rules and the possibility of organizing new units of speech and language – phrases, words, sentences, texts and thus, the very speech and communication. The word is the most simple, convenient, succinct and effective language formula for all these types of human needs and activities. This is due to the following features of the linguistic nature and words structure: simplicity and generality of word's form and content, implementation convenience of the operations and activities. The word is adapted especially for the distinctive feature of human thinking, learning, reflection and representation of the real world, its events, connections and relationships between them. These are concepts, with the help of which man organizes judgments, inferences, that is, thought, thinking activity, speech and communication. Generalization is a necessity in cognitive and mental activity of man, otherwise it would have died in the individual and separate particulars, also in the isolated from each other events and would not have an idea about the integrity and coherence of the world and its phenomena, about its categorical nature, that is, its class system, that the world consists not so much from the individual, separate events, as from the classes, genera, species, groups, subgroups of various objects and the world's phenomena. The world consists of communities, categories of different order, generalizations of objective order of various subject areas as material world phenomena and their cognitive-reflective categorical existence, not in the real world already, which, as such, exists always, but in the human mind. The most common and regular form of consolidation of knowledge about the world is a concept, which encompasses the essential features and functions of the objects and phenomena of the real world in a summarized form. The notion, in turn, is fixed, as usually, in the

language in such the most widespread and regular language unit as word. The notion is usually the objective world in its natural quality, as it is in reality. For this the concept and the notional system in cognitive, conceptual system of a nation are responsible. The subjective, human predetermined or nationally and culturally predefined knowledge, reflection and representation of the world meet another ideal, conceptual, epistemological essence, another unit of consciousness, namely the concept. The notion and concept as a generalization of essence and knowledge units, epistemology and conscious are the own basis of human thought, thinking, nominative, speech, communicative, pragmatic and the derivation activity and largely due to their proper use for such purposes as speech, communicative, textual and discussion application. Notions and concepts are set as synthetic generalities, knowledge and world's characteristics in the language, not in all types of language and speech formations and units, but only in two types: in a word and in idiomatic units, respectively, in the vocabulary and phraseology. Other types of language and speech entities – the phonemes, morphemes, free phrases, sentences, texts and discourses do not contain term and concepts as generalized units of consciousness and thinking, but other entities and functional purposes. Unities of nominative system include along with the words free phrases, which contain and represent concepts, not generalized, but situational and contextual-single, specific concepts, that express not class, gender, category of world's phenomena, but quite particular conditions in the data of that or another material or communicative situation. In contrast, the set expressions are not units of speech, they are units of language, without which there are no rules of speech and communication organization, and also there is no verbal communication. On the nominative, communicative and language levels language includes the words, idioms that is set phrases, rules, patterns of speech organizations and communication. In the communication between people in their native or foreign languages it is essential to ensure mutual understanding between communication partners. It is achieved by the fact that the last ones have a good command of language and all its systems, units, including idioms. Between idioms of different languages there are not only differences, but also similarities with varying degrees. For this reason, a comparative structural-typological phraseology is methodologically objective necessity, because out of research approach these patterns cannot be identified and summarized. In a comparative study of related and unrelated languages, including their phraseology systems, there are three types of comparative linguistics, and hence the phraseology: a) comparative; b) contrastive; c) typological. The first or comparative is directed to find a community or even kind ship of languages, the second focuses only differences, contrasts, and the third, on the similarities and differences at the same time. Phraseology of different languages can be studied in the line of methodology and theory of these three comparative linguistics. Comparative structural-typological study of phraseology can effectively implement and provide interesting, valuable and useful scientific results under certain research conditions: the use of unified theory of methodology, a unified conceptual-terminological apparatus. Characterization and comparison of phraseology of different languages are carried out under different conditions, with different coverage

of linguistic system. Among the most important research tasks of comparative phraseology are, above all, such as the identification of deep-rooted intra-language and extra-linguistic factors and causes of the similarities and differences of phraseology systems.

References

1. Marion G. Neue methodische Ansätze im DaF-Unterricht mit Beiträgen deutscher und usbekischer WissenschaftlerInnen // G. Marion. Neue methodische Ansätze. Mainz, 2013.
2. Jakobson R. Implications of language universals for linguistics // Universals of Language. Cambridge, 2006.

Г.К. Капышева

SIMILARITY BETWEEN TWO TYPES OF LINGUISTIC UNIVERSALS

(S. Amanzholov East Kazakhstan State University, Kazakhstan)

Аннотация: В статье рассматривается сопоставительное исследование языковых единиц в разносистемных языках в практическом и теоретическом ключе. Статья посвящена сопоставительному исследованию разносистемных языков, их национально-культурным особенностям и способам их передачи.

Ключевые слова: лингвистические единицы, межъязыковые соответствия, эквиваленты.

Abstract: The paper presents different languages units in comparative study; contrastive research has a theoretical applied and practical significance. This article deals with comparative study of languages of different systems, their national and cultural features and methods of reproduction.

Keywords: linguistic universals, interlanguage correspondence, equivalents.

Linguistics of universals analyzes and is interested in features that allow you to combine a variety of languages. Establishing similarities and differences in languages of different types is one of the central problems of linguistics. In the early days of its development, linguistics was interested in more languages in relation to their origin. The nature and type of language were based on the construction of any language to any original condition. In recent years, the study of a common language was made by identifying similarities on the basis of certain characteristics or specially selected groups, justified from the standpoint of linguistics universals and typological linguistics. Languages are grouped due to the nature of the spatial distribution and juxtaposition, their local contacts, which is the subject of the so-called areal linguistics or on the basis of their internal consistency – the actual typological features, which is the subject of typological linguistics. Today linguistics universals

are not acting as a science, and in conjunction with the typological linguistics. Compare: "Involvement in the study of general features for the large group of languages set the stage for the second stage of generalization of these features that is establishment of the general character of a large range of languages or all languages of the world. That is why now the problem of universals of a language refers to the problem of simultaneously typology of languages". However linguistics universals and typological linguistics, though related, are similar but not identical to linguistic science. The similarity of languages, its genetic, areal, typological similarity - it is always, their proximity to each other in any specific characteristics inherited by them really. They are the real basis for the classification of languages. They are found in the languages themselves in one form or another of the real state of the language. It is, of course, about the empirical, but not the universal sign of a language. They are different things, and they must be distinguished: "But the establishment of a common language of their different levels and sub-systems, in whatever form it was carried out, there is only an empirical statement of some state language, a certain amount of characters. Here we must clearly distinguish between the language and the generalization of facts establishing universal sign language. Direct assertion that language universals is the generalization of observed facts of a language essentially bypasses the question of the nature of universals, since it reduces to the problem of maximum coverage of the features of a group of languages that exhibit some common ground. The study of a language, not related to the general supervision of some empirical facts and not depending on the cause of generating similarities, is a totally different field of study. Relationship between linguistics universals and typological linguistics does not exclude, but confirms the vitality of the universals probability, as an exception. It is found in different areas and types of quasi-universal laws and is extremely important from the standpoint of the theory of typological linguistics and linguistic universals. They reveal the deeper nature of language universals, universal processes and features in one and different languages.

Their usage can install typologically significant features and characteristics of related and unrelated languages. With universal implication we are not talking about type "available in all languages." Here is a particular inexact case, for example, it is just a revision of the implication that takes the general form, or it entails a certain refinement of relevance conditions of any implication. The summary for all the above can be formulated in the following generalizations:

1. Methodological basis of identifying of language universals form a complex inductive-deductive method of analysis of language, linguistic phenomena and their properties in terms of their similarities and differences.

2. It is not always necessary to divide the universals to "language ones" and "linguistic ones".

3. According to its logical form language universals have many implications. In every case their analysis includes quantitative, statistical relationship between them. Implication-universals are considered scientifically as informative, even though investigation of the possibility of identifying and set of "absolute universals." They

form a set of basic parameters that must be the basis of case studies and is an ancillary.

4. Based on the close relationship of linguistics universals and typological linguistics, typological analysis of phraseological system is considered as an effective approach and method for identifying and set of phraseological universals.

5. The implication being set in the typological analysis of phraseological systems does not represent a universal in the narrow sense of the word, because there is no evidence of excluded cases.

In the analysis of the national language features are included, as it is known, on the one hand, those which are caused by the national culture of the people and a speaker, and those that relate to the internal organization and structure of the language system. The first and the second are not the same and should not be confused. It is important to point out that the existence and the presence of so-called "extra linguistic" (linguistic and logical, logical-conceptual, cognitive) universals are universally accepted. These are reality and logical-conceptual categories, which are reflected in mental sphere by language and expression. So they must also be examined in the study of a language. Considered as invalid attempt, extra linguistic exception of universals is caused from the scope of linguistic research or explanation of all the universals in all languages by external factors. So the object of linguistic universals is the proper linguistic and extra linguistic universals. It is quite clear that there are signs of events that can be inherent and truly present in all languages. Each language is a sign system and it can be shown and confirmed empirically by studying many languages and their comparison to the deductive theoretical basis. Many scientists differ two types of universals: a) universal properties of natural languages that are systemically inherent, immanent, and b) universal characteristics of natural languages, stemming from the fact that the world is material physical unity, much the same for all mankind. Many of the objects and phenomena of the physical world are imprinted in the consciousness, mind, reason, and memory of all the people. This leads to the fact that we are dealing with almost two not identified and no identifiable levels: 1) the linguistic level (language system), 2) cognitive level (cognitive-epistemological level).

Proceeding from this differentiation typology of universals should be refined, in order to be able to correctly identify the location of phraseological universals. In the application of the two typologies a need to separate the traditional semantic universals into two groups arises: a) the conceptual-semantic, and b) the lexical-semantic universals. The system of phraseology distinguishes these two types of universals: a) extralinguistic due to phraseological universals (i.e., those that relate to conceptual semantic ones;) b) intralanguage phraseological universals (i.e., those that relate to the lexical-semantic ones).

References

1. Kursisa A. Deutsch ist easy! Lehrerhandreichungen und Kopiervorlagen, Deutsch nach Englisch // A. Kursisa. Für den Anfangsunterricht. Hueber Verlag, 2006.
2. Rösler D. Deutsch als Zweit- und Fremdsprache, Gemeinsamkeiten und Unterschiede // D. Rösler. Deutsch als Fremdsprache. Akademie-Verlag, 2011.

О.В. Каркавина

АНТРОПОНИМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. КАЛИФОРНИИ КУПЕР

(Алтайский государственный университет, Россия)

Аннотация: Статья посвящена анализу системы имянаречения, которая используется в творчестве современной афроамериканской писательницы Дж. Калифорнии Купер. Ее этническая принадлежность, по мнению автора публикации, имеет важное значение, поскольку объясняет интерес к теме имени, характерный для афроамериканской литературной традиции в целом. Имена в рассказах Дж. Калифорнии Купер играют важную роль в трактовке образов основных персонажей, т.к. являются говорящими. Основные функции личных имен (номинативная, идентификационная, дифференцирующая) отходят на второй план, уступая место характерологической, экспрессивной, стилистической и эстетической.

Ключевые слова: антропоним, афроамериканский фольклор, имянаречение, персонаж.

Abstract: The article deals with the analysis of the naming system which is used in the literary texts by the modern Afro-American writer J. California Cooper. Her ethnic background, according to the author of the publication, is of a great importance since it explains the interest in the category of the name characteristic for Afro-American literary tradition in general. Personal names in J. California Cooper's short stories play an important role in the interpretation of main characters because most of them are speaking. The main functions of personal names (nominative, identificatory, differentiating) partially lose their significance by making more prominent other functions of personal names: characterological, expressive, stylistic, and esthetic.

Key words: personal name, Afro-American folklore, naming, character.

Антропонимы представляют собой важное звено, связывающее человека со своим окружением и обществом как таковым. Личные имена формируют вокруг себя национально-культурное пространство, одинаковое для отдельного общества и уникальное для каждого его члена [Рылов, 2006]. Исследователи выделяют два типа идиоматичности в личных именах: внутриязыковую и надъязыковую. Надъязыковая идиоматичность формируется благодаря

социальному, культурному, историческому и религиозному влиянию на человека [Катермина, 1998]. Выступая как национальные знаки, антропонимы выполняют также функцию этноязыкового знака, который указывает к какому этносу и языку принадлежат их носители [Артемова, 2008].

Настоящее исследование выполнено на материале творчества современной афроамериканской писательницы Дж. Калифорнии Купер. В работе представлен анализ системы имянаращения, которая используется в произведениях данного автора. Его этническая принадлежность сыграла решающую роль в отборе материала исследования, поскольку именно для афроамериканской литературной традиции характерен интерес к теме имени. Такого рода интерес имеет глубокие исторические корни. По прибытии африканцев в Новый Свет белые хозяева давали им новые, более удобные для произнесения имена. Лишаясь своего имени, рабы теряли связь с родной землей, с предками и переставали, таким образом, ощущать свою цельность, быть самими собой. Со времени отмены рабства категория имени наполнилась новым содержанием: свобода означала возвращение самооценности афроамериканца, а изменение имени и фамилии, которые ассоциировались с угнетенным положением рабов, было первой попыткой афроамериканцев утвердить свое «я».

Имена в рассказах Дж. Калифорнии Купер играют важную роль в трактовке образов основных персонажей, ведь, как правило, они являются говорящими. Более того, имена обладают особой мистической властью над героями, определяя их судьбу и характер. Основные функции личных имен (номинативная, идентификационная, дифференцирующая) отходят на второй план, уступая место характерологической, экспрессивной, стилистической и эстетической.

Обратимся к материалу исследования. Первый рассказ сборника *As Time Goes By* повествует о судьбе двух родных сестер по фамилии *Ways*. Старшая сестра носит имя – *Futila*, младшая – *Willa*. Общая фамилия (в пер. «направления, дороги, пути, способы») предполагает для обеих девушек одинаковые с рождения условия воспитания, окружение, социальную среду, т.е. исходные условия для достижения поставленных целей. Тем не менее, их судьба складывается диаметрально противоположно: младшая сестра становится доктором наук, ученым с мировым именем; единственное достижение в жизни старшей сестры – замужество, которое не приносит счастья ни одному из супругов. Личные имена *Willa* и *Futila* в данном случае выполняют характерологическую функцию. Они подчеркивают основные личностные свойства героинь и органически связаны с содержанием произведения. В основе характера Виллы – сильная воля (*will* – в пер. «воля»). Именно она помогает ей пройти сложный путь от простой и бедной афроамериканской девочки до высокообразованного и востребованного специалиста, любимой жены и в конечном итоге, счастливой женщины. А путь этот действительно сложный и долгий: усердная учеба в школе, совмещаемая с подработками; переезд в город, работа и параллельное посещение некоторых

университетских курсов; наконец, получение стипендии и целенаправленное обучение в университете, которое заканчивается получением степени магистра, а затем и доктора наук; работа за рубежом и т.д. Старшая Фьютила (*futile* – в пер. «напрасный, тщетный») никогда не разделяла с Виллой стремления получить образование. Ее единственная мечта – выйти замуж и уехать из родного города. Спустя несколько лет преследований ее избранник, наконец, женится на ней. Однако этот брак никому не приносит счастья. Данте (муж Фьютилы) ее не только не любит, но и не уважает, поскольку она никогда ничего не делала для саморазвития, самосовершенствования. В семье его держат только дети. Фьютила же держится за брак только потому, что без денег мужа ей придется влачить жалкое существование на небольшую зарплату, которую можно получить за неквалифицированный труд. Все ее надежды на счастливую жизнь оказываются тщетными, напрасными.

Интересен с точки зрения имянаречения персонажей и рассказ *The Eye of the Beholder*. Главную героиню произведения зовут **Lily Bea**. У нее сложное несчастливое детство, поскольку она никем не любима: ни родной матерью, ни родными сестрами и братьями. Дело в том, что она родилась «некрасивым» ребенком: *When Lily Bea was born to Sorty, she was not a “pretty” baby. No, she wasn’t* [Cooper, 2007, с. 28]. Обратим внимание на имя матери (*to sort* – в пер. «сортировать, отбирать»). Оценив внешний вид ребенка, мать после некоторых раздумий выносит окончательный вердикт (*No, she wasn’t*), после чего в ее сердце нет места для любви к своей дочери. Лили Би большую часть жизни провела в одиночестве, пока на ее пути не встретился достойный человек, которого привлекал не внешний, а внутренний мир героини. Именно он по достоинству оценил ее доброту, скромность, работоспособность, целеустремленность, профессиональные качества. Стоит отметить то, что фамилия героини подразумевает эти и многие другие положительные характеристики. В настоящее время лексема *Bea* используется среди говорящих на городском афроамериканском сленге как имя нарицательное и обозначает девушку-мечту, которая обладает сочетанием самых лучших качеств [Urban dictionary: afro-american slang. URL: <http://www.urbandictionary.com>]. Знаковым является и имя ее мужа, которого она никогда не любила и за которого вышла замуж только по настоянию ее матери. Его зовут **Maddy Nettles** (*mad* – в пер. «сумасшедший, бешеный, сердитый», *nettles* – в пер. «крапива»). Здесь выразительность антропонима заключена не только в значении имени или фамилии, но и в соотношении компонентов. И имя, и фамилия по сути лексем с отрицательным значением, подразумевающим причинение боли: имя – эмоциональной, фамилия – физической. Действительно, по прошествии семи лет брака Лили Би истощена и эмоционально, и физически. Тяжелая работа с раннего утра до позднего вечера в прачечной, общество нелюбимого черствого мужа превратили главную героиню в рабыню. Тем удивительнее кажется встреча Лили Би с ее спасителем, мистером Форестом (**Mr. Forest**). Будучи чутким, внимательным и мудрым человеком, он быстро разобрался в той тяжелой ситуации, в которой волею судьбы оказалась героиня, и решил ей

помочь. Лили Би стала управляющей и совладелицей его нового магазина. У нее появилась возможность жить независимо, учиться выбранной профессии и заниматься любимым делом. Заслуживает внимания фамилия этого благодетеля (*forest* – в пер. «лес»). Ее выбор также не случаен. Дело в том, что афроамериканскую литературную традицию всегда следует рассматривать в неразрывной связи с негритянским фольклором. Так, во многих африканских инициационных обрядах некоторые деревья используются как источники силы и исцеления. Нельзя забывать и об эпохе рабства в США. Решая сбежать от своих хозяев, невольники чаще всего искали убежища в лесу. Хотя лес не был достаточно надежным убежищем (таковых не существовало), через него лежала опасная дорога к свободе. Так и для Лили Би мистер Форест оказался дорогой к свободе и независимости.

Говорящей является и фамилия влиятельного политика из рассказа *Just-Like Politics*. Автор представляет нам его как **Mr. Bsurd**. Его фамилия является очевидным усечением английского прилагательного *absurd* (в пер. «нелепый, абсурдный»). Как показывает содержание рассказа, именно эта лексема наилучшим образом характеризует всю его жизнь, его политическую карьеру и систему взглядов и убеждений. Всю свою жизнь он считал себя консерватором, при этом презирая либералов. Его действия никогда не считались с интересами простых слоев населения. При его участии в бедных кварталах закрылись библиотеки, большая часть бесплатных клиник, он предпочел бы закрыть и школы, т.к. считал образование для таких групп населения напрасной тратой государственных денег. Спустя годы мистер Бсерд серьезно заболел. Понимая, что ему скоро придется отвечать за свои поступки перед Всевышним, мистер Бсерд начал страстно надеяться на то, что Бог окажется все-таки «либералом» и простит все его грехи. Только на пороге смерти главный персонаж осознал свои ошибки и понял, что в отношении людей лучше быть либералом.

Приведенный выше анализ личных имен в рассказах Дж. Калифорнии Купер является далеко не исчерпывающим. Можно говорить о том, что большая часть имен и фамилий главных персонажей ее произведений являются говорящими, все они в той или иной степени определяют характер и судьбу их носителей. Имя в художественном тексте обладает экспрессивным, стилистическим, эстетическим и эмоциональным потенциалом. Оно органически связано с содержанием всего произведения и является одним из средств, позволяющим автору раскрыть свой творческий замысел.

Литература

1. Артемова Л.А. Особенности функционирования антропонимов в немецких медийных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, 2008.
2. Катермина В.В. Личное имя собственное: Национально-культурные особенности функционирования на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 1998.
3. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. М., 2006.
4. Cooper J. C. *Wild Stars Seeking Midnight Suns*. New York, 2007.

5. Urban Dictionary: Afro-American Slang / [Electronic source]. – <http://www.urbandictionary.com>

В.Н. Карпухина

**COGNITIVE MODELING OF HYPERTEXT:
AXIOLOGICAL LINGUISTICS ASPECT
(Altai State University, Russia)**

Аннотация: Статья посвящена когнитивному моделированию при порождении и интерпретации гипертекста. Перевод гипертекста рассматривается как один из видов интерпретации. Задача исследования – выявить переводческие макростратегии при интерпретации гипертекста в семиосфере другого языка с точки зрения лингвоаксиологии. Материал исследования – художественные тексты и гипертексты на русском, английском и итальянском языках. Рассматривая когнитивные модели гипертекста, автор статьи анализирует модели внимания, применяемые к такому объекту лингвистической реальности, как гипертекст, в ситуации межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, стратегия, перевод, гипертекст, «окно внимания».

Abstract: The article deals with cognitive models of hypertext production and interpretation. Hypertexts translation is appreciated as a type of interpretation. The aim of the research is to reveal translator's macrostrategies used in hypertext interpretation in the other language semiosphere from the axiological linguistics point of view. The article is based on the material of translated fiction texts and hypertexts in Russian, English, and Italian. Discussing hypertextual cognitive models, the author analyzes patterns of attention effectively applied to such a linguistic reality object as hypertext in cross-cultural communication.

Key words: cognitive modeling, strategy, translation, hypertext, window of attention.

The article considers cognitive models of hypertext production and interpretation. Hypertexts translation is appreciated as a type of interpretation [cf. Bondanella, 1998; Carter and McCarthy, 2004]. The purpose of the research is to reveal translator's macrostrategies used in hypertext interpretation in the other language semiosphere from the axiological linguistics point. The article deals with the translated fiction texts and hypertexts in Russian, English, and Italian.

The most part of human knowledge could be structured with the help of cognitive models (e.g., frames), and we support the idea that cognitive modeling is one of the basic cognitive procedures to store knowledge [cf. Carter, 2000]. The main cognitive

procedures used in the hypertext production and interpretation are the strategies applied by an author or an interpreter.

The information, distributed in hypertext frames, depends on the cognitive prominence of their components. This cognitive procedure is based on the figure – ground organization of the knowledge [Langacker, 2000, p. 2]. L. Talmy considered some factors controlling the distribution of attention (patterns of attention: the focus of attention, the window of attention, and the levels of attention) [Talmy, 2001, p. 257-265].

Discussing hypertextual cognitive models, we can see all those patterns of attention effectively applied to such a linguistic reality object. Linguistic reality means the system of three co-ordinates of “space – time – subject”, construed or reconstructed by a linguist. There are the objects of this reality existing and functioning inside of it (text, discourse, intertext, hypertext). Linguistic reality might be appreciated in another way. M. Devitt, e.g., thinks linguistic reality is made of such “outputs / products” as “physical sentence tokens”, “the spoken, written, etc., symbols that speakers produce” [Devitt, 2006, p. 483]. The paradoxical thought of M. Yampolsky that “a reality is more or less either a construct or a chaotic indefinite phenomenon which defies any description” [Yampol’sky, 2010, p. 61] is correct when discussing the construed / reconstructed phenomenon of the linguistic reality.

When we strategically structure hypertext as a linguistic reality object, we should consider it a “special form of a written communication, existing in the computer habitat, characterized by the process of a non-linear reading and writing which is caused by the segmentation and associative attribution of the compounds and also the possibility of multiple choice development in a thematic current” [Ryazantseva, 2008, p. 3]. In a regular written text the system of navigation depends mostly on the reader’s speed and his/her conceptual abilities in interpretation. The postmodern fiction text with its footnotes, references, commentaries can be appreciated as a version of the hypertext because it is almost always based on the hypertextual model (cf. the hypertexts by Milorad Pavić, Orhan Pamuk, etc.).

The development of the postmodern, then the cognitive paradigm of linguistic knowledge is marked by two main differences from the previous paradigms (traditional and “modern”) [Karpukhina, 2014]. In the postmodern paradigm the basics are anthropocentrism and relativity of the most important concepts used in the language description. The synthesis is made there by the subject (a human being – speaker, listener, interpreter). The traditional and modern views onto linguistic reality have been obviously changed. The linguistic reality object under consideration is not only the text now, but the discourse preeminently. It is appreciated as the habitat for the text. The forms of linguistic reality more complicated than a text come into the sphere of interests of linguists at the moment of considering more and more complicated communication process. The linguists start studying such objects as intertext [Neubert, 1992; Beaugrand, 1997; Smirnov, 1997; Kuz’mina, 2009; etc.] and hypertext [Chernyak, 2008; Ryazantseva, 2008]. More complex forms of the linguistic reality objects demand more complex models to be represented. The cognitive models such as frame, scenario, script are changed now to macroframes,

hyperframes in the traditional version of the cognitive-discursive studies or to the models construed in the cross-point of human and natural sciences (e.g. fractal models of a text, discourse, intertext in the psycholinguistic and synergetic linguistics studies). Communication process considered more and more complex nowadays could be appreciated as the most accessible form of the linguistic reality. It leads to the turn from the static cognitive models (proposition, scheme, script) to the dynamic models (frame, scenario, thesaurus). When the linguists use instruments and methods of social and natural sciences, it seems logical in the era of postmodern. It shows the tendency to create integrative theories within the still existing linguistics paradigm. But, on the other side, the demand on the object of linguistic studies and the methods of these studies being not in a conflict is on the agenda in the postmodern stage of the linguistics development. E.g., the study of an individual physiological response to the hypertextual environment surroundings where the data of the autopoiesis theory were used would be the study made in the field of cognitive psychology or the interaction theory rather than in the field of linguistics.

The navigation through hypertext in cross-cultural communication (including reader's applies to the commentary, references, etc.) is possible because its translator works either as an interpreter or as an adaptor of the hypertext. One of the most popular genres nowadays is the intellectual detective story. The translators' tradition there is the after-text commentary or the footnotes at the page bottom (cf. [Kostyukovich, 2005, p. 7]).

The strong connections between the commentary hypotexts and the commented hypertext are determined by the author's pragmatic focalization at the "intellectual reader and translator". One of the most promising authors creating such hypertexts is U. Eco. Translating his *Foucault's Pendulum* into Russian, E. Kostyukovich kept to his minimal self-commentaries (the underlines to the pictures). But her own cognitive map – hypotexts of the translator's commentaries (contextual, cultural, intertextual) – is explicit and carefully done. Modeling the hypertexts of U. Eco in translation, we can see the translator's usage of the adaptation strategies widening the hypertextual net links.

References

1. Beaugrande R. de New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society. Norwood, New Jersey, 1997.
2. Bondanella P. Interpretation, Overinterpretation, Paranoid Interpretation and *Foucault's Pendulum* // Reading Eco : An anthology / Ed. by Rocco Capozzi. Bloomington; Indianapolis, 1997. P. 285-289.
3. Carter R. and McCarthy M. Talking, creating: Interactional language, creativity, and context // Applied Linguistics 2004. № 25(1). P. 62-88.
4. Carter R. Vocabulary: Applied Linguistic Perspectives. London, 2000.
5. Chernyak M.A. Massovaya literatura XX veka : Uchebnoe posobie. Moscow, 2007.
6. Devitt M. Intuitions in Linguistics // British Journal for the Philosophy of Science. 2006. № 57.

7. Karpukhina V.N. The Linguistic Reality and the Contemporary Aspects of its Studies during the Scientific Paradigms Turn // Speech and Context International Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science. 2014. Vol. I (IV). P. 15-20.
8. Kostyukovich E. Ot perevodchika // U. Eko. Ostrov Nakanune. St. Petersburg, 2001. P. 5-7.
9. Kuz'mina N.A. Intertekst i ego rol' v protsessakh evolutsii poeticheskogo yazyka. Moscow, 2009.
10. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin; New York, 2000 (Cognitive linguistics research; 14).
11. Neubert A. Translation as Text. Kent (Ohio); London, 1992.
12. Ryazantseva T.I. Teoriya i praktika raboty s gipertekstom (na materiale anglijskogo yazyka). Moscow, 2008.
13. Smirnov I.P. Porozhdenie interteksta (Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka). St. Petersburg, 1995.
14. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. I: Concept Structuring Systems. Cambridge, Mass.; London, England, 2001.
15. Yampol'sky M. "Skvoz' tuskloe steklo": 20 glav o neopredelyonnosti. Moscow, 2010.

В.Н. Карпухина, К.А. Корнов

MULTICODAL TRANSMISSION OF INTERTEXTUALITY FORMS

(Altai State University, Russia)

Аннотация: В статье рассматривается, какой из способов передачи форм интертекстуальности является доминирующим в ситуации кинотекста на примере эпизода американского мультсериала "The Simpsons". Каждый эпизод мультсериала изобилует цитатами и аллюзиями на культурные, политические и исторические события США. Статья посвящена аллюзиям и цитатам, с помощью которых формируется диалог между текстами-антецедентами и текстами-консеквентами. В статье анализируются основные коды телевизионного сообщения в эпизодах мультсериала "The Simpsons". Статья представляет интерес для исследователей теории интертекстуальности.

Ключевые слова: интертекст, кинотекст, код, пародия.

Abstract: The article deals with the problem of defining the dominant way of transmission of intertextuality forms. The analysis is based on the example of the episode of an American animated sitcom "The Simpsons." Each episode of the sitcom abounds with quotes and allusions about American culture, political and historical events. The article considers allusions and quotations with the help of which the dialogue between antecedent and consequent texts is conducted. Much

attention is given to the examination of television message codes. The article can be of interest for intertextuality researchers.

Key words: intertextuality, film text, code, parody.

The animated sitcom, “The Simpsons”, started its way to success in 1987 as a series of two-minute-long animated episodes in “The Tracey Ullman Show”. Since then, “The Simpsons” has captivated the hearts of millions of viewers in America and has been broadcast for more than 25 years.

The creators of the show portray modern American society in a satirical manner through the Simpsons family and the citizens of Springfield, a fictional town where the action of the show is set. The Simpson family consists of Marge and Homer Simpson, and their three children: Bart, Maggie, and Lisa. Each episode abounds with quotes and allusions about American culture, political and historical events. It cannot but be of interest for intertextuality researchers.

The term “intertext” grew in popularity among philologists in the 1960s [Yampol’sky, 1993, p. 33]. The theory of intertextuality prerequisites can be traced back to works by Mikhail Bakhtin, Yury Tynyanov, and Ferdinand de Saussure.

By the term “intertextuality”, Vadim Rudnev means the main type and method of literary text building in modernism and postmodernism. The principle is that a text is a construction of quotations and reminiscences to other texts [Rudnev, 1999, p. 113].

The peculiarities of intertext as an object opened for interpretation are given in one of the most renowned works by U. Eco: “A work of art, therefore, is a complete and *closed* form in its uniqueness as a balanced organic whole, while at the same time constituting an *open* product on account of its susceptibility to countless different interpretations which do not impinge on its unadulterable specificity” [Eco, 1989, p. 4].

We should consider intertextual components (quotations, reminiscences, etc.) to be working mechanisms of a *text interpretation potential*. The interpretation potential of a text includes all the possible meanings of the source text. The term *text interpretation potential* should be the “umbrella term” for the *pragmatic potential of a text*. V.N. Komissarov supposed *the pragmatic potential of a text* meant its ability to make a specific communicative effect, “to stimulate the Receptor to have some pragmatic attitudes to the message, in other words, make the pragmatic effect on the addressee of the information given” [Komissarov, 1990, p. 209]. The concentration only on the psychological (maximum on the psycholinguistic) aspect of the text under interpretation when the pragmatic effect of this text is evaluated is not quite correct. We think not only psychological, but specific linguistic factors of the interpreted text changes should be taken into consideration when we analyze intertextual structure and correspondence of the pre-texts and the text under interpretation.

The cognitive characteristics of the interpretation process are given by U. Eco: “Information is, therefore, an additive quality, something that added to one already knows as if it were an original acquisition. ...In other words, the ambiguity of the aesthetic message is the result of the deliberate “disordering” of the code, that ...had been imposed on the entropic disorder characteristic of all sources of information.

Obviously, neither this filtered information nor infinitive capacity of the source-message can be precisely quantified” [Eco, 1989, p. 67]. Discussing the communication games with diverse codes usage, E. Neiva assumes the society is shifting now from signs to values in any cultural semiosphere [Neiva, 2007, p. 71-73], and this assumption goes well with the idea of intertext to be opened for adequate interpretation in multicode aspect.

Quotations and reminiscences are the main forms of intertextuality. They help to build a dialogue between antecedent texts and consequent texts. The principal difference of a quote from reminiscence is that the quotation is a word-for-word reproduction of a text fragment [Grishunin, 1975, www.ru]. Its frames are strictly defined by spacing, italicising, or setting off a text with quotation marks. It means that the reader can easily find the quote [Piégay-Gros, 2008, c. 84-85]. The reminiscence, for its part, is elements suggesting a reference to a different text. In this case, the borrowed elements alluding to works of a different author evoke complex associations enriching text perception [Morozov, 1971, www.ru]. In comparison to a quote, reminiscence has no strict frames or typographic marks. It means that the reminiscence requires an actualization of the text recipient’s memory and reading experience in order to recognize the source text. Nevertheless, A.A. Belokurova considers a reminiscence a particular case of an allusion, i.e. a reference to a fact of common knowledge of literature or history or a literary text [Belokurova, 2005, www.ru].

It is worth mentioning one of the ways of text derivation such as a parody. A parody is a transformation of a text for the purpose of a comic effect [Piégay-Gros, 2008, c. 97-98].

By a film, E.B. Ivanova means a text, i.e. coherent semiotic space [Ivanova, 2001, p.16]. This is the main reason why the literary devices used in the 20th century literature are applicable for works of cinematography. A text in a text became a film in a film. This device is very popular in cinematography around the world [Rudnev, 1999, p.133]. Such forms of intertextuality as quotations and allusions are proved to be of use in a film text. They are actualised to the full extent using all resources of a new art.

The concept of a code is of great importance in a film text. By the code, Umberto Eco means “a system of communicative conventions paradigmatically coupling term to term, a series of sign vehicles to a series of semantic units (or ‘meanings’) and establishing the structural organization of both systems, each of them being governed by combinatorial rules, establishing the way in which the elements (sign-vehicles and semantic units) are syntagmatically concatenated” [Eco, 1972, p. 7].

Umberto Eco distinguishes three codes: iconic, linguistic, and sound. The first code is “based on the processes of visual perception.” The second one is of the used language. The last one “includes all sounds of the music range and the combinatory rules of the tonal grammar” as well as noises [Eco, 1972, p. 10-12].

The presence of three codes in a film text message makes it possible to use all of them for multicode transmission of the intertextuality forms or multicode intertextuality.

According to News Weekly magazine [EW Staff, 2014, www.ru], one of the best episodes of an animated sitcom “The Simpsons” is “Treehouse of Horror V”. This episode can be taken for a case study of multimedial transmission of quotations and allusions. This episode constitutes a part of The Simpsons annual Treehouse of Horror specials which are devoted to Halloween themes. The episodes are places outside the normal continuity of the show and each of them is divided into three independent segments.

The episode starts with an introduction graphically resembling one in the 1960s American science fiction television series “The Outer Limits”. Bart Simpson’s voice, being interrupted by Homer’s voice, reads a text with quotes from the television series introduction. As he reads, his voice appears on the screen as waves on an oscilloscope.

Another peculiarity of the Simpsons Halloween specials is the credits with modified names. For example, the name of one of the supervising producers Dave The Friendly Ghost Sacks where “the Friendly Ghost” is a reference to the comic character Casper the Friendly Ghost.

The title of the first segment is “The Shinning”. This is a parody on the title of Stephen King’s novel “The Shining” and the screen adaptation by Stanley Kubrick of the same name. Quotes from and allusions to the book and its adaptation can be found throughout the whole segment. One can trace the similarity of the plot (Homer, winter caretaker for the lodge, goes crazy), visual references (blood pouring out of lift), and a parody on the proverb (“No TV and no beer maker Homer go crazy”). There are also references related neither the book nor the film. For example, the American talk show “Late Show with David Letterman” and American television news program “60 Minutes” are made reference to among others.

The second segment of the episode is “Time and Punishment”. It alludes to the English title of the novel “Crime and Punishment” by the Russian writer Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky. The plot of the segment is based on the science fiction short story “A Sound of Thunder” by Ray Bradbury. The characters of “The Rocky and Bullwinkle Show”, Mr. Peabody and Sherman, are portrayed in the segment. There are allusions to Steven Spielberg’s film “Jurassic Park” (scenes of the prehistoric world and Homer’s phrase about the dinosaurs: “the time when dinosaurs weren’t just confined in zoos”) in the segment. By saying he is “the first non-Brazilian person to travel backwards through time”, Homer means Carlos Castaneda, a hallucinogen-inspired author. Maggie Simpson can be heard speaking with the voice of James Earl Jones who is famous for voicing Darth Vader, the antagonist from the film series “Star Wars”. Homer pronounces a parodied line from the film “The Incredible Mr. Limpet”: “I wish I wish I hadn’t killed that fish.”

The last segment of the episode where guilty pupils are killed and served for a meal is called “Nightmare Cafeteria”. It alludes to the plot of the film “Soylent Green”. There are also allusions to scenes from the music video “Another Brick in the Wall (Part II)” by Pink Floyd.

The song at the end of the episode is “One”. This is from the musical “A Chorus Line” but its lyrics have changed. Necrotizing fasciitis or the “*flesh-eating virus*” is

mentioned in the changed lyrics. There were a big number of reports on it in the 90s American mass media.

One can notice that the episode is filled through with visual and sounds allusions about popular television shows, films, songs and quotes from them.

In the case of the animated sitcom “The Simpsons”, the main code of transmission allusions is the iconic one since just a photographic or drawn image is a basis of a film text according to E.B. Ivanova [Ivanova, 2001, p. 16]. This can be confirmed by numerous examples from the analysis.

References

1. Belokurova S.P. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Electronic source]. – Electronic data. – 2005. – Access mode: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrđ=%C0%CB%CB%DE%C7%C8%DF&bukv=%C0>.
2. Eco U. The Open Work. Cambridge, Massachusetts, 1989.
3. Eco U. Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message / Edited by Toby Miller; translated by Paola Splendore // Television: Critical Concepts in Media and Cultural Studies. Volume 2. London, 1972.
4. EW Staff, 'The Simpsons': 25 Best. Episodes. Ever. [Electronic source]. – Electronic data. – 2014. – Screen heading. – Access mode: <http://www.ew.com/gallery/simpsons-25-best-episodes-ever>.
5. Grishunin A.L. Tsitata // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. Vol.8 [Electronic source] / Gl. red. A.A. Surkov. Moscow, 1975. – Column 402. – Access mode: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke8/ke8-4021.htm>.
6. Ivanova E.B. Intertekstual'nye svyazi v hudozhestvennyh fil'mah: Avtoref. dis. kand. filol. nauk: 10.02.19; Volgogradskii gos. ped. un-t. Volgograd, 2001.
7. Komissarov V.N. Teoriya perevoda: lingvisticheskie aspekty. Moscow, 1990.
8. Morozov A. Reministsentsiya // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. Vol. 6 [Electronic source] / Gl. red. A.A. Surkov. Moscow, 1971. – p. 254. – Access mode: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke6/ke6-2541.htm>.
9. Neiva E. Communication Games: The Semiotic Foundation of Culture. Berlin, New York, 2007.
10. Piégay-Gros N. Vvedeniye v teoriyu intertekstual'nosti: Per. s fr. / Obsch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. Moscow, 2008.
11. Rudnev V.P. Slover' kul'tury XX veka. Moscow, 1999.
12. Treehouse of Horror V [Electronic source]. Electronic data. – Screen heading. – Access mode: <http://www.simpsonsarchive.com/episodes/2F03.html>.
13. Yampol'sky M.B. Pamyat' Tiresiya. Intertekstual'nost' i kinematograf. Moscow, 1993.

THE REPRESENTATION OF GENDER IN VIRGINIA WOOLF'S *ORLANDO*
(Altai State University, Russia)

Аннотация: Данная статья представляет собой исследование репрезентации гендера в романе «Орландо» (1928) английской писательницы Вирджинии Вулф в свете теории американского философа-постструктуралиста Джудит Батлер. В романе ставится под сомнение традиционная концепция гендерных категорий. Внимание сосредоточено на представлении нового взгляда на существующую гендерную парадигму. Теоретическим основанием для исследования послужили труды Джудит Батлер, в частности, ее идеи о перформативности гендера и деконструкции существующих категорий гендерной идентичности. В статье представлен анализ романа в свете батлеровского понимания концепции гендера, а также приводится и обосновывается тезис Джудит Батлер о «собственной и независимой генеалогии женщин». В статье рассматриваются различные аспекты, связанные с репрезентацией гендера, использованные в романе Вирджинии Вулф, и приводится анализ того, как главный герой, Орландо, выходит за рамки категорий «мужского» и «женского», тем самым нарушая традиционные гендерные нормы и разоблачая их социальную и культурную обусловленность. Через прочтение романа Вирджинии Вулф «Орландо» сквозь призму гендерной теории Джудит Батлер представлена попытка дать более глубокое понимание и принятие каждого человека в качестве субъекта, независимо от его/ее гендерной идентичности или половой принадлежности.

Ключевые слова: Вирджиния Вулф, перформативная концепция гендера, постструктуралистский подход, Джудит Батлер, феминистская критика.

Abstract: This thesis presents an exploration of the representation of gender in Virginia Woolf's *Orlando* mainly in light of the theories of Judith Butler. The focus will be on how the novel challenges the traditional concept of gender and gender categories, and in what ways the novel can give us new perspectives on the concept of gender. The theoretical focus will be on Judith Butler, more precisely on her idea of gender as performance, and her deconstructionist approach to identity categories. Butler's proposal for a «new feminist genealogy» will be presented and through the investigation of the representation of gender in *Orlando* will be shown how the novel take on a Butlerian understanding of the concept of gender. By looking at various issues related to gender explored in the novel, it was clarified how the protagonist, Orlando, breaks down and goes beyond the categories of male and female, thus disrupting the traditional gender norms and conventions, showing them to be socially and culturally constructed. This research aims to identify how *Orlando*, through its representation of gender, opens up for a greater understanding and broader acceptance for every individual no matter which gender and/or sexual identity they have.

Key words: gender as performance, Virginia Woolf, post-structural approach to textual analysis, Judith Butler, feminist critique.

The article deals with one central aspect of an individual's identity, namely one's gender. There is presented a closer look at how gender is portrayed in Virginia Woolf's *Orlando* and how the novel's representation of gender can be seen in relation to Judith Butler's theory of gender as performance, and her proposal for a «new feminist genealogy».

In Russia, gender issues are of much academic interest recently, but they are considered to be applied linguistics studies (i.e., in the fields of mass literature or postmodern children's literature translation) [Chernyak, 2007; Gurochkina, 2009; Eliferova, 2009, etc.]. There is practically no theoretical basis for gender-oriented researches in contemporary Russian linguistics. That is why the theory of gender as performance by Judith Butler appears to be basic for this research in Virginia Woolf's works.

Judith Butler's proposal for a new «feminist genealogy», a new way of looking at gender and the construction of gender categories were the basis for investigation of gender representation in Virginia Woolf's *Orlando*. Butler's ideas are not necessarily meant to be applied to literary texts, but through present analysis it will be shown how literature has the power to make us see things differently. To place Butler in an academic tradition or theoretical field is hard if not impossible. Her works cover various fields, but she is most famous for her contributions to feminist criticism and queer theory, with *Gender Trouble* regarded as her most important text; hence it's crucial to place Butler in the field of feminist criticism.

A key concept in Butler's theory is the concept of performativity. Through showing that gender is indeed a performance something one does, rather than something one is, she wants to reveal the very constructedness of gender categories: «there is no gender identity behind the expressions of gender; that identity is performatively constituted by the very «expressions» that are said to be its results» [Butler, 1990, p. 34]. In other words, Butler states that gender is a product of social, cultural and political factors and «gender is a construction that regularly conceals its genesis» [Butler, 1990, p. 522]. The representation of the «unintelligible» gender of Orlando, who challenges the notion of a stable gender identity reveals the categories of male and female as socially and culturally constructed.

The protagonist Orlando lives through centuries, and thus Woolf is able to give an account of not just an individual's life, but also a presentation of British history, and how the changing times influence the individual over a longer period [Gilbert, 1993]. The other element Woolf plays with - and perhaps more controversial at that time - is the concept of gender. Woolf simply allows her protagonist to go from male to female halfway through the novel, without further explanation.

Virginia Woolf is regarded as one of the foremost feminist writers, and has been praised both for her fictional and theoretical work. Dealing with an author of Virginia Woolf's importance, it is first of all necessary to look closer at some aspects of background and critical thinking in order to understand her view on gender as

portrayed in *Orlando*. Woolf's perhaps most discussed contribution to the field of feminist theory, and the text that most clearly places her in the feminist category, is *A Room of One's Own*. *A Room of One's Own*, an essay published in 1929, the year after *Orlando*, seems to theorize what Woolf plays with fictionally in *Orlando*, and thus the text presents in a sense a critic's approach to the concept of androgyny [Woolf, 1992].

First of all, Orlando's physical appearance hints towards an ambiguous gender identity. Describing Orlando's looks, Woolf plays with what is considered as a typical masculine appearance by using words and images signaling femininity. His features are described as very delicate and pure: *He had eyes like drenched violets, so large that the water seemed to have brimmed in them and widened them; and a brow like the swelling of a marble dome pressed between the two blank medallions which were his temples* [Woolf, 1993, p. 12].

The second half of the novel where Orlando has become a woman most directly deals with issues of gender and gender performance. At this point in the story, Orlando inhabits a rather unique position, as she now has lived as, and performed, both sexes. Seeing *Orlando* in light of *A Room of One's Own*, it is probable that Woolf wanted to present female Orlando as a personification of the ideal status of androgyny; someone who knows the secrets of both sexes and can access the whole specter of human experience, and thus is able to exploit her intellect and creativity fully. This position allows Orlando to choose the «best of both worlds», as described in a passage in the novel: *nor can there be any doubt that she reaped a twofold harvest by this device; the pleasures of life were increased and its experiences multiplied* [Woolf, 1993, p. 153]. The narrator describes Orlando's androgynous personality stating that *for it was this mixture in her of man and woman, one being uppermost and then the other, that often gave her conduct an unexpected turn* [Woolf, 1993, p. 133] which precisely indicates that there is always one of the sides (male or female) that dominates in Orlando, and thus her androgynous personality is not characterized by equality: they never intermix or operate at the same time, and hence Orlando as a woman does not fulfill the ideal status of androgyny.

A very good example of how gender roles indeed are performances is found when Orlando reflects on her reaction to men crying: *That men cry as frequently and unreasonably as women, Orlando knew from her own experience as a man; but she was beginning to be aware that women should be shocked when men display emotion in their presence, and so, shocked she was* [Woolf, 1993, p. 127].

Orlando having experienced both genders knows what is expected of her, and thus acts according to the gender norms. How easily Orlando shifts from feminine to masculine, and how she as a woman enjoys the pleasures of «both worlds» are also shown through the change of clothes: *«for the probity of breeches she exchanged the seductiveness of petticoats and enjoyed the love of both sexes equally»* [Woolf, 1993, p. 153]. The narrator describes how a typical day for Orlando may start with her wearing «a China robe of ambiguous gender,» and then changing into knee-breeches before working in the garden, followed by wearing a flowered taffeta as she is meeting up with a potential husband, before changing into a snuff-colored gown

when visiting court, and finally at night *«she would more often than not become a nobleman complete from head to toe, and walk the streets in search of adventure»* [Woolf, 1993, p. 153]. We see here that clothes and costumes give Orlando numerous possibilities, and various roles to perform. Again, Woolf presents a view on gender and sex that is similar to Butler's: *«the body is a construction that only comes into existence through external factors that are culturally and socially determined»* [Butler, 1990, p. 54].

Clothing in the novel does not, however, only function as a way to escape gender norms, but we also find examples of clothing symbolizing limitations and restrictions. The most clear example is found in the narrator's description of the crinoline which is said to be *«heavier and more drabb than any dress she Orlando had yet worn. None had ever so impeded her movements»* [Woolf, 1993, p. 168]. The crinoline becomes the ultimate symbol of the Victorian period, which in the novel is portrayed as a time when women became increasingly dependent on a husband, and their only purpose in life was marriage and child birth: *«the life of the average woman was a succession of childbirths»* [Woolf, 1993, p. 158]. It is a garment that literally makes it difficult to move, and be physically active, and thus it becomes a symbol of the passivity expected of Victorian women. For most of the time, clothing in the novel symbolizes possibilities for escaping the existing gender norms and for disrupting the gender hierarchy, but the crinoline, however, functions as a symbol for these norms and their restrictive nature.

Clothing is a dominant sign of social space. "Clothing as a semiotic entity, as a sign is inherent for a person. But the costume as a thing is self-sufficient and can be separated from its owner. In the cultures where the unconventionality of a sign is dominated, the change of clothing is strongly restricted. It is possible to change standard clothing only in some special conditions in such cultures. ...It is obvious that being highly semiotic, clothing could play the role of a specific "descriptive language" that is the outer world could be articulated in the terms of clothing" [Farino, 2004, p. 194-195]. In that way, extremely traditional Victorian society regulates its social standards with the help of strictly limited forms of male and female clothing. Changing clothing in such a society means to generate some chaos, and perform a new concept of gender.

Orlando starts to play a role of a jester (or the Vice, speaking the language of the Victorian period) when trying to overcome the limitations of gender-marked clothing. It gives the ability to enter various societies and times being the provocative creature who unmask social customs and conventions.

As Orlando finally awakes after his long sleep, the narrator describes how *«he stretched himself. He rose. He stood upright in complete nakedness before us, and while the trumpets pealed Truth! Truth! Truth! We have no choice left but confess – he was a woman»* [Woolf, 1993, p. 97]. Woolf still uses the pronoun «he» even though technically, or rather physically and biologically, at this point Orlando is a «she». This confusing use of pronouns continues as the narrator states that, *«Orlando had become a woman – there is no denying it. But in every other respect, Orlando remained precisely as he had been. The change of sex, though it altered their future,*

did nothing whatever to alter their identity» [Woolf, 1993, p. 98].

Finally, a few sentences later, the narrator explains «in future we must, for convention's sake, say «her» for «his», and «she» for «he» [Woolf, 1993, p. 98]. By at first keeping the male pronoun, then using the plural «their» before finally changing to «she» Woolf wants to show that there is nothing absolute about Orlando's gender identity. Certainly, she is now a female biologically, but there is still a presence of both genders in her, which the use of «their» signalizes. The key idea that Woolf wants to present with Orlando's gender transformation is that gender does not determine a person's identity. Woolf implies that there exists no absolute gender identity prior to the acts which establish it, or, in Judith Butler's words: «there is no gender identity behind the expressions of gender; that identity is performatively constituted by the very expressions that are said to be its results» [Butler, 1990, p. 34]. It is said about Orlando after the transformation that he/she «*remained precisely as he had been*» [Woolf, 1993, p. 98], indicating that her identity and personality are precisely the same as a woman, as they were as a man. Even though Orlando's biological sex is changed, there is no change present in her until the external and socially produced gender norms work in on her, and construct her female gender identity.

Orlando contains an implicit criticism of the constructed gender roles and conventions of male and female and questions who it is that constructs these conventions, and why this and that are considered typical for each gender.

It is undoubtedly remarkable that Woolf could create a novel that so easily can be linked to ideas presented over fifty years later. To see Woolf's fiction in light of Judith Butler's gender theory certainly proves the modernity and controversial nature of *Orlando*.

The representation of gender in the novel must be considered in relation to the political, social and cultural discourse in which the novel was produced. That being said, *Orlando* presents a very modern view on gender that easily can be linked to Butler's ideas about performative nature of gender presented only decades later.

References

1. Austin J.L. How to do Things With Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. Ed. J.O. Urmson and Marina Sbisa. Oxford, 1976.
2. Beauvoir S. de The Second Sex. Ed. H. M Parshley. Harmondsworth, 1972.
3. Butler J. Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory in Theatre Journal. 1988. № 40.4 P. 519-531.
<http://seas3.elte.hu/coursematerial/TimarAndrea/17a.Butler,performative%5B1%5D.pdf>
4. Butler Judith. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990.
5. Chernyak M.A. Massovaya literatura 20 veka: uchebnoe posobie. Moscow, 2007.
6. Eliferova M. "Bagira skazala..." Gender skazochnykh i mifologicheskikh

- personazhei angloyazychnoi literatury v russkikh perevodakh // Voprosy literatury. 2009. № 2. P. 254-277.
7. Farino E. Vvedenie v literaturovedenie: uchebnoe posobie. St. Petersburg, 2004.
  8. Gilbert S. M. Introduction: Orlando: Virginia Woolf's Vita Nuova in Orlando. Ed. Brenda Lyons. London, 1993. P. xi – xxxviii.
  9. Gurochkina A.G. Politkorrektная skazka kak transformirovannyi komicheskiy tekst // Gorizonty sovremennoi lingvistiki: Traditsii i novatorstvo. Moscow, 2009. P. 777-786.
  10. Heilbrun C. G. Toward a Recognition of Androgyny. New York, 1973.
  11. Jagger G. Judith Butler: Sexual Politics, Social Change and the Power of the Performative. London, 2008.
  12. Oxford Advanced Learners Dictionary. Seventh edition. Oxford, 2005.
  13. Oxford English Dictionary Online. www.oed.com.
  14. Salih S. (ed.). The Judith Butler Reader. Malden, Massachusetts, 2004.
  15. Schechner R. Performance Studies: An Introduction. London http://samples.sainsburysebooks.co.uk/9781136448720_sample_494950.pdf
  16. Woolf V. A Room of One's Own. London, 1992.
  17. Woolf V. Orlando. Ed. Brenda Lyons. London, 1993.

О.В. Кирколулуп

**ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ С НАЗВАНИЕМ
НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ
(Алтайский государственный педагогический университет, Россия)**

Аннотация: Статья посвящена изучению и сравнению фразеологических оборотов с названиями национальностей в английском и французском языках. В частности, изучение и сравнение негативно, нейтрально и позитивно окрашенных идиоматических выражений, определяющих отношение англичан к французам и наоборот. Данное исследование особенно актуально ввиду популярности изучения иностранных языков. Знание этих фразеологизмов также поможет при выражении своих мыслей на изучаемом языке и переводе этих выражений с одного языка на другой в поликультурном пространстве.

Ключевые слова: английский язык, французский язык, фразеологизмы с названиями национальностей, сравнение.

Abstract: This article is aimed at studying and comparison of idioms with nationality names in English and French. Particularly, when they study and compare the idioms that express negative, neutral or positive attitude of one nation forward to another (English and French, in particular). This study is very important nowadays as

learning foreign languages becomes very popular. Using given idioms will be helpful when expressing oneself in different foreign languages or while translating these idioms from one language to another in a multicultural society.

Key words: English, French, idioms with nationality names, comparison.

Практически ни один иностранный язык немыслим без фразеологических единиц. Фразеологизмы или идиоматические выражения всегда составляли отдельную сферу интересов для лингвистов. Интерес к идиомам не перестает расти и сегодня, ведь именно фразеологизмы привносят различные оттенки в речь говорящего, придают высказыванию эмоциональную окраску, подчеркивают национальные особенности каждого говорящего, дарят красоту языку и предоставляют разнообразие форм выражения мыслей.

Первым лингвистом, заговорившим об изучении фразеологических оборотов как самостоятельных лингвистических единиц, был французский лингвист Ш. Балли. Благодаря этому своему начинанию Ш. Балли считается основоположником современной фразеологии как науки. Но стоит понимать, что фразеологизмы – это единицы речи, возникающие в результате регулярного употребления одних слов рядом с другими для придания дискурсу большей выразительности, для экспрессивности и эмоциональной окрашенности высказываний. А это означает, что фразеологизмы начали свое существование еще до теоретических основ, выдвинутых Ш. Балли [Бардоши, Эттингер, 2002, с. 6].

Современная фразеология включает в себя несколько разделов: фразеологическая семантика, фразеологическая стилистика, паремиология, историческая фразеология, фразеологическая этимология, сравнительная фразеология и фразеография. Так как изучение иностранных языков становится все более популярным в современном обществе, сравнительная фразеология, занимающаяся сравнительно-сопоставительным изучением фразеологизмов в разных языках, выходит на первый план. Тем, кто изучает иностранные языки, намного проще запоминать те или иные фразеологические единицы, если они проводят параллели между несколькими языками и стереотипами, в них существующими. Необходимо понять логику иноязычной речи и иностранных выражений, чтобы правильно употреблять фразеологизмы в речи.

Существует много способов классификации фразеологических сочетаний в зависимости от того, какой характерный признак берется за основу. Мы рассмотрим идиомы, содержащие названия национальностей во французском и английском языках, а именно,, фразеологизмы, содержащие название французской национальности в английском языке, и наоборот. Подобного рода исследование идиоматических выражений поможет нам понять логику стереотипов, существующих в этих языках и направленных на другую национальность.

Логично будет приступить к сравнению идиом в этих языках, изучив взаимное видение англичан и французов, имеющее следствием появление различных фразеологизмов в их языках. Исторически сложилось так, что

англичане и французы находятся в вечном соперничестве, начиная с тех времен, когда они делили сферы влияния на территории Европы и колонии по всему миру, определяли, какая из наций более развита. Так, например, С.Г. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» высказала точку зрения, которая объясняет подобное презрительное отношение англичан к французам и наоборот непрямым способом выражения любви к Родине, свойственной и тем и другим [Тер-Минасова, 2008, с. 135]. Ведь каждый француз видел свою страну, язык, народ более развитым и совершенным, чем англичане. А каждый англичанин считал своим долгом дать отпор соперникам-французам в любой из сфер человеческой деятельности. Так и появлялись на свет фразеологические обороты, которые, передаваясь из уст в уста и закрепляясь на бумаге, составляли стереотипы конкурирующих национальностей англичан и французов.

При изучении фразеологизмов в языках этих двух национальностей становится очевидным, что в наибольшей степени неприязнь к иностранцам проявляется в английском языке по отношению к французам и к голландцам. Во французском же языке образные выражения, связанные с англичанами и американцами, не столь многочисленны. Тем не менее, фразеологических выражений, относящихся к этим национальностям, довольно много и не все носят положительный характер.

Рассмотрим идиомы с негативным отношением. К примеру, если англичанин ругается, он сопровождает это идиомами «pardon my French» – простите за мой французский, как бы подчеркивая, что французский язык звучит как ругательство (подобное выражение, кстати, существует и в русском языке). Возможно, французский язык был просто непонятен англичанам, поэтому они принимали его как нечто плохое, неестественное, в отличие от их родного английского. Плохое поведение характеризуется в английском языке с помощью фразы «done like a Frenchman» – поступил по-французски, не по-человечески. Что в очередной раз доказывает, что англичане видели свой народ выше французов. В свою очередь, не менее ужасный поступок находит себе эквивалент во французском языке «vol à l'américain» – кража с обманом; кража с соучастником, выдающим себя за богатого американца – как будто только американцы были способны на грабежи, а Америка – колония Англии, таким образом, можно увидеть косвенное сравнение этих национальностей. Французы, говоря о совершенном насилии над кем-то, употребляют глагол *anglaiser* – насиловать. А одно из оружий уличных боев называется у французов «coup-de-poing américain» – кастет. Учитывая тот факт, что Англия и Франция развязали Столетнюю войну, французы видели англичан как нацию, всего добивающуюся насильно, возможно, это и является одним из объяснений появлению этих идиом.

Продолжим ряд идиом с менее негативным отношением. В английском языке, в отличие от русского и французского языков «filer à l'anglaise» (уйти по-английски), уход без прощания, обозначается идиомой «to take a French leave» – уйти по-французски, именно французы им кажутся скрытными и

невежественными. А секрет Полишинеля в английском языке называется «French secret» – французский секрет (феномен умолчания о каком-либо факте или явлении, вызванный тем, что люди считают данный факт / явление общеизвестным).

Однако отношения этих двух наций не всегда были настолько отрицательными, поскольку в предложенных языках присутствует немало идиом с нейтральным значением или даже с позитивной окраской. Так, например, для обозначения амбициозности и целеустремленности человека англичанин скажет «every French soldier carries a marshal's baton in his knapsack» – плох тот солдат, который не мечтает стать генералом (каждый французский солдат держит генеральский жезл в рюкзаке). Во французском языке таких идиом намного больше. О человеке, умеющем оценивать ситуацию с первого взгляда, французы скажут «il a l'oeil américain» – у него американский глаз, глаз наметан, то есть американцы – очень проницательная нация. Еще одно положительное оценивание англичан – использование английской национальности для короткой рабочей недели «semaine anglaise» (английская неделя) – неделя с укороченным рабочим днем в субботу или двумя выходными днями.

Примечательны также идиомы, связанные с кулинарией и готовкой. Англичане очень полюбили французскую кухню, хоть и частично. Жареный картофель называется в английском языке «French fries» (картофель по-французски). Французы тоже принимают тот факт, что не только французская кухня изысканна и оригинальна. Во французском языке блюда, приготовленные на пару, называются «à l'anglaise» (по-английски), холодное мясное ассорти – «assiette anglaise» (английская тарелка), закусочная с продажей у стойки – «bar américain» (американский бар).

В заключение следует отметить, что изучение проблемы правильного перевода и интерпретации фразеологических единиц крайне важно и играет огромную роль при межкультурной коммуникации, в частности, помогает избежать недопонимания при общении. Исследование фразеологизмов, содержащих названия национальностей в иностранных языках, позволяет более подробно изучить историю наций их взаимоотношений, как это было представлено выше на примере английского и французского языков. При общении на том или ином языке крайне важно подобрать фразеологизм, существующий в этом языке, чтобы избежать конфликта культур.

Литература

1. Бардоши В., Эттингер Ш. Фразеологизмы французского языка. Екатеринбург, 2002.
2. Винокуров А.М. Англо-русский словарь идиом. М., 2014.
3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М., 2008.
4. Хайитов Б.Т. Французско-русский лингвострановедческий словарь по фразеологии. М., 1997.
5. Шитова Л.Ф., Брускина Т.Л. English Idioms and Phrasal Verbs. Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов. СПб, 2012.
6. Dictionnaire du français argotique et populaire. Paris, 2005.

**WOLF MESSING BIOGRAPHY
AND SOVIET TRAVEL REVIEWS (1920s – 1930s): THE COMPARISON**
(Altai State University, Russia)

Аннотация: В настоящей работе советский телепат Вольф Мессинг рассматривается в ряду знаменитых иностранцев, посетивших СССР в 1920-1930-е годы и написавших травелоги (книги о путешествии) по итогам поездки. В статье дается краткий обзор произведений, созданных Гербертом Уэллсом, Джоном Ридом, Вальтером Беньямином, Лионом Фейхтвангером и Андре Жидом. Делается предположение, что путевые заметки иностранцев играли в советском мире роль объективного взгляда со стороны и письменного комплимента режиму. Мемуары Мессинга «Я – телепат», а также сведения о биографии артиста из других источников анализируются именно с этой точки зрения.

Ключевые слова: советская культура, иностранцы, путевые заметки, Вольф Мессинг, благодарность.

Abstract: The article presents the Soviet telepathist Wolf Messing together with a number of foreign people, who visited in the USSR in the period of the 1920s – 1930s. After that they wrote and published travel reviews. Some analysis of books by Herbert Wells, John Reed, Walter Benjamin, Lion Feuchtwanger and Andre Gide is given in the research. The travel reviews were something like opinions of foreign guests and their compliment on the Soviet regime. Messing's autobiography *I am a Telepathist* is analyzed in this aspect.

Key words: the Soviet culture, foreigners, travel reviews, Wolf Messing, gratitude.

In spite of the Iron Curtain policy, Soviet society wanted a positive assessment of foreign countries. According to the words of a French writer Andre Gide, the Soviet regime needed compliments of Western countries [Жид, 1990]. Travel reviews of foreign guests could serve that purpose.

A lot of European writers toured the USSR in the period of the 1920s – 1930s. They were Herbert Wells, John Reed, Lion Feuchtwanger, Walter Benjamin and Andre Gide. But Russia and later the Soviet Union received their guests differently. The government didn't pay much attention to visitors during the Revolution. In the 1917 J. Reed visited Russia. His book *Ten Days that Shook the World* was complimentary for the Bolshevik Party. Further on, the Soviet Government took foreign visiting the country under control.

H. Wells arrived in Russia in 1920. Russian guides of the writer took him to the best schools and hospitals. He was allowed to talk to Lenin. In his book *Russia in the Shadow* H. Wells describe the Bolshevism from the positive view only [Уэллс, 1958]. As for W. Benjamin, he was not controlled or guided. In his *Moscow Diary*

the writer talks about his relations with the woman he loved rather than Soviet day-to-day realities [Беньямин, 1997]. Thus, the work by W. Benjamin seems to be the most objective.

In the 1930s the “Iron Curtain” went down. But visits of Western authors did not cease. In 1936 and 1937 A. Gide and L. Feuchtwanger visited in the USSR. The last criticized the totalitarian regime in his brochure *Return from the USSR*, so this book appeared only abroad [Жид, 1990]. As for L. Feuchtwanger, he stayed in the Soviet Union for 2 months and all that time he was under the supervision of KGB [Эйдельман, 1991]. The result of the travel is the book *Moscow, 1937*, which was sustained in the traditions of the socialist realism [Фейхтвангер, 2012].

These are the most well-known attempts of the Soviet Government to get some praise of Western countries. Not all of these efforts were crowned with success. In spite of the fact that the Soviet country tried to dress up for visitors, there was some risk to get a negative result. A foreigner who would permanently live in the USSR would be more profitable for the Bolshevik Party. A man who became such a “friendly foreigner” arrived in the Soviet Union in 1939. It was Wolf Messing, a performing artist and a telepathist. He lived and worked in the USSR for 35 years (from 1939 to 1974).

W. Messing needed to have a constant reputation of a foreigner, or his compliments on the regime would lose their importance. The name *Wolf Messing* itself created the necessary impression. A strong accent, a bad grasp of the written Russian language and an original profession isolated W. Messing in the Soviet life.

So, this man should express gratitude to his new homeland. Compared to other foreign visitors of the 1920s – 1930s period, W. Messing did not create a travel review. His praise to the USSR was silent for a long time. Boris Sokolov (a biographer of Wolf Messing) mentioned one of notable events.

In 1944 a telepathist gave a pursuit plane as a gift to the aviator Konstantin Kovalyov. There is a newspaper story about this fact and a photograph of W. Messing and K. Kovalyov near the new fighting machine. Later a telepathist donated another plane to Polish aviators (Poland is a real native land of W. Messing). Every airplane was signed up by the name of the patriot Wolf Messing [Соколов, 2010].

The event with planes was a public manifestation of his patriotism. The artist set himself up as a Soviet patriot mostly and secondarily as a native of Poland. It was a silent, but important appreciation. Stalin paid attention to this W. Messing’s act. Biographers of the artist mentioned that W. Messing got a telegram from the leader of the USSR. It contained acknowledgements for the artist’s contribution to the Victory over Germany [Соколов, 2010].

In the period of the 1960s W. Messing’s gratitude to the regime got a verbal form. In 1969 memoirs *I am a Telepathist* appeared. It is the main book which was published under the name of Wolf Messing. There is the supposal that the telepathist was not the author of this work [Китаев, 2008]. But it was written with Messing’s

consent one way or another. One of its chapters is titled “On the Ground of the Soviet Homeland”. When the author described the situation with the presented planes, he admired the speed of technological progress in the USSR. W. Messing took up the position that he was distressed for the Red Army. The artist tried to give soldiers’ countenance on his performances. The telepathist wanted to provide inspiration for achievements rather than to amuse warriors.

In the final part of the book W. Messing appeared as an ordinary Soviet citizen. The telepathist steadily narrated about his day of rest [Мессинг, 1990]. When the artist talked about his way of life, he numerously used the word “usual”. He lived in a usual apartment, he had a usual family and he was an ordinary man. On Sunday he was simply Wolf Grigoryevich rather than the telepathist Wolf Messing. Gratitude to the Soviet Union for a possibility to live and to work equally like other people was evident.

Combined with a fictitious W. Messing’s biography, this praise became even more valuable. A great person who is thought of to have visited in a lot of countries, has chosen the USSR as the best place to live in – W. Messing formed such an impression. The artist had the opportunity to depart from the USSR once and again, but he did not use a chance [Соколов, 2010].

The telepathist kept silence for a long time. But he proved to be useful to the Soviet Government, as a result. W. Messing played a role of a foreigner who gave his heart to the USSR and made a declaration of this love in a word and deed. He was a citizen of the country rather than a traveler. Therefore, Wolf Messing had the advantage over foreign guests of the 1920s – 1930s period.

References

1. Беньямин В. Московский дневник. М., 1997.
2. Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетки. Возвращение из СССР / Сост., вступ. статья Л. Н. Токарева. Пер. с фр, М., 1990.
3. Китаев Н.Н. «Криминалистический экстрасенс» Вольф Мессинг: правда и вымысел // В защиту науки. 2008. № 4. С. 102-144.
4. Мессинг В.Г. Я – телепат / Лит. запись Мих. Васильева. М., 1990.
5. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. Пер. с англ. СПб., 2012. –
6. Соколов Б.В. Вольф Мессинг. М., 2010.
7. Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958.
8. Фейхтвангер Л. Москва, 1937 год. М., 2012.
9. Эйдельман Н. Гости Сталина // Два взгляда из-за рубежа: Переводы. М., 1991. С. 268-269.

LE REFLET DE LA LANGUE DANS LE DISCOURS DE LA PUBLICITÉ: LA LINGUISTIQUE DANS LA PUBLICITÉ

(Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Россия)

Le résumé: Le sujet envisagé est actuel car de nos jours la publicité occupe une grande place dans notre monde. Elle est de plus en plus présente, que ce soit dans la presse écrite, la télévision, la radio, dans la rue et même sur Internet. Le sujet – est le discours médiatique et plus la fonction de celui-ci dans la publicité. Les résultats qui ont été démontrés ici pourront servir dans le domaine de l'enseignement de la lexicologie par exemple ou dans la stylistique ou encore dans la traduction.

Les mots-clés: la linguistique, la publicité, le discours, les éléments linguistiques de la publicité, la phonologie, la morphologie, la syntaxe.

Abstract: The article discusses the current diversity of advertising. The advertising occupies a large place in our world. It is present more and more often, whether in print, television, radio, on the street and even on the Internet. The theme of this article is the media discourse and its functions in advertising. The results can be used in the field of education, for example lexicology or stylistics, or in translation.

Key words: discourse, linguistics, advertising, language elements of advertising, phonology, morphology, syntax.

La linguistique c'est la science qui s'intéresse à l'étude du langage, il est important de rappeler qu'elle se distingue de la grammaire.

Lorsque nous parlons de linguistique il faut définir différents termes tels que la phonologie, la morphologie, la syntaxe et bien d'autres que l'on évoquera brièvement.

La publicité a son propre langage, elle utilise des néologismes (exemple: solutionner, sophistiqué etc.) et les marques deviennent des substantifs par antonomase (exemple: Frigidaire, fermeture Éclair, Zip, Velcro etc).

Les éléments linguistiques de la publicité, pour les analyser, il faut les répertorier:

- La phrase d'accroche. Située en haut, à gauche, la phrase d'accroche, forme moderne du slogan est destinée à attirer l'attention en premier lieu, comme le ferait un titre. Nous pouvons donc nous demander si elle est en accord avec l'image et si c'est le cas, en quoi.

- La base-line. La phrase d'accroche peut être relayée par une phrase située en bas, à droite. C'est la base-line, qui précise l'une des qualités du produit ou de la marque. Elle est appelée ainsi parce qu'elle est souvent à la base de l'annonce ou de l'illustration. Phrase ou expression courte, bien rythmée, elle est donc porteuse d'un message simple.

Jeux de mots, rimes, assonances et allitérations, parallélismes de construction et

anaphores etc sont les procédés d'écriture qui la rendent aisément mémorisable et accroissent son pouvoir de suggestion, de séduction.

- L'argumentaire. Elle peut être développée (et éventuellement complétée) par un argumentaire, qui se veut explicatif ou argumentatif. Analyser l'effet produit par toutes les figures de style est pertinent: les choix d'écriture nous éclairent sur les techniques de la persuasion. Mais on peut être plus particulièrement attentif aux formules qui rendent la publicité plus suggestive et moins informative. C'est en effet une évolution de fond de la publicité.

La publicité a également beaucoup recours aux figures de style pour mettre en images le message qu'elle veut transmettre au consommateur, les plus courantes sont les suivantes [Kerbrat-Orecchioni, 2008].

L'accumulation, visuellement elle consiste à adjoindre, associer, juxtaposer des objets identiques, de même nature ou de même fonction. Bien souvent, cette accumulation traduit une impression de foisonnement, de désordre voire de chaos. Sauf si cette accumulation est soigneusement organisée et structurée. Comme par exemple dans cette publicité pour la célèbre marque de luxe Burberry où l'on peut voir une accumulation d'objets chics soigneusement rangés et ordonnés.

L'allégorie, par exemple une banque française (La Caisse d'Épargne), a fait une caricature du célèbre tableau de Delacroix, qui est lui-même une allégorie de la liberté, en représentant un écureuil à la place de Marianne. Là encore cela reflète le patriotisme, pour plusieurs raisons même. Tout d'abord c'est une inspiration d'un tableau d'un peintre français, Eugène Delacroix, ensuite ce tableau La liberté guidant le peuple dont est inspirée la publicité est un tableau représentant la révolution des Trois Glorieuses qui a eu lieu en 1830. C'est donc un symbole de l'histoire française très important.

L'anacoluthie, est une rupture de construction sur le plan de la syntaxe. L'équivalent dans l'image consiste à réaliser par photomontage une image impossible: une armoire qui s'ouvre sur un paysage de vacances, un personnage qui marche au plafond ou qui sort d'un écran de télévision (image surréaliste). La rupture peut se faire sur le plan visuel, comme dans la pub pour la Peugeot 1007: ici il y a un passage de la photo au dessin.

Mais elle peut aussi se faire sur le plan textuel « Une Vento achetée, un arbre protégé » comme dans la pub pour la Vento de chez Volkswagen.

L'analogie (ressemblance) est la mise en relation de deux objets, deux phénomènes, deux situations qui appartiennent à des domaines différents mais font penser l'un à l'autre parce que leur déroulement, leur aspect, présentent des similitudes. Comme par exemple une publicité pour le célèbre Grand Magasin Printemps où une femme est représentée comme la Tour Eiffel.

L'antithèse c'est l'opposition de deux mots, pensées ou expressions contraires pour créer la surprise, amplifier par le contraste, comme dans la pub du modèle Peugeot 106 avec le slogan suivant: « Sensations maximum, encombrement minimum ». Ici ils jouent sur les mots « maximum » et « minimum » qui s'opposent

Le chiasme, du grec *khiasma*, croisement est une opposition fondée sur l'inversion. Visuellement il s'agit d'opposer et d'inverser des images afin d'en

modifier la signification. Nous pouvons prendre pour illustrer cette figure de style une publicité pour la chaîne de télévision française France 2, en effet le slogan est «Des infos juste et pas juste l'info».

La comparaison ou opposition entre deux produits ou leurs bénéfiques, est un procédé aussi ancien que la publicité. Quelques variantes à cette figure basique peuvent apporter un effet de surprise créatif etc Par exemple, prenons la publicité pour un téléphone, le Nokia Lumia 925, nous voyons une photo d'une femme, la même photo 3 fois avec une luminosité différente pour montrer l'efficacité de l'appareil photo du téléphone avec le slogan suivant «Des photos éblouissantes, même de nuit ».

L'hyperbole dite «publicitaire», par exemple Citroën en 1925 a fait une publicité lumineuse en étalant en hauteur son nom en lettres géantes sur la Tour Eiffel. Cet exemple montre bien le patriotisme français en ce qui concerne l'industrie automobile. En effet nous pouvons remarquer une prédominance de publicités de voiture en particulier dans la presse écrite.

La litote est une figure de style qui consiste à dire peu pour suggérer beaucoup. Du coup: «Moins devient plus». Appliquée à l'image, la litote consiste à diminuer la taille d'un élément voire l'éliminer, pour paradoxalement, lui donner plus d'importance comme dans la publicité du secours populaire Français où nous pouvons voir trois balançoires, l'une d'elle (au milieu) est vide et la publicité dit «Cet été, un enfant sur trois ne partira pas en vacances». La balançoire vide représente donc l'enfant qui ne partira pas en vacances.

La métaphore, par exemple WWF (World Wide Fund) a représenté la planète Terre comme une glace qui fond.

Le WWF n'est pas une organisation française, c'est une organisation non gouvernementale internationale de protection de la nature et de l'environnement, fortement impliquée dans le développement durable.

La métonymie est la figure de la substitution (l'expression attendue est remplacée par une autre). Substitution de l'effet à la cause: le réfrigérateur remplacé par un bloc de glace, la chaussure remplacée par son empreinte, etc. Substitution de la cause à l'effet : la laine remplacée par un mouton, etc. Remplacement d'un objet par sa destination : la radio représentée par une oreille, la télévision par un œil, etc. Par exemple une chaîne de télévision TPS a utilisé l'œil pour représenter la vue.

En France, il y a aussi de nombreuses publicités pour la sécurité routière, parfois à prendre avec humour comme une publicité avec Karl Lagerfeld qui dit «C'est jaune, c'est moche, ça ne va avec rien, mais ça peut vous sauver la vie», il est question du gilet de sécurité qui devient obligatoire dans tous les véhicules.

Nous pouvons aussi parler d'une autre publicité, toujours pour la sécurité routière «On ne fera jamais mieux comme équipement de sécurité dans une voiture». Et la publicité est représentée par un cerveau. Nous pouvons ici encore parler de métonymie, en effet le cerveau symbolise la vigilance, la présence d'esprit, la pertinence, l'attention, la conscience de son environnement qu'a le conducteur.

L'oxymore ou oxymoron, associe deux mots opposés pour créer une curieuse sensation. Les contraires s'annulent, et créent une image nouvelle et originale appréciée des poètes:

Cette obscure clarté qui tombe des étoiles (Corneille). Pour ce qui est des oxymores visuels et publicitaires c'est une association de deux images qui se contredisent et créent un sens nouveau et impactant. Par exemple nous pouvons l'illustrer avec l'affiche de campagne de François Mitterrand à l'élection présidentielle de 1981, le slogan était «La force tranquille». Ici s'opposaient le terme «force» et l'adjectif «tranquille» ce qui exprimait une contradiction.

La paronomase est un rapprochement de termes voisins par la sonorité (non par le sens), qui établit un lien phonétique entre le nom du produit et sa qualité. Par exemple dans cette campagne pour le café Légal, on utilise les termes «Le goût» qui permettent un rapprochement sonore.

La personnification est une forme d'anthropomorphisme qui fait prendre à un objet les caractéristiques d'un être humain. Comme par exemple la publicité Charal où nous pouvons voir un homme dans un bus avec un steak dans les bras, accompagné du slogan suivant : «N'ayez plus peur de dire "J'aime la viande"». La prolepse c'est à dire on prévient une objection pour mieux la réfuter, permet d'anticiper le refus, de supprimer les freins et d'apporter fiabilité au produit. Comme par exemple la publicité pour une solution pour application cutanée, Eau Précieuse, elle met avant le fait que le produit n'est pas très design sur le plan du packaging, mais ce que recherchent avant tout les adolescents, c'est que le produit soit efficace, notamment avec cette phrase: «c'est moche mais ça marche » Ici nous pouvons également noter une assonance. La prosopopée c'est prêter la parole à des êtres absents, des morts, des animaux ou des objets... qui sont naturellement peu enclins à discuter ! Comme par exemple dans la publicité pour un Kinder Bueno où celui-ci parle et dit « Jusqu'où irais-tu pour mon cœur fondant?».

La répétition est la multiplication du même objet (ne pas confondre avec l'accumulation). C'est un procédé qui appartient au behaviorisme mécaniste (matraquage direct). Le même élément est répété abondamment pour favoriser la mémorisation et le conditionnement. Comme exemple nous pouvons prendre une publicité pour des chaussures de la marque Arche. La répétition dans cette publicité va de pair avec le choix des couleurs (vives, fluos), référence directe au pop'art d'Andy Warhol (Courant artistique né en Amérique dans les années 50 qui explore l'imagerie populaire de notre société de consommation), la chaussure est par là même élevée au rang d'objet d'art ! La répétition sous entend l'abondance, les différentes couleurs garantissent une diversité. La référence artistique la qualité qui va les distinguer pour en faire des objets de prestige.

Le symbole c'est la comparaison devenue conventionnelle à force d'être répétée: la plume signifie la légèreté, l'œuf la simplicité ou la nouveauté, le diamant la pureté, etc Par exemple cette publicité contre la violence faite aux femmes. Cette publicité nous marque dès le moment où on la voit. D'un premier coup d'œil, on aperçoit un tube de rouge à lèvres, symbole de la féminité. Celui-ci, d'un rouge vif, dégoulinant sur le tube, nous amène à faire un lien avec du sang qui coule. Sans avoir lu aucun mot et en se fiant seulement à l'image, on peut donc déjà dire que cette publicité fait allusion à la violence faite aux femmes. Et en petit il est écrit «Les femmes ne se maquillent pas toutes pour les mêmes raisons, SOS Violence Conjugale».

Mais cela montre une forme de publicité que nous n'avons pas encore évoqué, la publicité sociale. En effet celle-ci est très présente que ce soit dans la publicité écrite ou télévisuelle. Nous pouvons parler des publicités contre le SIDA, par exemple La Grande Braderie de la Mode 2013 avait comme affiche publicitaire «Vous êtes victime de la mode, aidez celle du SIDA». Ici il y a un jeu de mots avec l'utilisation du doubles sens du mot victime - «Qui pâtit, qui subit les effets d'une situation, d'événements»: victime de la mode. «Qui est atteint d'une maladie, d'un mal»: victime du SIDA.

Nous pouvons également mentionner une publicité de l'UNICEF (Fonds des Nations unies pour l'enfance) «Quand un enfant meurt, on dit qu'il va au paradis. Quand 7 millions meurent, on appelle ça l'enfer». Nous pouvons parler là d'anaphore.

La publicité utilise aussi des procédés stylistiques de la poésie, comme les assonances, par exemple dans la publicité pour le célèbre parfum J'adore de Dior, on note ici l'assonance en «or» et le zeugma qu'on peut voir par exemple dans une publicité de la SNCF «En jus, en morceaux, en rondelles et maintenant en gare».

Pour ce qui est des emprunts à l'anglais, la loi Toubon a aussi rendu obligatoire l'utilisation du français dans la publicité. Ainsi, les supports publicitaires sur lesquels apparaissent des slogans ou des textes utilisant des mots en anglais doivent «impérativement» en donner la traduction (qui apparaît généralement en petits caractères et précédée d'un astérisque).

Une étude vient de faire mentir le premier ministre Jean Charest qui, lors de son dernier voyage en France, avait reproché aux Français de glisser trop facilement vers les anglicismes. Dans la publicité du moins, il semble que ceux-ci ne soient pas aussi menaçants qu'on le croit généralement. Ils le sont nettement moins que la musique et les noms de marques qui, eux, sont de plus en plus en anglais selon une étude réalisée par l'Autorité de régulation professionnelle de la publicité et la Délégation générale à la langue française.

Moins de 4 % des publicités françaises utiliseraient des anglicismes, estiment ces deux organismes responsables de l'application de la loi Toubon, qui impose depuis 1994 l'usage du français dans la publicité d'un bien, d'un produit ou d'un service. Par contre, environ 12 % auraient un environnement, une musique ou un nom de marque en anglais. Dans les deux cas, l'étude note une progression de l'anglais.

Les chercheurs qui ont passé au crible 7323 affiches et messages publicitaires destinés à la radio et à la télévision n'ont relevé que 120 cas d'utilisation d'anglicismes dans les textes des messages publicitaires. Cela représente 82 % des manquements linguistiques relevés, ce qui ne touche que 3,2 % des publicités étudiées.

Dans la plupart des cas, il s'agit de mots non traduits comme «game», «playlist», «lover», «hotline» ou «speed dating». Le mot anglais qui revient le plus souvent dans les publicités est «high tech», signe que l'anglais est souvent de rigueur dès qu'il est question de nouvelles technologies.

Mais, si l'usage des anglicismes semble relativement restreint, de plus en plus de messages font par contre appel à un environnement anglophone. Il s'agit par exemple

de l'utilisation de chansons en anglais ou d'un nom de produit en anglais. Une façon comme une autre de contourner la loi puisque l'environnement sonore et les noms de marques ne sont pas réglementés.

Si l'on s'en tient à ce critère, environ 12 % des publicités contiendraient de l'anglais d'une manière ou d'une autre. Cela va des magasins Leader Price et Carrefour City aux chewing-gums Hollywood, en passant par la campagne de promotion touristique Only Lyon. Dans de nombreux cas, les noms de produits et les slogans publicitaires utilisent toute une construction en anglais. Ainsi, SFR a-t-il inventé les forfaits SFR Business Team. Même la Poste, pourtant propriété de l'État, a lancé une campagne intitulée «Com'on Web».

Si la loi rend obligatoire l'utilisation du français dans la publicité depuis 1994 (grâce à la loi Toubon), rien n'empêche les commerçants et les fabricants de donner à leurs produits et à leurs services des noms de marques en anglais.

Bibliographie

1. Adam J.-M. et Bonhomme M. Analyses du discours publicitaire. Toulouse, 2000.
2. Adam J.-M. L'analyse textuelle des discours. Introduction à la linguistique textuelle. P., 2005.
3. Bonnafous S. et Krieg-Planque A. «L'analyse du discours», dans Olivesi S. dir., Sciences de l'information et de la communication. Objets, savoirs, discipline, Grenoble, 2013.
4. Charaudeau P. «Une éthique du discours médiatique est-elle possible?», Communication [En ligne], Vol. 27/2 | 2010, mis en ligne le 31 mars 2010, consulté le 5 novembre 2015. URL: <http://communication.revues.org/3066>
5. Kerbrat-Orecchioni C. Les actes de langage dans le discours - théorie et fonctionnement. P., 2008.
6. Lits M. Du récit au récit médiatique. Bruxelles, 2008.
7. Travis C. The Uses of Sense: Wittgenstein's Philosophy of Language. Oxford, 2009.
8. Verschueren J. On speech acts Verbs. Amsterdam, 2010.

О.В. Курбанова

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

(Дагестанский государственный технический университет, Россия)

Аннотация: В данной статье освещаются некоторые аспекты организации учебного процесса на подготовительном отделении для иностранных студентов. Особое внимание уделяется роли преподавателя в овладении студентами активными речевыми навыками. Автор попытался

проанализировать преимущества и недостатки двух форм коммуникации: условной и естественной. Также в статье показаны возможные пути преодоления трудностей, связанных с интенсивностью кратковременного обучения русскому языку иностранцев.

Ключевые слова: коммуникация, речевая ситуация, речевое поведение, речевая деятельность, аудирование.

Abstract: Some aspects of the organization of educational process in the preparatory division for foreign students are covered in this article. The special attention is paid to a role of the teacher in mastering students' active speech skills. The author has tried to analyze advantages and shortcomings of two forms of communication: conditional and natural. Also possible ways of overcoming of the difficulties connected with intensity of foreigners' short-term training in Russian are shown in the article.

Keywords: communication, speech situation, speech behavior, speech activity, audition.

Для подготовительного отделения, где обучаются студенты-иностранцы, характерно то, что целью обучения преимущественно является овладение активными речевыми навыками. При кратких сроках обучения это достигается наиболее успешно при двух условиях: во-первых, если основная часть курса проводится в форме устной коммуникации, т.е. устная коммуникация выступает не только как предмет обучения, но и как способ организации учебного процесса и как средство обучения; во-вторых, если учебная коммуникация находит выход уже в реальную коммуникацию.

Интенсивность краткосрочного обучения обеспечивается использованием метода, адекватного цели, насыщенностью учебной программы, созданием благоприятных условий обучения и т.д. Обучение устной речи проходит при постоянном контакте с преподавателем. Как правило, самостоятельной работе отводится ограниченное время, т.к. предпочтение отдается большому количеству часов ежедневных аудиторных занятий. При организации обучения на подготовительном отделении общение преподавателя со студентами проходит таким образом, что, с одной стороны, оно протекает в рамках учебного процесса, а с другой – как бы вне его рамок. За счет этого происходит имитация языковой среды. Включение естественной коммуникации в структуру курса становится фактором интенсивности обучения, что создает возможность в сжатые сроки включить в обучение все стадии, необходимые для формирования речевых умений и навыков, ускоряется их развитие и повышается прочность.

Коммуникативная ориентированность обучения позволяет подчинить целям обучения оба типа общения преподавателя со студентами, решать не только конечные, но и промежуточные задачи курса путем создания управляемых речевых ситуаций в разных условиях.

Организация учебной коммуникации на занятии имеет две стороны:

1. Обеспечение коммуникативности учебного процесса и активизация речевых навыков и умений;
2. Насыщение учебной коммуникации речевым и языковым материалом и обеспечение усвоения этого материала.

Управление усвоением большого по объему речевого материала и контроль отработки речевых навыков и умений постоянно находятся в поле зрения преподавателя. Специально организованное учебное общение дает достаточный объем речевых ситуаций, которые отвечают реальным потребностям данного контингента учащихся.

В ситуации же общения вне занятий важную роль играет развитие в речи учащихся спонтанности, инициативности, способности переноса речевых навыков в новые речевые условия.

При рассмотрении вопроса организации устной коммуникации на подготовительном отделении также большое значение имеет и использование учебника, который является важным средством управления процессом обучения речевой деятельности. В методике краткосрочного обучения установка на введение большого по объему материала сочетается с принципом его уплотненности, при котором отказ от избыточного материала рассматривается как один из способов повышения эффективного короткого срока обучения. Исходя из этого, важным является тщательный отбор материала, необходимо обеспечить его повторяемость, достаточное количество комбинаций (учебник «Прогресс», издаваемый РУДН, придерживается этих требований). Учебник является важным средством управления и в том случае, когда предметом обучения является устная речь. Современный учебник содержит материалы, стимулирующие речевую деятельность учащихся на занятиях. Опосредованная подача материала из учебника преподавателем также является эффективным приемом коммуникативного обучения при овладении устной речью. Задания могут подаваться в форме естественного обращения к учащемуся, а тексты, предназначенные для восприятия на слух, могут подаваться в форме рассказа, что будет придавать этому определенную эмоциональную окраску и интонацию. Подавая материалы учебника в устной форме, преподаватель выступает как участник коммуникативного акта, а элементы неформального общения регулярно включаются им в структуру занятия. Коммуникативные задания могут моделировать речевое общение (ролевые игры). Организация учебной коммуникации проходит в двух плоскостях: заданности и незаданности общения, его условности и естественности.

Заданность речевого общения на занятии облегчает учащимся участие в коммуникации, а переход к незаданному общению предоставляет широкие возможности для самовыражения и ускоренного развития речевых умений. Такой прием облегчает переход от заданности к произвольности речевой коммуникации.

Заданность всегда характеризует устоявшиеся формы любого обучения. Управление коммуникацией осуществляется через соответствующее речевое

поведение преподавателя. Роль преподавателя как непосредственного участника коммуникации и как ее организатора оказывается весьма значимой для достижения конечных целей. Преподаватель сообщает информацию, подает реплику, соглашается или не соглашается с учащимся, и если все это делается целенаправленно, то это существенно помогает для развертывания коммуникации. Речевое поведение преподавателя должно стимулировать у учащихся потребность в общении.

Таким образом, речевая деятельность объединяется с учебной деятельностью. В процессе речевой деятельности происходит фиксация лексико-грамматических категорий, их повторение, коррекция ошибок. Но часто звучащая речь воспринимается неточно, поэтому целесообразно будет использовать и зрительный образ слова (таблицы, записи на доске и т.д.).

Выступая в качестве организатора учебной коммуникации, преподаватель должен внимательно относиться и к своей речи. Это очень важно и даже может рассматриваться как самостоятельная методическая проблема. Одним из методических приемов аудирования является чередование простой доступной для слушателей речи и сознательно усложненной или ускоренной, что может служить развитию речевой догадки, ориентации в обстановке, концентрации внимания и т.д. Неформальное же общение также может планироваться (обсуждение новостей, статей в газетах или журналах и т.д.).

Таким образом, регулярное переключение с формального общения на неформальное дает большой эффект, а использование таких ситуаций может рассматриваться и исследоваться как методическая проблема.

Н.А. Лаптева, И.А. Широких

COMPLEX SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN THE WORKS OF J. GALSWORTHY (ON THE BASIS OF THE NOVEL “THE MAN OF PROPERTY”)

(Altai State University, Russia)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности сложных синтаксических конструкций в романе Дж. Голсуорси «Собственник». Синтаксис романа подвергается анализу сквозь призму композиционно-речевых форм. Цель данной работы – исследовать зависимость сложных синтаксических конструкций от контаминации речи автора и речи персонажей. Особое внимание уделяется классификации сложных предложений, особенностям контекстуально-вариативного членения предложения, а также способам взаимодействия речи автора и речи персонажа. В ходе лингвистического анализа доказано, что сложность синтаксических конструкций предопределена сопряжением авторской и персонажной речи, то есть несобственно-прямой речью (термин предложен В.В. Волошиновым).

Результаты исследования имеют большое значение в сфере лингвистического анализа текста, структурного анализа предложения и, прежде всего, контаминации речи автора и речи персонажа.

Ключевые слова: сложные синтаксические конструкции, композиционно-речевые формы, речь автора, речь персонажа, несобственно-прямая речь.

Abstract: The article deals with the peculiarities of complex syntactic constructions in the novel “The Man of Property” by J. Galsworthy. The syntax of the novel is regarded in terms of the text design patterns. The paper is aimed to study the dependence of complex syntactic constructions on the contamination of the author’s and character’s speech. Much attention is given to the classification of complex sentences, peculiarities of context and variation division of sentences. Ways of interaction between the author’s and character’s speech becomes the main topic to investigate. It is proved that complexity of syntactic constructions is determined by the contamination of the author’s and character’s speech, i.e. by the free indirect speech (the term introduced by V.V. Voloshinov). The results of the research are of great importance to the linguistic sphere of text analysis, structural analysis of the sentence, and above all, the contamination of the author’s and characters’ speech. The latter one has not been studied properly, so far.

Keywords: complex syntactic constructions, text design patterns, author’s speech, characters’ speech, free indirect speech

As it is known, the originality of a great writer is the one and only tangible result of the artist's individual creative activity and a part of the national literary art. Reading John Galsworthy’s works in the original, we are often puzzled translating endless compound, complex and expanded (semi-composite) sentences. The purpose of this work is the following: the study of composite structures (complex constructions) in terms of the theory of text design patterns. The material under study is J. Galsworthy’s novel “The Man of Property”. This choice is predetermined by the fact that the novel is a work which belongs to the classical novels of the early twentieth century, the sample of classical literature, an example to follow. The main theme of the novel is the life story of the Forsyte clan – “a society in miniature” [Galsworthy, 1974, p. 31].

The study is based on the following theoretical foundations. According to their structure, the sentences are divided into simple (monopredicative constructions) and composite (polypredicative constructions), which are further subdivided into Complex (based on the subordination), and Compound (based on coordination). Clauses within the structure of a Composite sentence may be connected either with the help of formal markers (conjunctions and connectives: relative pronouns and adverbs – syndetically), or without any markers, i.e. asyndetically. Besides these pure types, there are also peripheral types containing the structures of secondary predication: Infinitival, Participial and Gerundial constructions, Absolute Participial Constructions, and the structures with the so-called double predicate. Such sentences with secondary predication establish relations of functional synonymy with the

corresponding clauses. These constructions are not absolutely synonymous, and their choice is determined by a various syntactic, semantic and pragmatic factors [Kozlova, 2005, pp. 147-148]. Semi-composite sentences are widely used both in everyday speech and in the language of literature. They reveal the principle of economy of language and they correspond best to the tendency of modern language to express more information within a unit of time and space.

People speaking English have at their disposal several tools for syntactic representation of events, and, depending on their communicative purpose, functional style, and other factors, the speaker / writer selects one or the other functional synonym. The novel "The Man of Property" abounds in complex syntactic structures, as evidenced by the following passage:

It was a fixed principle with him never to allude to June. She might take alarm, he didn't know what she might think; he hastened, therefore, to banish from his manner all traces of absorption, but in this he was about as successful as his father would have been, for he had inherited all old Jolyon's transparency in matters of domestic finesse; and young Mrs. Jolyon, busying herself over the affairs of the house, went about with tightened lips, stealing at him unfathomable looks [Galsworthy, 1974, p. 208].

Another theoretical aspect of this research is the theory of text design patterns. The essential feature of a literary text is "that it reflects the multiplicity of points of view which, in fact, corresponds to the plurality of standpoints, voices and attitudes in life itself" [Babenko, 2003, p. 167]. The statement belonged to Lotman appears to be relevant: "The problem of viewpoints introduces a dynamic element into the text. Each of the text's points of view claims to be the truth and strives to establish itself in the confrontation with the opposing ones. Thus, appeared the complex "polyphonic" structure of viewpoints, which forms the basis of modern artistic narration" [Lotman, 1970, p.335].

When summing up multiple points of view, one can single out the two most important, generalizing the rest in the text. These are the author's view and the characters' view, which respectively form the two basic text design patterns of narration - the author's speech and the characters' speech [Babenko, 2003, p. 48]. The characters' speech flow is heterogeneous: the characters say something, expressing their judgments in uttered dialogue speech; they think about something, without verbalizing their thoughts which are expressed in the literary work in the form of inner speech. Finally, alongside with the above-mentioned types, there is also contaminated, mixed narration, where both - the character and the author - are present. It is the so-called free indirect speech.

The author's "concept" signals (the term of Kukharensko V.A.) are classical text design patterns: description, narration proper and reasoning (argumentation), which are often defined as logical and verbal text universals [Babenko, 2003, p. 178].

The narration proper takes on the main narrative loading: it describes the developing actions and states, thus making the text actional, dynamic. Description marks the features of objects and subjects of actions and states, and therefore it is mostly static. Reasoning (argumentation) contains the information about the cause-

and-effect relationships between objects and actions taking place in the pre- and postcontext. It is also static.

Description inherently refers to the material, objective world, the man's world. In literary texts this is, first of all, the description of the macroworld surrounding the man - nature, place and location, space, objects and things, filling it. The man's microcosm is also described - his appearance, physical and emotional state. The literary text usually displays the integration when describing man's macro- and microcosm: the description of the external world of reality is related to the internal state of the prose work character or a poetic text speaker. Verbs of existence and state are typically used in description: *Over against the piano a man of bulk and stature was wearing two waistcoats on his wide chest, two waistcoats and a ruby pin, instead of a single satin waistcoat and diamond pin of more usual occasions, and his shaven, square old face, the colour of pale leather, with pale eyes, had its most dignified look, above his satin stock. This was Swithin Forsyte* [Galsworthy, 1974, pp. 30-31].

The extract presents a portrait of Swithin Forsyte. Nouns and adjectives qualifying them prevail in his portrait ("*shaven, square old face, the colour of pale leather*", "*pale eyes*", "*most dignified look*"). The author uses repetition to highlight specific portrait details ("*two waistcoats on his wide chest, two waistcoats and a ruby pin, instead of a single satin waistcoat and diamond pin of more usual occasions*"). Using these means the author emphasizes Swithin's passion for luxury and characterizes him as a personality. Moreover, in terms of structure, this example is a compound sentence complicated with homogeneous parts.

Narration is the main driving mechanism of the plot, as its universal feature is dynamism. The most common for narratives is the use of actional verbs in the past tense, conveying a sequence of events, their dynamics and narrative outline. Basic logical-semantic relations in narration are the time (temporal) sequence, the relationship of conditionality (causative-consecutive, conditional, purpose, etc.). In terms of formal grammar, narration is characterized by the use of coordination and subordination:

- 1) *Through spaces of the unfinished house, shirt-sleeved figures worked slowly, and sounds arose – spasmodic knockings, the scraping of metal, the sawing of wood, with the rumble of wheelbarrows along boards; now and again the foreman's dog, tethered by a string to an oaken beam, whimpered feebly, with a sound like the singing of a kettle.* [Galsworthy, 1974, p. 153].
- 2) *June had waited for her chance, scanning the duller columns of the journals, morning and evening, with an assiduity which at first puzzled old Jolyon; and when her chance came, she took it with all the promptitude and resolute tenacity of her character* [Galsworthy, 1974, p. 295].

It is narration that concentrates actional side of a literary work, distributes main elements of its plot, which in most cases is conveyed by verbal lexemes in the English language [Babenko, 2003, p. 68]. The linguistic material under study proves that. The author uses the past tense verb forms ("*figures worked...*", "*sounds arose...*", "*dog ... whimpered*", "*June had waited...*", "*chance came*", "*she took...*").

Reasoning as a text design pattern is characterized by detachment from the plot. Arguments slow the sequence of events in the text. In formal logic, reasoning is understood as a chain of thoughts, conclusions on any subject, outlined in a certain rather fixed sequence. The dominant type of logic-syntactical relationship in reasoning is causative. The arguments are usually timeless, global, general in nature. They are the mouthpiece author's ideas, expressing his perception of the world, embodied in the explanatory form of the author's speech. In the novel under study reasoning as the "mouthpiece of the author's ideas" (the term of L. Babenko) is practically not represented, as the author's speech tends to transform into free indirect speech: *All Forsytes, as generally admitted, have shells, like that extremely useful little animal which is made into Turkish delight; in other words, they are never seen, or if seen would not be recognized, without habitats, composed of circumstance, property, acquaintances, and wives which seem to move along with them in their passage through a world composed of thousands of other Forsytes with their habitats.* [Galsworthy, 1974, p. 106].

Characters' speech in a literary text is the main component in the structure of the character's image. The forms of verbal manifestation of the characters' images are diverse, and their choice is determined both subjectively – by the author's creative intent, and objectively – by the nature of the character. When studying the characters' voice, it is assumed, first of all, to distinguish between uttered and inner speech, as well as the actual speech forms of their manifestation. Depending on the ways of integrating in the text the following modifications of uttered speech can be distinguished: polylogue, dialogue, monologue, constructions with direct speech, constructions with reported speech, free indirect speech.

Alongside with the uttered speech the verbal part of the character can be realized through his/her inner speech. This type of speech is used in a literary work primarily for psychological analysis of the character's inner world, to describe his intellectual and emotional world, the state of the mind, heart and soul. Kuharenko V.A. proposed the following typology of inner speech: stream of consciousness, interior monologue, internal reflections, short insets of interior speech [Kuharenko, 1974, p. 73].

Interior monologue reflects on any problems, often difficult, insoluble. Its contents can be drawn both to the past, which is evaluated, analyzed, and to the future, to something dreamt about, presupposed and planned. First of all, it should be noted that interior monologue in its classical form is missing in the Forsyte cycle: expanded on several paragraphs or even pages displaying a detailed analysis of the characters' emotional state or any phenomenon of reality. J. Galsworthy does not often use interior monologue when describing the nature of his characters. In these cases, the interior monologue is always distinct, concise and logically consistent, extremely brief and reflects the specific thinking of a character (*She had come back then of her own accord, to the cage she had pined to be free of – and taking in all the tremendous significance of this, he longed to cry: "Take your hated body, that I love, out of my house! Take away that pitiful white face, so cruel and soft – before I crush it. Get out of my sight; never let me see you again!"*) [Galsworthy, 1974, p. 314]

Internal reflections signal a discord in the inner world of the character, doubt settled there, the fight of good and evil, the emotional and the rational, mind and heart. The signal of inner world disharmony is "consciousness dialogization" [Bakhtin, 1975, p. 76]. This is reflected on the lexical and grammatical level of internal reflections, characterized by frequent use of the appraisive vocabulary, interrogative, regulatory syntactic constructions, aphetic utterances. The following example illustrates this foundation: *And suddenly it shot through his mind, like a sick man's fancy: What's he doing? – that fellow who haunts me, who was here this evening, who's in love with my wife – prowling out there, perhaps, looking for her as I know he was looking for her this afternoon; watching my house now, for all I can tell!* [Galsworthy, 1974, p. 219].

The function of "short insets of interior speech" is to fix the instant emotive reaction of the character to the events of the external world. Internal reaction is separated by brackets, dashes, point from the dialogue or author's speech that even visually isolates it from the communicative orientation of the text. Reflecting the character's emotional perception of events, short insets of interior speech have emotionally and / or stylistically marked words (*June stood in front, fending off this idle curiosity – a little bit of a thing, as somebody once said, "all hair and spirit", with fearless blue eyes, a firm jaw, and a bright colour, whose face and body seemed too slender for her crown of red-gold hair* [Galsworthy, 1974, pp. 34-35]).

A special place is held by free indirect speech. According to A.M. Gavriilyuk, creating and representing the images in the novel "The Man of Property" J. Galsworthy uses mostly free indirect speech, and text fragments with complex syntactic structures contain exactly this type of speech. The term was introduced in the 1920s by V.V. Voloshinov in the book "Marxism and the philosophy of language". The peculiarity of this type of speech is contamination of the author's and characters' voices, or following V.V. Vinogradov, "speech gliding in different subjective spheres" [Vinogradov, 1971, p. 132]. The voice of the character dominates, although the signals of his speech presence are always inferior to the number of the author's text and can be reduced to one or two character's quotation words or a colloquial phrase.

In the presence of significant differences in the classification of types of free indirect speech and defining its place in the 19-20th centuries prose all researchers agree that its main feature is reflecting the situation from the inside, from the standpoint of the person experiencing it directly. Thus, its linguistic expression is a fusion of the characters' and the author's voices. Contamination is found in overlapping of features of character's direct speech and the author's speech. In terms of expression the text is designed as a cohesive author's description. The author's text usually dominates quantitatively. The signals of the character's speech are intonation change, the emergence of expressive syntax, including those characteristic of uttered speech: detached and phraseologized. These structures reveal the character's inner feelings, they are the way of describing him from the inside, from the evaluative point of view of the character himself.

John Galsworthy is known as the master of inner speech [Shirokikh, 2014, p. 80] and the language material under study confirms this point. When creating and describing characters J. Galsworthy mainly uses free indirect speech. Retaining the emotional colouring and the character's speech style, it at the same time enables to reduce, minimize internal and external speech, thus helping to highlight only the most important things that reveal the nature of the character. The novel displays contamination of the author's and the characters' voices in the various text passages:

The perfect luxury of his latter days had embedded him like a fly in sugar; and his mind, where very little took place from morning till night, was the junction of two curiously opposite emotions, a lingering and sturdy satisfaction that he had made his own way and his own fortune, and a sense that a man of his distinction should never have been allowed to soil his mind with work [Galsworthy, 1974, p. 61].

This is the author's characteristic description of Swithin Forsythe, and the world perception of the character himself. The author's irony is expressed at the beginning of the sentence by using the comparison – "*like a fly in sugar*", there is the description of the character's personality, which is a fusion of his speech and the speech of the author, which leads to the complication of the sentence structure and increase of its length. The author uses coordination and subordination, as well as complicating the structure by means of homogeneous parts.

Of great interest are brief inward remarks, that is "short insets of interior speech." In this case free indirect speech and lines (conversational turns) often alternate, performing the function of character's instant emotive reaction to the events of the external world. Sometimes just embedded in the narrator's speech, it is barely noticeable as it inadvertently strengthens the lyrical tone, disposing the reader to the intense empathy: *It would not do, as he kept repeating to himself whenever he felt the impulse to join the gossips in the bay window getting too strong for him – it absolutely would not do, with finances as low as his, and "the old man" (James) rusty ever since that business over the oil shares, which was no fault of his, to risk a row with Winifred* [Galsworthy, 1974, p. 183].

In terms of expression this complex syntactic structure represents the author's speech, but the character's voice is quantitatively prevalent, as evidenced by the author's remark "*as he kept repeating to himself*", repetition "*It would not do*", inset "*the old man*", and expressive units "*rusty*", "*to risk a row*", characteristic of Darty. The use of coordination and subordination, Infinitival and Participial structures allows the author to connect heterogeneous phenomena and to increase the length of the sentence.

The novel under study displays such "pure" forms of free indirect speech, where the author is inseparable from the character. They are to be found in the pictures of the inner life of Old Jolyon and his son, whose views are similar to those of J. Galsworthy: *The man was unusual, not eccentric, but unusual; he looked worn, too, haggard, hollow in the cheeks beneath those broad, high cheekbones, though without any appearance of ill-health, for he was strongly built, with curly hair that seemed to show all the vitality of a fine constitution* [Galsworthy, 1974, p. 209].

Bosinney's portrait is created with colors that are often used by the author, and can be attributed to him. But it appears in the form of free indirect speech as Young Jolyon's impression. Using coordination and subordination, as well as complication by homogeneous parts, thus extending the sentence, the author at the same time manages to give a portrait of Bosinney through the perception of Young Jolyon. Most frequently description of the novel's characters, in particular the "Non-Forsytes" is given to us from the outside, through the perception of the Forsytes.

The analysis of the language material to explore the implementation of the text design patterns has shown that there have been examples of "pure" text design patterns, as well as the contamination of the author's speech and the character's speech. The language material has demonstrated that the leading role in describing the inner world of both major and minor characters of the novel "The Man of Property" is taken by free indirect speech. This confirms our hypothesis that the complexity of syntactic constructions depends on the contamination of the author's speech and the speech of the character.

References

1. Babenko L.G. Linguistic Analysis of the Literary Text. Theory and Practice. / L.G.Babenko, Y.V. Kazarin. Moscow, 2003.
2. Bakhtin M.M. Questions of Literature and Aesthetics. Moscow, 1975.
3. Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. Moscow, 2000.
4. Dubashinsky I.A. "The Forsyte Saga" by John Galsworthy. Moscow, 1979.
5. Galsworthy J. The Man of Property. Moscow, 1974.
6. Kozlova L.A. Theoretical Grammar of the English Language. Barnaul, 2005.
7. Kukharenko V.A. Stylistic Organization of Literary Prose // Text Linguistics. Moscow, 1974.
8. Lotman Y.M. The Structure of the Literary Text. Moscow, 1970.
9. Nowotny W. The Language Poets Use. London, 1962.
10. Shirokikh I.A. The Existential Sentence Pattern Implementation. Barnaul, 2014.
11. Tugusheva M.P. The Forsyte Saga // John Galsworthy. Moscow, 2000.
12. Vinogradov V.V. On the Theory of Literary Speech. Moscow, 1971.

В.Е. Леденева, Е.А. Савочкина

INTERACTIVE ONLINE-COMICS: VERTICAL CONTEXT

(Altai State University, Russia)

Аннотация: Данная статья рассматривает онлайн-комикс в рамках теории вертикального контекста. Материалом исследования послужил англоязычный веб-комикс «Homestuck», представляющий собой особый вид дискурса со сложной семиотической структурой. Авторами выделены основные признаки

онлайн-комикса и рассмотрена проекция на них элементов вертикального контекста.

Ключевые слова: веб-комикс, вертикальный контекст, фоновые знания, мультимодальный дискурс, уровни восприятия, уровни семиотизации.

Abstract: The article deals with the online-comic as a part of the vertical context theory. The material for the study is the web-comic “Homestuck” in English presented as a kind of discourse with complex semiotic structure. The authors highlight the main features of online-comics and project the vertical context elements on them.

Key words: web-comics, vertical context, background knowledge, multimodal discourse, levels of perception, levels of semiotization.

Vast development of electronics and cybernetics in the second half of the 20th century gave the humanity the opportunity to change the information interchange format. By the means of cyberspace there appeared a lot of new communication genres some of which have previously existed in a paper form and now just moved to the Internet. One of such genres is the online-comic.

The comic [МакКлауд, 1992] can be defined as the series of pictures illustrating some idea. Usually the pictures in the comic are accompanied by the text of character’s speech, author’s speech or just sound effects. Comics can be of any literary genre and of any drawing style. Even classic literature can be adapted to the comic’s form. For example, “The Brothers Karamazov” written by F.M. Dostoyevsky and adopted to the comic by Kasuki Maruo; “Crime and Punishment” with the pictures drawn by A. Korks and the text adapted by D. Mayrovetz. As a rule, big literary works (novels and tales) are transformed into comics with the conceptualization on the three levels and with pictures accompanied by text. But the most popular comic genres are the adventures and the cartoons.

The formal feature of the online-comic is its Internet existence. Usually comics of this genre are created and developed according to the specifics of the publication. A lot of web-comics are published only online although some of them may be published in printed form but they would still have the online archive for the commercial or artistic use.

The comic combines verbal and nonverbal (pictures) means of communication. As for the online comic there are even more nonverbal means like the design of the site where the comic is published. It helps to create the special atmosphere. The means used by “Homestuck” are even more numerous: it uses not only pictures and the special design of site which can change to fit the story and even become the part of it, but also melodies, flash- and GIF-animation and special text design (the color, the way the dialogs and parts of the narrative are presented and the use of the animation).

The genre of online-comic is closely associated with the readers’ audience: new updates are discussed on the forums; the authors may find new ideas for the plot and learn about their mistakes there. Web-comic is created in the computer network and it

exists there. Web-comic is the set of texts created by means of several semiotic resources and characterized by blurred boundaries between the author, the reader and texts. It is not restricted in time and space. The main features [Урусиков, 2004] of the web-comic (online-comic) are 1) fragmentarity; 2) hypertextuality; 3) interactivity (the text's ability of text to represent the "mosaic of citation". Every text is understood as the "absorption and transformation of another text" [Кристева, 2004, с. 167]).

There are features of the multimodal discourse theory in online-comic. Multimodal discourse is the discourse with complicated semiotic structure which has in its formation of content and potential interrelating semiotic system codes. Those codes combine into the whole in the recipient's understanding [Философия, 2004]. Multimodality is formed by several modes (semiotic means) used to convey the meaning. Every system within the culture (speech, colour, gesticulation, etc.) can be a mode. The levels of semantization are based on the modes which make a comic.

According to M. Halliday [Halliday, 1978] there are three levels of semantization (or, in other words, conceptualization of the semantic space of text): 1) graphics and other non-verbal means; 2) language mode; 3) the author's attitude (implicit or explicit).

The reader's or the Internet user's understanding of comic is based on those levels, from the lowest to the highest level: the lowest is the perception of the images, on this perception level the reader sometimes even refuses to read the text accompanying the images; the text reading and combining new meanings with the image; understanding of the author's attitude (implicit or explicit) towards his work.

The concept of comic is related to the concept of vertical context which appeared in the 1970s and was usually applied to the literary texts analyses. "Vertical context is a belonging of the text unit" [Гюббенет, 2010, с. 7]). Vertical context is "the information of the historical and philological quality which objectively exists in the ... text." («информацию историко-филологического характера, объективно заложенную в конкретном ... произведении» [Ахманова, Гюббенет, 1977, с. 47].)

The term "vertical context" was proposed by O.S. Akhmanova and I.V. Gubbenet in the second half of the previous century.

According to I.V. Gubbenet, there are two main types of the vertical context: 1) philological (quotations, allusions, idioms); 2) social and historical (culture-specific terms, proper names, place names).

She also says about the global vertical context which is "the social pattern in general, every concept and representation, the ideas of the social stratum representation which is the subject matter; the knowledge about them is necessary for the works of any research school to be understood by the readers worldwide and in any time" [Гюббенет, 2010, с. 39]). The global vertical context is opposed to the individual vertical context.

There are several methods to introduce the vertical context to the text: 1) the author gives detailed information about the source; 2) characters of the literary work introduce such information to the reader; 3) there are given intentionally wrong

references to the source to create humorous effect; 4) famous qu anonymous ones or as proverbs and sayings; 5) vertical cont graphical symbols and as a result the words of author and the qu author comments the text; 7) the quotation is changed and the re are mixed; 8) comparisons (an element from the borrowing tex element of the source text so that the reader if he has enough knowledge gets the better understanding of the text) [Грюббенет,

For better identification and understanding of the informativ means of vertical context, which is the allusion instrument, the enough of the background knowledge.

Elements of vertical context in the comic can be introduc visual representation (talking about the web-comic it can be : music) and the character’s speech or the author’s text.

The theories introduced previously can be applied “Homestuck”.

Pic. 1 The screenshots of the “Homestuck” comic the names of them are on the screenshots

On the pages above the character named John Egbert puts favorite movie “Con Air” with Nicholas Cage on the lead, w impact on him. There can be easily identified the plush bunny the comic’s plot, is the very same bunny from the movie. It was

the new lease of life and now it can be easily identified and quoted again and again even by people who haven't seen the original movie. But they do clearly understand the origin of the phrase.

Due to all those details relating to vertical context this humorous scene from the comic is clear to every reader even if he doesn't know about the quotation origin ("Con Air" movie). If the comic is translated to another language, this fact remains the same because the comic itself clearly explains the scene using it not only for the humorous effect: it also influences the plot of the comic (the bunny will be transformed many times. It will take part in many adventures and eventually there would be eight versions of the bunny which influence the plot, each in its own way).

On the other hand, "Con Air", like many other second-rate action movies, is typical of that time the nostalgia for which the author pulls on. Created in the 1997 the film is familiar to everyone who was a child or a teenager in the 1990s. The people in those first life stages are easier to impress and the B-rated movies like these could have great impact only on them. A movie like this can be identified as some sort of the specific feature of the 1990s. Thus through this movie allusion the author refers the reader to the specific decade.

This kind of the vertical context can be described as the global one because it makes references to the generally known facts which have meaning for the global social stratum (children and teenagers who lived in the 1990s). The references to the 90es' cultural-specific concepts which somehow had such a great meaning in the childhood are the characteristic feature of the comic which makes it interesting for all readers who was young in the 1990s.

The next screenshot from the comic shows how the vertical context can be implemented mostly through the decorations without direct quotation from the text.

Pic. 2 The screenshot of the "Homestuck" comic page (the picture is animated in the comic: the big green character named Cans breaks through the wall and its shatters hang in the air).

In this episode the author quotes American advertisement of the soft drink “Kool-aid” which the famous in the 1990s. The plot of the advertisement is the following: children ride skateboards. After they feel hot and get thirsty children call for Kool-Aid (an anthropomorphous jug with drink). It runs through the fence and while people passing by are taken back by its appearance the jug hurries to give children drinks.

Like the main character in the advertisement, the comic character in this scene breaks through the wall but there are no good intentions in his mind. The scene is a part of the comic episode about conflict between gangs (“The Felt” and “The Midnight Crew”) drawn in noir style. The author again ironically cites the popular plot from the 1990s but in this case the vertical context element is national because nobody but Americans had seen the advertisement. The reference can be recognized only through the author’s remark. It is noticeable that author cited this advertisement in his previous comic (“Problem Sleuth”) too and under the frame was the link to the advertisement video. Thus people who had read the “Problem Sleuth” would easier recognize the reference in another comic. But people, who are not Americans, have forgotten the 90es or were not born at that time and did not read the “Problem Sleuth” would find it difficult to understand the reference. Even the author’s text describing the picture does not give clear reference to the source. So it is possible to say that this vertical context element does not match the background knowledge of the majority who are not familiar with American mass culture of the 1990s.

There are also plain textual references in the comic which like many others are ironically introduced to the comic plot.

A bright orange flame flickers in the FIREPLACE. It doesn't matter that it's April and not terribly chilly outside. In a home, a FIREPLACE needs a fire, because that's what FIREPLACE is for. A fire BELONGS in a FIREPLACE, dammit. cata(ptcha)gorically, at all times, without exception.

As domestic myth of unaccountable origin holds, a home borrows the spirit of the flame for as long as it makes a guest of it, much as the moon takes liberty with the sun's rays.

"The moon's an arrant thief, and her pale fire she snatches from the sun."
-Mark Twain

You are almost certain Mark Twain said that.

Pic. 3 The screenshot of the “Homestuck” comic page

There is the quotation in the end of the author's text ("moon's an arrant thief, and her pale fire she snatches from the sun") which John thinks belongs to Mark Twain. In fact, it belongs to William Shakespeare (the play "Timon of Athens"). Despite the fact that Shakespeare is one of the most cited authors in the world, especially in the English-language literature, not all the readers can recognize that the authorship reference is wrong. It is likely to be another author's ironical joke where he makes fun of his readers and even whole stratum of the Internet users (each of "Homestuck" characters embodies some traits typical of the different Internet users groups). The author makes fun of modern teenagers who read not that much and also of people who believe every word written in the Internet without checking it which would be quite easy in the case mentioned above.

Quotation as the vertical context element is introduced through the intentionally wrong reference to the source in order to create humorous effect. This is exactly what is described in the third point of Gubbenet's classification of methods to introduce the vertical context. In this case the vertical context element is global because Shakespeare is the world famous literature classic and his works are translated into a lot of languages and famous worldwide.

In summary, it is possible to say that there are vertical context elements on different semiotic levels in the "Homestuck" web-comic: on the verbal level, on the non-verbal level and on the author modality level.

Numerous and various vertical context elements in the comic are introduced on many semiotic levels. There are 1) intentionally false references to the source; 2) famous quotations; 3) pictures; 4) comparisons and etc. For the keen understanding of the comic the reader should pay special attention to the vertical context elements which are not always easy to identify for the lack of background knowledge. So it may be concluded that further study of the vertical context elements and of intertextuality is necessary for the keen understanding of the comics, especially of the web ones. The results described in the article may be used to develop the research methods for the web-comics like "Homestuck" characterized by nonlinear structure and use of many verbal and non-verbal elements of structure.

References

1. Ахманова О.С., Губбенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. № 3. 1977. С. 47–54.
2. Губбенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М., 1981.
3. Губбенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. Москва, 2010.
4. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. М., 2004.
5. МакКлауд С. Понимание комикса / перев. М. Заславский, В. Саханов, А. Артамошин. М., 1992.

6. Урусиков Д.С. Эволюция жанра “Interactive Fiction”: от нелинейного романа к текстовому квесту // Жанрологический сборник. Выпуск 1. Елец, 2004. С. 132-138.
7. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.
8. Halliday M. Language as social semiotic. The social interpretation of language and meaning. London, 1978.
9. Mspaintadventures.вики [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ru.mspaintadventures.wikia.com> по состоянию на 16. 01. 2015

Т.А. Литвинова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ СУИЦИДЕНТОВ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ⁵

(Воронежский государственный педагогический университет, Россия)

Аннотация: Одним из источников материала для психиатрической лингвистики выступают художественные тексты, созданные писателями и поэтами, страдавшими теми или иными психическими заболеваниями. Показано, что ценнейшим материалом для исследований особенностей патологических текстов являются также художественные тексты лиц, совершивших законченный суицид. В мировой науке активно изучаются такие тексты, в том числе переводные тексты русских писателей и поэтов. Автор обосновывает необходимость изучения оригинальных русскоязычных художественных текстов лиц, совершивших законченный суицид, с применением методов компьютерной и квантитативной лингвистики.

Ключевые слова: психиатрическая лингвистика, диагностирование личности по тексту, квантитативная лингвистика, художественный текст, корпусы текстов, суицид.

Abstract: Literary texts by writers and poets suffering from particular mental disorders are one of the sources of materials for psychiatric linguistics. Literary texts by suicidal individuals are shown to be of great significance in studying the features of pathological texts. These texts as well as translations of those by Russian writers and poets are being investigated by scientists around the globe. The authors argues it is necessary to study original Russian texts by suicidal individuals using the methods of quantitative and computer linguistics.

Key words: psychiatric linguistics, author personality profiling, quantitative linguistics, literary text, text corpora, suicide.

---

⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № МК-4633.2016.6 «Диагностирование склонности личности к суицидальному поведению на основе анализа ее речевой продукции».

Психиатрическая лингвистика – раздел лингвистики, объектом изучения которого выступают патологические тексты, то есть такие устные и письменные тексты, которые получены от больных, страдающих психическими заболеваниями [Пашковский, Пиотровская, Пиотровский, 2009]. Уникальным источником патологических текстов выступают художественные тексты писателей и поэтов, страдающих теми или иными психическими заболеваниями. Такие тексты, как правило, достаточно большого объема, находятся в свободном доступе, оцифрованы, и их анализ с применением современных методов автоматической обработки текстов вкупе с последующей математической обработкой данных может дать ценную информацию об особенностях патологических текстов. Кроме того, такого рода художественные тексты представляют собой практически единственный доступный для ученых источник для исследований динамики изменения идиостиля по мере прогрессирования психического заболевания. Полученные в ходе подобного анализа данные об особенностях (и прежде всего формально-грамматических) речевой продукции лиц с теми или иными расстройствами психики могут лечь в основу эффективных психодиагностических инструментов.

Одним из первых обратил внимание на возможность анализа художественного текста в указанном аспекте Р. Якобсон, который сделал объектом своего анализа творчество немецкого поэта Гёльдерлина, в зрелом возрасте страдавшего шизофренией. Исследователь установил, что стихи, написанные поэтом после начала болезни, существенно отличаются от его предшествующего творчества по своим языковым особенностям: «В тяжело больном поэте нашла себе максимальное проявление утрата способности и воли к диалогической речи, и характернейший признак этой утраты – полное исчезновение «шифтеров», в частности грамматических лиц и времен. Я убежден, что эта первая рекогносцировка должна положить начало последовательным лингвистическим разысканиям о психопатологической речи и поэзии и что такие сравнительные изыскания, в частности, необходимы для всестороннего понимания языка в роли инструмента взаимной коммуникации и личного познания» [Jakobson, Pomorska, 1980, p. 132].

К патологическим текстам также могут быть отнесены тексты лиц, совершивших законченный суицид. Анализ таких текстов, в том числе в динамике, может выявить предикторы суицидального поведения. Проблема диагностирования склонности личности к суицидальному поведению на основе анализа ее речевой продукции является важной научной проблемой, далекой от своего решения [Литвинова и др., 2015]. Между тем указанная проблема имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Более 800 000 человек умирают ежегодно вследствие суицида [Pestian et al., 2010], при этом, по имеющимся данным, только 30 % совершивших суицид ранее сообщали о своих намерениях [Там же]. Следовательно, существует объективная потребность в разработке методик, направленных на выявление лиц, склонных к суицидальному поведению, и предотвращение суицида, в том числе путем

анализа письменной речевой продукции суицидентов. Наиболее часто анализируются языковые особенности текстов предсмертных записок [Handelman, 2007]. Создаются корпуса текстов этого жанра на разных языках (см. подробный обзор в работе [Marcinićzuk, Zaśko-Zielińska, Piasecki, 2011]) и с применением современных методов компьютерной лингвистики и математической статистики анализируются их формально-грамматические характеристики (средняя длина предложений, доля слов разных частей речи и т. п.) и содержательный уровень (доля слов, обозначающих положительные и отрицательные эмоции; слов, указывающих на время, место и т. д.) [Pestian et al., 2010]. Предпринимаются попытки создать математические модели, разграничивающие настоящие и поддельные тексты этого жанра на основе количественных параметров текста [Jones, Bennell, 2007, p. 219].

Несмотря на бесспорную важность изучения предсмертных записок, они, вследствие малого объема, не дают возможности изучить в полной мере особенности речевой продукции суицидентов. Следовательно, необходим анализ текстов разных жанров, созданных лицами, впоследствии совершившими суицид, в сравнении с текстами лиц, не совершавших суицид (с учетом жанра текста, демографических и др. характеристик автора), в том числе в динамике с целью выявления изменений в идиостиле по мере приближения трагической развязки. Такого рода работы немногочисленны, что во многом объясняется трудностями, связанными с подготовкой исследовательских корпусов текстов. В качестве материала исследования в большинстве работ и выступают художественные тексты лиц, совершивших суицид.

В проанализированных нами работах отмечается, в частности, что качественные методы анализа текстов суицидентов, используемые психологами и психиатрами, с необходимостью должны быть дополнены количественными методами анализа, основанными на использовании компьютерных программ. Так, в работе [Stirman, Pennebaker, 2001] с использованием программы LIWC, позволяющей вычислять в тексте доли в тексте слов разных частей речи, тем или тематических групп лексики и т. д., было выявлено, что в поэтических текстах суицидентов, созданных в разные периоды, чаще по сравнению с текстами контрольной группой используется местоимений «я». С течением времени в текстах суицидентов наблюдалось уменьшение доли местоимений «мы», доли глаголов, связанных с разными видами взаимодействия (e.g., talk, share, listen), но не наблюдалось, вопреки ожиданиям, увеличения доли слов, обозначающих отрицательные эмоции (по этому параметру статистически значимых различий между суицидентами и контрольной группой выявлено не было). Авторы считают, что их результаты подтверждают одну из психологических теорий суицидогенеза, связывающих суицидальное поведение с возрастающей разобщенностью с другими людьми.

Исследование, материалом которого послужили около 300 поэтических текстов 9 американских и русских поэтов – суицидентов и 9 поэтов, не совершавших суицид, получило широкое освещение в зарубежной прессе, хотя

его методология вызывает ряд вопросов, в частности, к его недостаткам следует отнести то, что в исследовании анализировались не оригинальные русские тексты, а их переводы на английский язык, хотя известно, что языковая личность переводчика оказывает значительное влияние на языковые особенности переводного текста.

Очевидно, что необходим анализ оригинальных русскоязычных текстов писателей и поэтов, совершивших законченный суицид, и выявление их языковых особенностей в сравнении с текстами контрольной группы, причем как в статике, так и в динамике, с учетом современных концепций суицидогенеза, и сравнение данных с результатами, полученными на англоязычном материале. Подобный анализ должен с необходимостью опираться на существующие методы автоматической обработки текстов на русском языке, а также статистические методы обработки данных [Литвинова, Литвинова, 2015], что позволит в итоге построить математические модели, различающие тексты лиц, совершивших суицид, и тексты лиц контрольной группы.

Литература

1. Литвинова Т.А., Литвинова О.А. Идентификация и диагностирование личности автора письменного текста. Воронеж, 2015.
2. Литвинова Т.А., Середин П.В., Литвинова О.А., Загоровская О.В., Сердюк М.Е. Диагностирование склонности автора письменного текста к аутоагрессивному поведению // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 98-104.
3. Пашковский В., Пиотровская В., Пиотровский Р. Психиатрическая лингвистика. 2-е изд. М., 2009.
4. Handelman L. D., Lester D. The Content of Suicide Notes from Attempters and Completers // Crisis. 2007. N 28. P. 102-104.
5. Jakobson R., Pomorska K. Dialogues. Cambridge, 1980.
6. Jones N., Bennell C., The Development and Validation of Statistical Prediction Rules for Discriminating Between Genuine and Simulated Suicide Notes // Archives of Suicide Research: official journal of the International Academy for Suicide Research. 2007. N 11(2). P. 219-33.
7. Marcińczuk M., Zaśko-Zielińska M., Piasecki M. Structure Annotation in the Polish Corpus of Suicide Notes. In Text, Speech and Dialogue // Lecture Notes in Computer Science. 2011. N 6836. P. 419-426.
8. Pestian J. et al. Suicide Note Classification Using Natural Language Processing: A Content Analysis // Biomed Inform Insights. 2010. N 3. P. 19-28.
9. Stirman S. W., Pennebaker J. W. Word Use in the Poetry of Suicidal and Non-Suicidal Poets // Psychosom Med. 2001. N 63(4). P. 517-522.

ОЛЬФАКЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

(Алтайский государственный университет, Россия)

Аннотация: В статье рассматривается одна из составляющих невербальной коммуникации – ольфакция. В разных культурах ольфакторная коммуникация приобретает знаковый характер и становится культурным кодом.

Ключевые слова: ольфакция, ольфакторная коммуникация, невербальная коммуникация, культурный код.

Abstract: The article dwells on one component of nonverbal communication – olfaction. In different cultures olfactory communication acquires specific cultural meaning and becomes a cultural code.

Key words: olfaction, olfactory communication, nonverbal communication, cultural code.

Невербальная коммуникация является одной из важнейших областей функционирования знаков и знаковой информации. Она занимает значительное место в жизни отдельного человека и общества в целом. Подчеркивая важность невербальной коммуникации, кто-то заметил “Words may be what men use when all else fails”, что означает «слова, может быть, это то, чем пользуются люди, когда все остальные средства общения оказались безуспешными» (букв. когда остальное терпит неудачу).

К невербальной коммуникации традиционно относят паралингвистику, кинеснику, проксемику, хронемнику, окулесику, гаптику, гастику, аускультацию, ольфакцию и т.д.

Ольфакция (olfaction < L. olfactus = причастие от глагола olfacere = «пахнуть») – это наука о языке запахов, смыслах, передаваемых с помощью запахов и роли запахов в коммуникации. В романе П. Зюскинда «Парфюмер» утверждается: кто владеет запахами, тот владеет сердцами людей. О запахах и их роли в жизни человека известно давно, но исследования в этой области, в частности, в применении к межкультурной коммуникации, начались лишь в конце 20 века [Ароматы и запахи..., 2008; 2010; Бутковская, 2004]. Этот аспект межкультурной коммуникации привлекает внимание биологов, медиков, психологов, культурологов, этнологов, социологов, антропологов, лингвистов и др. В научный обиход входят такие термины, как ольфакторное восприятие, ольфакторная культура, ольфакторная идентичность, ольфакторная самопрезентация и т.д. В Филадельфии (США) работает центр изучения запахов и вкуса – Monell Chemical Senses Center.

Древние люди относились к запахам и ароматам с большим уважением. При археологических раскопках найдены ароматические вещества, которые были приготовлены 5 тысяч лет назад. В Древних Афинах любая красавица знала,

что руки должны пахнуть мятой, а лицо – пальмовым маслом. Изнеженные патриции гордого Рима буквально купались в благовониях, они опрыскивали ими не только свою одежду, но даже улицы, по которым должен был проехать император.

В Средние века отношение к запаху, да и к гигиене было иным. Города Средневековья погибали среди отбросов и сточных канав, даже короли были вымыты дважды: при рождении и перед погребением. Женщины не ведали даже примитивной гигиены, и чтобы заглушить неприятный запах, окружали себя сильно пахнущими духами. Алхимики искали не только «секреты» золота и фарфора, но составляли остро пахнущие мастики и эссенции, не боясь смешивать воедино мочу младенцев с настойкой из лепестков герани, а порошок истолченных болотных жаб перемешивали с цветами индийских пачулей.

Использовались благовония и как антисептическое средство. В Таиланде таким способом боролись с простудой. В Индии лечили проказу, ожоги, мозоли. В древних культурах ароматические вещества использовались в процессе отправления религиозного культа. Запахи, являющиеся атрибутом богослужения (ладан, мирра), являются символами возвышения духа и очищения души, символами божественного.

Обоняние – самое интимное из человеческих чувств, но очень запоминающееся (как говорил известный американский комик Джимми Дуранте “The nose knows”). Запах помогает хранить воспоминания надежнее, чем слух или зрение. Человек способен распознавать больше оттенков запахов, чем звуков. Однако за многие века люди выделили шесть основных запахов: цветочный, фруктовый, пряный, зловонный, смолистый и запах гари. Они знакомы каждому человеку и вызывают ответную вербальную или невербальную реакцию. По характеру же влияния человека специалисты разделили запахи на пять групп: освежающие или успокаивающие, стимулирующие положительные эмоции, притупляющие восприятие, вызывающие отвращение, вызывающие состояние нервной возбудимости.

Запах может выступать как семиотический знак.

Ольфакторное обозначение и символизация социального статуса человека может быть обозначена с помощью запаха. В западных культурах существуют запахи богатства и бедности, города и села, профессиональные, половозрастные, маргинальные и др. По запаху различают социальный верх и низ. Так, например, мы по запаху безошибочно определяем статус магазина: атмосфера торговли в престижных магазинах пропитана запахом дорогих духов и ароматизаторов. Запах дорогих сигар или сигарет, смешанный с дорогим парфюмом, является символом благосостояния человека. Запах социальных низов связан с запахом мочи, фекалий, пота, нечистой одежды, перегара.

Обозначение и символизация социокультурной ситуации может происходить через запахи. Так, например, после освобождения заложников «Норд-Оста» в интервью одного из бойцов спецподразделения прозвучало: «Когда мы ворвались в зал, мы почувствовали запах человеческой беды».

Полицейские по запаху безошибочно идентифицируют притон воров или наркоманов.

Запах является знаком пола и возраста. Во многих культурах запах женщины безусловно приятен и притягателен и определяется основами сексуальной культуры. Младенец пахнет приятно, а старые люди нет.

Запахи, порождающие положительные или отрицательные эмоции, могут выступать в качестве эмоционально-ситуативных знаков. Люди воспринимают запахи субъективно как приятные и неприятные. Ассоциативно определенный запах может быть связан с той или иной ситуацией в личной жизни. Это могут быть воспоминания о эмоционально окрашенных впечатлениях, о праздниках, встречах с различными людьми, о жизненных эпизодах, которые означаются как включенные в культуру. В таких случаях происходит субъективная символизация этапов и значимых событий в виде запаха (например, запах больницы и болезни – это запах нашатыря и лекарств; запах праздника – Новый год пахнет мандаринами и елкой; запах близкого человека – запах бензина ассоциируется с отцом-шофером, запах типографии, где работала мать; запах пирогов, которые пекла на праздники бабушка и др.).

Известно, что запахи играют огромную роль в межкультурной коммуникации: они могут быть как благоприятным фактором, так и препятствием в межкультурном общении. Когда человек оказывается в инокультурной среде или общается с представителями «иной» культуры, он не только обращает внимание на существование «чужих» запахов, которыми пропитана эта культура, но и осознает и оценивает их в сопоставлении со своими родными и привычными.

У каждой культуры существуют свои специфические запахи, которые являются доминантными для носителей этой культуры и выступают в качестве ее опознавательных знаков. В картине мира каждой культуры отмечаются запахи природы (растений, животных, моря, гор, степей и т.д.), естественные и привнесенные запахи человека (парфюмерные ароматы, ритуальные умащивания и т.д.), а также запахи национальной кухни.

Так, например, индийская гастрономия чрезвычайно тонко различает все разновидности и оттенки вкуса и запаха, что не покажется удивительным, если учесть ее длительный опыт использования ароматических трав и специй. Что нам кажется вкусным и приятно пахнет, определяется часто нашей культурой. Эскимосы, подобно многим европейским народам, предпочитают мясо другим видам пищи, однако не всякое мясо они находят вкусным. Наибольшее эстетическое удовольствие доставляет им подгнившее мясо с сильным запахом и резким вкусом. У эскимоса запах и вкус жареного мяса может даже вызвать отвращение, а наша реакция на его пищу, конечно, окажется прямо противоположной.

Проводились специальные исследования, которые продемонстрировали довольно большой разброс национальных предпочтений по шкале «приятных – неприятных» запахов. Так, у немцев приятные ассоциации вызывают запахи свечей, чистых простыней, леса и трав. У японцев – предметы, связанные с

ванной, и цветы. Японцы повсеместно используют ароматы, но делают это настолько утонченно, умело, аккуратно, чтобы это не вызывало беспокойство у окружающих [Матвеева, 2014, с. 196]. Напротив, традиционно неприятные запахи кала, мочи, гниющих продуктов в ряде случаев могут рассматриваться вполне позитивно. Бедуины смачивают тело мочой верблюда, а французы «навязали» любовь к резкому запаху сыра рокфор всем без исключения гурманам.

Что удивительно, представители разных стран выделяют довольно ограниченный и устойчивый ассортимент неприятных запахов, тогда как приятные запахи для них более вариативны. Многое зависит от концентрации запаха, любой, даже самый приятный запах будет раздражать, если окажется чересчур сильным и резким.

Отношение к запаху пота как к чему-то неприятному типично для современной культуры большого города. Американцы, причисляющие себя к очень чистоплотным нациям, считают естественные запахи отвратительными. Они тратят много времени и денег на искусственно созданные запахи. Каждый год американцы и американки тратят миллионы долларов на дезодоранты, мыло, полоскания для рта, пастилки для освежения дыхания, лосьоны после бритья и прочие товары, которые предназначены для того, чтобы улучшить и вовсе замаскировать естественные запахи тела.

Почему американцы с такой неприязнью относятся к естественным запахам? Дело в том, что они означают не только отсутствие личной гигиены у человека, но и пренебрежение к окружающим. Запах может быть сигналом плохого здоровья (например, повышенное давление, заболевания почек и даже рака), что не принято демонстрировать. Запах также может указывать на низкое происхождение и, как следствие, отсутствие культурных навыков. В этом отношении американцы и британцы не похожи друг на друга. В Британии герцог, даже если от него неприятно пахнет, все равно герцог, представитель высшего класса. В Америке считается, что, если от человека плохо пахнет, он «родился в трейлере» [Calero, 2005, p. 35].

Однако во многих культурах отношение к запаху пота иное. У целого ряда традиционных культур существуют особые ритуалы передачи пота другому человеку. У гиджингали – одного из австралийских племен Арнемленда – мужчина, прощаясь с другим мужчиной, потирает руками у себя подмышками, а вслед за этим натирает запахом своего пота бока друга. В русской культуре верили, что запах пота является важнейшим компонентом любовной магии.

Роль пота исключительно велика в арабской культуре. В то время как для нас дышать в лицо собеседнику – верх бескультурья, для араба это один из важнейших каналов общения. Вдыхать запах друга – большая радость и удовольствие. Запах играет исключительно важную роль и при выборе супруги. Во время сватовства у арабов на это качество девушки обращается самое пристальное внимание. Невесту даже могут отвергнуть только на том основании, что она не очень хорошо пахнет.

В японской культуре запах пота традиционно рассматривается как что-то неприятное. Правда, при этом следует учитывать тот факт, что большинство коренных обитателей Японских островов почему-то лишены этого запаха. Запах пота для японцев представляется настолько нетерпимым, что молодые мужчины, от которых пахнет потом, освобождаются от воинской службы. Нам это может показаться невероятным, однако такая естественная с точки зрения каждого европейца особенность физиологии рассматривается японцами как серьезный «дефект» сродни плоскостопию, эпилепсии и т.п. Однако пот как физиологическое явление у японцев имеет исключительно положительную оценку. Фраза «как Вы вспотели!» скорее означает похвалу за хорошую работу и старание.

Таким образом, запахи даже естественного происхождения могут превратиться в социальную метку статуса, невоспитанности, дурного или хорошего вкуса, чистоплотности или ее отсутствия. В современном обществе, когда нормативные представления о чистоте сильно изменились, появилась новая тенденция – уничтожать запах тела вообще. И все же многие запахи приобретают культурный смысл, становятся культурным кодом.

Литература

1. Ароматы и запахи в культуре // Сост. О.Б. Вайнтшейн. Кн. 1. М., 2008.
2. Ароматы и запахи в культуре // Сост. О.Б. Вайнтшейн. Кн.2. М., 2010.
3. Бутковская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации). М., 2004.
4. Матвеева Д.П. К вопросу ольфакторной самопрезентации (на примере японской культуры) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 11. С. 192-197.
5. Calero Henry H. The Power of Nonverbal Communication: How you Act is more Important than what you Say. Silver Lake Publishing, 2005.

С.А. Осокина

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ГИД ПО АЛТАЮ»: ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ (Алтайский государственный университет, Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы транслитерации наименований географических объектов, наименований культурно-исторических реалий, имен собственных и названий туристических объектов Алтая. Рассматриваются различные виды транслитерационных стандартов. Далее обсуждаются наиболее часто встречающиеся в сети Интернет варианты указанных наименований и делается вывод, что невозможно определить критерии «правильности» транслитерационного соответствия, можно только давать некоторые конкретные рекомендации в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: Алтай, транслитерация, теория и практика перевода, теория тезауруса.

Abstract: The article deals with the problem of transliteration of geographic names, proper names, cultural and historical realities, names of Altai tourist objects. We consider theoretical problems of transliteration and give details of various transliteration standards. Further we discuss different variants of transliteration of the mentioned Altai objects most frequently used in the Internet and come to the conclusion that there cannot be “correct” or “incorrect” transliteration forms, only special recommendations in every special case.

Key words: Altai, transliteration, theory and practice of translation, theory of thesaurus.

Лингвистический проект «Переводческий гид по Алтаю» разрабатывается кафедрой германского языкознания и иностранных языков Алтайского государственного университета, начиная с 2012 г. Конечной целью проекта является создание русско-английского словаря-тезауруса «Переводческий гид по Алтаю». В настоящее время работа над словарем находится на завершающей стадии, что позволяет проанализировать достигнутые результаты и представить основные принципы формирования системы номинаций географических и рекреационно-туристических объектов Алтайского края.

Мотивы и цели создания словаря, принципы его построения и основные этапы разработки описаны в ряде публикаций сотрудников кафедры [Осокина 2011; Карпухина, Осокина, 2013; Савочкина, 2013; Osokina 2011]. Основной задачей проекта является разработка единой унифицированной системы русско-английских соответствий наименований географических, культурно-исторических и рекреационных объектов Алтайского края, имеющих важное значение для развития рекреационно-туристического комплекса края. Практическая цель проекта состоит в создании словаря-тезауруса, содержащего информацию о туристических ресурсах Алтайского края, который могли бы использовать переводчики и все желающие посетить Алтайский край. Расширенной целью проекта является продвижение и распространение информации, способствующей экономическому развитию Алтайского края, в иноязычной среде.

Основным методом создания словаря избран тезаурусный подход, предполагающий опору на имеющуюся на иностранном языке информацию об Алтайском крае, представленную в многочисленных текстах, уже созданных и создаваемых в настоящее время. Данный подход направлен на формирование определенной устойчивой системы знаний у иностранного потребителя информации, базирующейся на уже имеющихся у него к настоящему моменту сведениях об Алтае.

В существующих на настоящий момент текстах об Алтайском крае на иностранном языке, представленных в сети Интернет и многочисленных печатных изданиях, уже сложилась определенная система наименований

различных объектов Алтайского края, однако эта система развивается стихийно, в силу чего закрепленные в разных источниках наименования зачастую не совпадают, что может вызвать путаницу при восприятии информации иностранцем. Словарь «Переводческий гид по Алтаю», по замыслу создателей, должен представлять все имеющиеся и возможные варианты наименований, объяснять причины их возникновения и несовпадения, содержать переводческие рекомендации по выбору наименований и тем самым способствовать выработке единой системы использования наименований в туристической сфере.

В данной статье мы рассмотрим проблему выбора транслитерационных соответствий номинаций объектов Алтайского края, используемых в словаре «Переводческий гид по Алтаю».

Транслитерация рассматривается как один из вариантов подбора переводческих соответствий, при котором производится побуквенное перекодирование слова из языка-источника в язык перевода. Данный прием главным образом применяется при переводе имен собственных, географических названий, номинаций, функционирующих наравне с именами собственными при отсутствии слова-эквивалента в языке перевода. Транслитерация часто используется одновременно с таким приемом перевода наименований, как транскрипция, которая предполагает воссоздание звуковой оболочки слова на языке перевода. Например, для обозначения мягкости согласных на конце русских слов при переводе из кириллической системы в латиницу вместо буквы «ь» используется символ «'» (*Moskovskaja oblast', Tver'*), не являющийся буквой латинского алфавита, и, соответственно, его использование говорит о совмещении побуквенного и позвукового принципов передачи слов.

В настоящее время существует несколько ГОСТов, позволяющих преобразовать кириллическое написание в латиницу, однако каждый из них основан на определенных принципах, в результате чего имеется ряд существенных расхождений между ГОСТами. Расхождения касаются способов передачи букв кириллического алфавита, не имеющих соответствий в латинице, при этом под соответствиями подразумеваются пары букв, обозначающих звуки, схожие по акустико-артикуляционным характеристикам в разных языках, например, «м – m», «н – n», «о – o», «к – k», «п – p» и т.д. Наиболее «проблемными» являются буквы «й», которая может передаваться как «j» «y» «i» согласно, например, гостам GOST 2002 (A, B), BGN/PCGN и Passport 1997,2010,2013 соответственно; «х», которой соответствуют «h» (GOST 2002 (A)), «x» (GOST 2002 (B)), «kh» (BGN/PCGN, Passport1997,2010,2013 и др.); «щ» - «с» (GOST 2002 (A)), «cz» (GOST 2002 (B)), «ts» (BGN/PCGN, Passport1997,2013), «tc» (Passport 2010); «ю» - «u» (GOST 2002 (A)), «yu» (GOST 2002 (B), BGN/PCGN и Passport 1997.), «iu» (Passport 2010,2013); «я» - «a» (GOST 2002 (A)), «ya» (GOST 2002 (B), BGN/PCGN и Passport 1997.), «ia» (Passport 2010,2013). Буквам «ч» и «щ» в большинстве гостов соответствуют варианты «ch» и «shch», соответственно. Большинство из указанных ГОСТов

заложено в автоматизированной программе поиска транслитерационных соответствий translit.net.

Однако тезаурусный подход представления информации предполагает не просто выстраивание транслитерационных соответствий на основе определенного ГОСТа, а опору на уже имеющиеся у реципиента на иностранном языке знания, т.к. это **способствует более эффективному восприятию и пониманию информации**. Тем более, что, во-первых, пользователь информации на английском языке может не догадаться, что английское буквосочетание «cz», например, может заменять русскую букву «ц», во-вторых, как показывает анализ текстов об Алтае, написанных на английском языке и созданных не только в нашей стране, но и за рубежом (оригинальные тексты об Алтае на английском языке), авторы текстов часто не знакомы с указанными ГОСТами и руководствуются собственными представлениями о транслитерации наименований.

При создании словаря «Переводческий гид по Алтаю» наибольшие трудности были сопряжены с выбором наименований наиболее крупных и важных в административном плане объектов, поскольку именно данные наименования чаще других упоминаются в текстах на иностранном языке и поэтому имеют наибольшее количество различных вариантов написания. В частности, к таким наименованиям относятся английские эквиваленты номинаций *Алтайский край*, *Республика Алтай*, наименования административных районов края (*Смоленский район*, *Егорьевский район*, *Завьяловский район*, *Змеиногорский район*, *Краснощековский район* и др.), крупных административных и туристических центров (*Белокуриха*, *Бийск*, *Яровое* и др.).

При выборе более предпочтительных англоязычных вариантов написания указанных номинаций отправной точкой анализа было сопоставление статистических данных поисковых систем Google и Yahoo, первая из которых широко применяется во всем мире, но ориентирована на представление информации в первую очередь на языке страны, из которой поступает запрос на поиск информации (т.е. на территории России Google, в первую очередь, выдает информацию на русском языке), вторая широко используется в основном в Северной Америке и ориентирована на первоочередное представление информации, содержащейся на американских сайтах и американских доменах gov., edu., org, com.

Анализ статистических данных показывает, что при вводе в поисковую строку только первого слова номинации *Алтайский край* в вариантах написания *Altay/Altai*, обе системы выдают большее (примерно на 150-300 тыс.) количество ответов с вариантом написания *Altay*, нежели с вариантом *Altai*. Отметим, что вариант *Altay* соотносится с принятыми в Великобритании и США стандартами передачи географических наименований BGN (Board for Geographic Names – USA) и PCGN (Permanent Committee on Geographical Names – Britain). Однако при введении в поисковую строку сочетаний *Altay Kray/Altai Krai*, *Altay Territory/Altai Territory* и *Altay Region/Altai Region* всегда

большее количество ответов выходит с вариантом написания *Altai*. Более того, при введении вариантов *Altay Krai*, *Altay Territory* и *Altay Region* система Google отвечает «Возможно, вы имели в виду “*Altai*”», а система Yahoo указывает варианты *Altai* и *Altay* не дифференцированно.

Статистические данные обеих систем можно ранжированно представить в виде таблицы, отражающей частотность появления вариантов написания *Altay* и *Altai* от более часто используемых к менее часто используемым (таб. 1).

Таб. 1.

Система поиска Наименования	Google (ответы только на английском языке)	Yahoo (все ответы)
Altay	571 000	1 260 000
Altai	427 000	1 070 000
Altai Region	511 000	532 000
Altay Region	240 000	200 000
Altai Krai	380 000	195 000
Altay Krai	185 000	5 270
Altai Territory	380 000	153 000
Altay Territory	133 000	31 900
Altajskij kraj («основной» вариант программы translit.net)	118 000 (включая вариант <i>Altai Krai</i>)	4 870 (включая вариант <i>Altai Krai</i>)
Altajskii kraj (вариант «загранпаспорт» программы translit.net)	85000 (включая вариант <i>Altai Krai</i>)	16 000 (включая вариант <i>Altai Krai</i>)

В таблице приведены статистические данные по состоянию на 20.03.2016 при использовании в системе Google расширенного поиска с включением опции передачи данных только на английском языке. Однако подобные статистические подсчеты проводились и в 2013-2015 гг., и нужно отметить, что кардинального изменения контента сети не произошло – несмотря на всю кажущуюся подвижность и ежедневное изменение информации в Интернете, статистические данные показывают, что она остается относительно стабильной (очевидно, происходит прирост новой информации при достаточно медленном удалении старой информации).

В частности, анализ текстовых употреблений вариантов *Altay* и *Altai* в сети Интернет позволяет заключить, что вариант *Altay* используется как на англоязычных сайтах, созданных в России, так и на сайтах, созданных за рубежом, причем далеко не всегда применительно к информации об Алтайском крае (например, номинации с таким вариантом написания встречаются на сайтах, рассказывающих о Монгольской территории Алтайских гор, на сайтах зарубежных энциклопедий, Национального Географического Общества США и др.), в то время как вариант написания *Altai* более целенаправленно

используется именно для обозначения российской территории Алтайских гор и чаще выступает в сочетании со словами *Krai/Kray, Territory, Region*.

Следуя тезаурусной концепции опоры на уже имеющуюся к настоящему моменту информацию, необходимо признать более приемлемым вариантом написания *Altai* в сочетании со словами *Region, Territory, Krai*. В англоязычной версии официального сайта администрации Алтайского края в качестве заглавной номинации по состоянию на 20.03.2016 выбрана *Altai Region* (хотя в 2013-2015 г.г. в качестве заглавной номинации фигурировало название *Altai Krai*, и в разделе, посвященном туризму, встречаются все указанные варианты наименований (см. <http://www.altairegion22.ru/en/tourism/>). Однако анализ содержания текстов, представленных в сети Интернет, показывает, что номинация *Altai Region* имеет более широкое толкование и не всегда выступает эквивалентом номинации *Алтайский край* – сочетание *Altai Region* может использоваться в сети как более общее при отсылке к территориям Алтайского края, Республики Алтай, Алтайских гор. Например, в качестве такого общего наименования она используется в энциклопедии Британики и некоторых других ресурсах. В отличие от данной номинации сочетание *Altai Krai* всегда выступает как эквивалент номинации *Алтайский край* (например, на англоязычных картах Google поиск задается по номинации *Altai Krai*).

Варианты *Altai Territory, Altajskij kraj* и *Altaiskii krai* также имеют прямое отношение к номинации *Алтайский край*, но, как показывают приведенные в таблице 1 данные, они являются менее часто используемыми в Интернете, нежели вариант *Altai Krai*.

Это позволяет использовать данный вариант наименования в качестве заглавного в словаре «Переводческий гид по Алтаю» с обязательным указанием других существующих вариантов.

Аналогичный анализ проводился составителями словаря-тезауруса «Переводческий гид по Алтаю» применительно к другим наименованиям географических, культурно-исторических и рекреационно-туристических объектов Алтайского края. При отсутствии информации о каком-либо объекте на английском языке в качестве заглавного варианта выбирался тот, который представлен в транслитерационных соответствиях на сайте translit.net в качестве «основного» варианта (*Smolenskij rajon, Zmeinogorskij rajon, Krasnoshhekovskij rajon* и т.д.), и приводились иные возможные варианты перевода, включающие сочетание транслитерационного принципа с семантическим переводом и калькированием.

Таким образом, выбор определенного варианта транслитерации наименований является достаточно трудно проблемой, поэтому составители словаря-тезауруса «Переводческий гид по Алтаю» руководствовались определенными принципами построения словаря и выбора заглавных вариантов наименований, которые будут подробно описаны в предисловии к словарю.

Литература

1. Карпухина В.Н., Осокина С.А. Русско-английский тезаурус «Переводческий гид по Алтаю»: лингвистический проект // Теория и

- практика обучения иностранному языку в ситуации культурной полифонии: материалы 4-ой международной научно-практической конференции / под ред. А.А. Рубченко. Барнаул, 2013. С. 164-169.
2. Осокина С.А. Установление единой формы номинации *Алтайский край* в переводных текстах // Актуальные проблемы филологии. Материалы V международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию РИ (филиала) АлтГУ. Рубцовск, 7 июня 2011г. Вып. 5. Барнаул; Рубцовск, 2011. С. 93-99.
  3. Савочкина Е.А. Некоторые трудности составления русско-английского словаря-тезауруса «Переводческий гид по Алтаю» // Теория и практика обучения иностранному языку в ситуации культурной полифонии: материалы 4-ой международной научно-практической конференции / под ред. А.А. Рубченко. Барнаул, 2013. С. 170-173.
  4. Osokina S.A. Geographic Names in Translated Hypertext // Materiały VII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji “Europejska nauka XXI wiekа-2011”. Przemyśl, 2011. Volume 18 Nauk biologicznych. Ekologia. Geografia i geologia. Polnictwo. P. 66-68.

Ю.В. Плотникова

**INTERTEXTUAL GAMES IN THE NOVEL “THE BLACK TOWN” BY
BORIS AKUNIN**
(Altai State University, Russia)

Аннотация: Данная статья посвящена особенностям интертекстуальных игр в романе Б. Акунина «Черный город». Диапазон цитируемых произведений очень широк: от классических произведений до элитарной литературы. В статье рассматриваются отсылки к произведениям, так или иначе связанным с Первой мировой войной 1914-1918 гг.: «Занавес» А. Кристи, «Его прощальный поклон» А. Конан Дойля. Особое внимание уделяется отсылкам к одному из самых известных произведений о так называемом «потерянном поколении» – «Фиесте» Э. Хемингуэя.

Ключевые слова: интертекстуальность, аллюзии, цитаты, детектив, претекст.

Abstract: The article deals with the peculiarities of intertextual games in the novel *The Black Town* by Boris Akunin. The range of quoted works is large: from classics to the elite literature. Allusions to some works connected with the World War I (*The Curtain* by Agatha Christie, *His Last Bow* by Arthur Conan Doyle) are studied. Special attention is paid to the famous work about “the lost generation”, *The Sun Also Rises* (*Fiesta*) – a novel written by the American author Ernest Hemingway.

Key words: intertextuality, allusions, quotations, detective novel, basic text.

It is known that one of the most important peculiarities of modern culture and modern literature is their game feature. “The reader of the 21st century needs some remedy which gives him a chance to rest from the reality. The so called “game of literature” and “a game with literature” become one of this remedies” [Chernyak, 2010, URL], – writes M.A. Chernyak, a Professor, the Department of Modern Russian literature, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

Each author has his own rules of the game with reality: intertextuality, various narrative strategies and genres, mystifications, etc. Boris Akunin is recognized as the leader of such experiments in the Russian literary world: games with pseudonyms and literary genres. But the main remedy of Akunin’s games with the reader is intertextuality.

The range of quoted works is large: from classics to the elite literature. In his latest novels the game with the reader moves to a new, more complex level: quoted works are not well-known to the reader or most of the quotes are connected to each other. If the reader does not realize it, then he does not attain a complete understanding. In *The Black Town* (at the moment it is the latest novel about Mr. Fandorin) most of quoted works are about the World War I (1914-1918).

The action takes place in Baku on the eve of the World War I. Mr. Fandorin conducts an investigation of a dangerous terrorist and a revolutionary nick-named Odyssey. At the end of the novel a man shoots at Fandorin’s head and he might die.

The reader may associate this book with the novel *The Curtain* by Agatha Christie. This story is about the last investigation of Hercule Poirot. The action of *The Curtain* takes place in 1916, in the midst of the World War I. Mr. Poirot fights against a killer who is difficult to catch like Akunin’s Odyssey. The real name of the killer is unknown and Mr. Poirot calls him “X”.

On his way to Baku Mr. Fandorin thinks about different meanings of hieroglyphs *ba* and *ku* (“industrial region”, “vile dirt” etc.). But he chooses the meaning “curtain”: “This town will be a hieroglyph “curtain” for me... I will drop the curtain onto Odyssey’s actions” [Akunin, 2013, p. 36]. But Baku becomes a “curtain” for Mr. Fandorin.

Another basic text is a famous work about the generation of the World War I. This is *The Sun Also Rises* by Ernest Hemingway. The character of *The Black Town* Saadat Validbekova and her servant Zafar may be associated with Brett Ashley and Jake Barnes. Because of wounds which Jake gets during the war, his relations with Brett may be only platonic. In Akunin’s novel Zafar is a eunuch who secretly loves his mistress. Some situations from the novel by Hemingway are repeated in *The Black Town*; some dialogs almost repeat the phrases of Brett and Jake word for word.

For example, the hero becomes a mediator in the relations between the heroine and other men. Zafar sent a message from Saadat to one of her minions. His actions can be called as “pandering”. Jake Barnes introduced Brett with a young matador Pedro Romero. Mike Campbell, Brett’s fiance, in his anger called Jake “damned pimp” [Hemingway, 1988, p. 143].

Sometimes Jake behaves like a servant. He asked Brett: “What do you want me to do?” [Hemingway, 1988, p. 139] Brett gave him some orders: “Do look after Mike”, Brett said. “Don’t let him get too bad” [Hemingway, 1988, p. 157]; “Don’t talk to him” [Hemingway, 1988, p. 157], etc.

At the end of the novel Jake reassured Brett: “She looked away. I thought she was looking for another cigarette. Then I saw she was crying. I could feel her crying. Shaking and crying. She wouldn't look up. I put my arms around her.

“Don't let's ever talk about it. Please don't let's ever talk about it”.

“Dear Brett”.

“I'm going back to Mike”. I could feel her crying as I held her close. “He's so damned nice and he's so awful. He's my sort of thing”.

She would not look up. I stroked her hair. I could feel her shaking” [Hemingway, 1988, p. 180-181].

The same situation takes place in the final chapter of *The Black Town*. After conversation with Mr. Fandorin Saadat came to Zafar in tears. “She said a lot of absurd womanly phrases. Zafar kept silence and stroked her hair. He had a sore heart for her” [Akunin, 2013, p. 354].

The Sun Also Rises ended with conversation between Brett and Jake:

“Oh, Jake”, Brett said, “we could have had such a damned good time together”.
<...>

“Yes”, I said. “Isn't it pretty to think so?” [Hemingway, 1988, p. 183].

In *The Black Town* Saadat said the same: “Oh, Zafar! I have got a son. I love him most of all. And now I have got a man. I love him. But sometimes I think that you are the dearest for me.

– What do you say? I'm a cripple, I'm your servant. And you is a queen for me” [Akunin, 2013, p. 354].

The reader may remember the story about the last investigation by Sherlock Holmes, *His Last Bow* by Arthur Conan Doyle. On August 2, 1914 Mr. Holmes arrested the German spy von Bork.

Boris Akunin continues the traditions of Agatha Christie and Arthur Conan Doyle. The chronotope of his last novel becomes the World War I, the real end of the 19th century, “fin de siecle”. People of the 19th century – Mr. Poirot, Mr. Holmes, Mr. Fandorin – are strangers here, in the chaos which captures the world in the 20th century.

References

1. Akunin B. Chyornyi gorod. Moscow, 2013.
2. Hemingway E. Fiesta (I voskhodit solntse). Moscow, 1988.
3. Chernyak M.A. Igra na novom pole, ili Yeshchyo raz o diagnoze rossiiskoi prozy 21 veka // [Electronic resource]. Zhurnal'nyi zal. <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/11/ch12.html>

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ *SIT, STAND, LIE*

(Алтайский государственный педагогический университет, Россия)

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме пространственной метафоры. Метафора рассматривается с точки зрения когнитивной деятельности говорящего и реципиента на основании известных лингвистических исследований. Исследуется концепт «пространство» наряду с движением, перемещением и позиционированием. Вводится понятие пространственной метафоры, и приводятся примеры на материале глаголов *sit, stand, lie*.

Ключевые слова: метафора, пространство, глагольная метафора, пространственная метафора.

Abstract: The article considers the problem of spatial metaphor. The metaphor is considered from the point of cognitive activity of the speaker and a recipient on basis of famous linguistic theories. The concept “space” is examined alongside with the notions of movement, displacement and positioning. The notion of spatial metaphor is introduced and investigated in terms of English verbs *sit, stand, lie*.

Key words: metaphor, space, verbal metaphor, spatial metaphor.

Метафорой интересовались с античных времен, начиная с Аристотеля. Она развивалась и становилась объектом изучения разных областей науки – философии, логики, литературоведения, риторики, семиотики и т.д. В современном мире метафора «укрепила связь с логикой» и встречается ежедневно практически в каждой сфере употребления языка от детской речи до средств массовой информации. Метафору определяют как «сдвиг в значении», «перенос значения на основе сходства», «средство вторичной номинации на основе ассоциации по сходству предметов» [Арутюнова, 1990]. Метафора мифологична и изначально формировалась на основании связи между образами богов и явлениями природы и жизнедеятельности людей: гроза – гнев Зевса, хороший урожай – дело рук Деметры и т.д. Таким образом, человек давал образное имя каждому явлению, которое воспринимал. Сообщение об окружающем мире поступает к человеку посредством органов чувств, в его мышлении возникает образ, который субъект связывает с воспринятым им предметом, понятием окружающей действительности и дает имя, знак которым обозначается данный предмет или понятие. Таким образом, метафора переносит образ в язык, в речь. Однако метафора представлена в качестве различных механизмов в различных сферах жизни. В психолингвистике метафора является механизмом и объектом интерпретации и восприятия речи, в лексикологии – источником новых значений слов, в поэтике – определенным видом тропов. Следовательно, многие лингвисты занимались классификацией

метафор. Известны классификации Д.Э Розенталя, П.А. Леканта, Л.Л. Касаткина, И.Б. Голуб, а также ученых, рассматривавших метафору на материале английского языка, И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд. Как правило, выделяют общеязыковые метафоры: *огненная рябина, золотая осень, пушистые облака*, в английском языке – *broken heart, burn the bridges* и индивидуально-авторские: «*Вот охватывает ветер стаи волн объёмом крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на утёсы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады*» [Горький, 1901]; «*....Now blue light streamed inside his window and tangled itself with the glow of the sheets*» [Cisneros, 1991]. Также отмечают стертые метафоры: *ручка двери, ножка стола*, в английском языке – *legs of the table* и т.д.

Метафоры также классифицируют по принципу связи когнитивной деятельности людей с языком и эмоциональной структурой – концептуальные метафоры (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Е.И. Диброва). В такого рода классификациях метафора предстает как мыслительное отражение реальной или приписываемой общности свойств: *горсть* – ладонь и согнутые пальцы; *I am feeling up* («счастье ориентировано на верх») [Lakoff, 1980].

Обращаясь к вышеперечисленным классификациям метафор, можно отметить, что метафора – это сходство образов, понятий, которые связаны определенными знаками, чтобы передать образ реципиенту. Таким образом, метафора – это знак, которым обозначается воспринятый предмет, понятие или явление каждого отдельного говорящего, и в который вложена система знаний и опыта данного говорящего. Следовательно, метафоризация – это процесс, который в первую очередь происходит в мышлении. Таким образом, мы понимаем, что язык описывает мир, воспроизводя когнитивные структуры, сложившиеся в сознании коммуникантов в процессе познания окружающего мира. Каждый коммуникант членит мир по-своему, по-своему воспринимает окружающие его объекты, а значит, по-своему отражает его в своем сознании. Следовательно, в языке, как семиотической системе каждый объект является результатом переосмысления коммуникантов. «Концепт есть знание о классе в целом, тогда как концептуализация есть всего лишь частный случай осмысления данного класса» [Колесов, 2015]. Мы используем термин «членение мира коммуникантами», говоря о восприятии мира, т.к. познавая окружающую действительность, коммуникант именно располагает определенные структуры знания в своем сознании определенным образом. Многие лингвисты, описывая характер ментальной актуализации пространства, отмечали, что языковые выражения о воспринимаемом пространстве помимо наименования самих объектов называют и способы познания, применяемые сознанием и языком для организации «моделей мира» (L.Talmy; Е.С. Кубрякова; Е.В. Рахилина; А.В. Кравченко). Действительно, если обратить внимание на то, как описывает язык объекты с различной конфигурацией, можно согласиться со словами французского лингвиста Гюстава Гийома «человек видит мир глазами своего тела» [Гийом, 1929, с. 72 цит. по: Реферовская, 2007]: *высокие колонны, но длинные ноги; широкая кровать, но*

глубокая книжная полка; глубокая тарелка, но высокий бокал. Следовательно, язык репрезентирует пространство относительно восприятия объектов человеком органами чувств или относительно функционирования данного объекта в окружающем мире.

Пространство является одним из важнейших концептов любой языковой культуры. Именно пространство создаёт мир, т.к. в пространстве объекты располагаются определенным образом относительно друг друга, а поэтому через пространство люди, существующие в какой-либо языковой культуре, и воспринимают мир. Лингвисты ссылаются на философское определение пространства: «Пространство есть форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах» [Куксова, 2006, с. 229]. Материальность является определяющей характеристикой пространства, и, согласно данному положению, пустого пространства не существует как такового: «Пространство определяется положением предметов» [Einstein, 1953, р. 4]. Что касается абстрактного понятия пространства, то оно по-прежнему понимается как нечто объемное – «пространство определяется как «хранилище» для объектов» [Einstein, 1953, с. 4]. Таким образом, материальность пространства всегда присутствует, даже в случае с пустыми внутренними пространствами, материальные границы вместимости которых, могут быть визуально представлены. Материальность пространства указывает на его трехмерность. «Для человеческого восприятия *вертикальное* и *горизонтальное* проявления пространства играют одинаково важную роль. Падение предметов, прямохождение человека, рост растений, соотношение голова – ноги, земля – небо позволяют познать вертикальность» [Шамне, 2009, с. 266]. Еще одним аспектом пространства является *структурированность*. Первоначальными представлениями топологических понятий о пространстве являются «соседство», «разграничение», «окружение», «последовательность», значительно позднее эти понятия различаются в качестве геометрических форм, таких как круг, квадрат, прямая, угол и т.д. [Шамне, 2009, с. 266]. Таким образом, пространство понимается и распознается метрически.

Необходимо отметить, что существует также *временной* аспект пространства. С течением времени пространство может меняться, вернее, наше восприятие пространства может изменяться, а т.к. меняется восприятие пространства, значит, пространство меняется в рамках нашего представления. Следовательно, если пространство имеет обыкновение меняться, значит, в связи с пространством возникает ещё одна характеристика – *движение*. Пространство включает в себя такие параметры как «направление», «границы пространства», «сила притяжения» [Wierzbicka, 1992]. Следовательно, пространство не может существовать само по себе, а развивается в процессе, в ходе жизни, т.е. образуется в результате определенного *движения*: «Движение тел происходит в пространстве – времени, которое представляет собой совокупность всех возможных положений тел во все возможные моменты времени» [Берке, 1985, с. 32].

Т.В. Цивьян указывает в своих работах на исконность идеи пространства в ряде важных понятий, относящихся к движению, а через движение переходящих в другие сферы или в другие коды [Цивьян, 1990, с. 74]. Движение предполагает изменение вообще. Движение объектов происходит в свою очередь в рамках определенного пространства. Пространство также невозможно воспринимать отдельно от времени. Поэтому, можно сделать следующий вывод: пространство – это структурированное трехмерное понятие, зависимое и создаваемое с течением времени посредством возникновения и изменения, т.е. движения объектов.

Далее рассмотрим взаимоотношения объектов в рамках пространство-движение более подробно с помощью наглядных примеров.

Движение отражается в языке в первую очередь с помощью глаголов: *go, move, dance, swim, etc.* С помощью глаголов эксплицируется как само движение, так и его отсутствие: *stand, sit, lie, etc.* [ССАЯ: 2 т., 1992. Т. 1А – Л.].

В связи с тем, что именно глаголы являются частью речи, номинативная функция которой заключается в наречении процессов различных видов, анализ глаголов движения позволяет описать движение с различных «ракурсов», и, соответственно, глаголы движения могут считаться основным средством языка, используемым для эксплицирования движения или его отсутствия.

Движение или его отсутствие, как правило, связано с положением в пространстве. Как пишет С. Петкова-Калева: «... исследователи пространственных когнитивных структур выделяют три типа процессов, отражающих динамический характер пространственных отношений: **движение, перемещение и позиционирование**» [Петкова-Калева, 2005, с. 1].

Движение представляет собой процесс, алгоритм некоторых действий в пространстве. *Перемещение* отличается от движения тем, что представляет собой процесс перехода из одного пункта в другой. *Позиционирование* заключается в определенном положении в пространстве, но не предполагает движения как такового. '**ПРОСТРАНСТВО**' является одним из важнейших концептов окружающей действительности и играет важную роль при восприятии мира человеком. Отраженный в сознании мир, в свою очередь, является неотъемлемой частью семантики языка, т.к. язык – это средство выражения образов окружающей действительности, сложившихся в процессе познания в мышлении носителей данного языка.

Таким образом, позиционирование, движение и перемещение как разновидности языкового содержания представляют актуальность для лингвистики в рамках отношений язык – пространство, поэтому далее рассмотрим глаголы позиционирования, движения и перемещения.

Глаголы позиционирования *to sit, to stand, to lie* выражают локативные признаки объекта, а именно вертикальное положение в пространстве в случае с глаголами *to sit, to stand*, хотя точкой опоры для объекта выступают разные части тела, и горизонтальное положение, когда речь идет о глаголе *to lie*. Значение глаголов позиционирования не представляет собой проблемы, если речь идет об одушевленном объекте, но в случае с неодушевленными

объектами ситуация меняется. Основное значение лексической единицы *sit* предполагает вертикальное положение тела с точкой опоры на ягодицы, как предлагает онлайн-словарь Мириам Вебстер: *to sit in a chair*. Однако в следующих выражениях лексическая единица «sit» приобретает метафорическое значение: *to sit in Congress; to sit in a session; to sit for exams; the collar sits awkwardly*, т.к. в приведенных примерах основным значением выступает социальный статус объекта, выгода его положения, либо необходимость данного физического расположения объекта с целью решения важных вопросов. Однако в голове реципиента возникает концепт «пространство», т.к. каждое из выше представленных выражений предполагает физическое расположение объекта именно в рамках основного значения лексической единицы «sit». Данная лексическая единица также может предполагать значение «груз»: *the food sat heavily on his stomach*. Здесь выделяется давление одного объекта на другой, показывая при этом физические свойства объекта, занимающего положение «сидя». Человек, сидящий на стуле, оказывает на него воздействие грузом собственного тела, а в случае с нашим примером роль «сидящего» переходит к концепту «food». В следующих выражениях единица «sit» указывает на геометрические особенности объекта: *the kettle sits on the stove; the summerhouse sits well back from the road; the car sits in a garage; the computer sits on the desk*, т.е. объекты более растянутые в ширину, нежели в высоту, занимающие больше горизонтального пространства, принимают «сидячее» положение. Рассматривая в сравнении выражения *the vase sits on the table* и *the vase stands on the table*, следует отметить, что в первом варианте речь идет о фруктовой вазе, а во втором – о высокой вазе под цветы. Таким образом, приходим к выводу, что источником метафорического значения глагола «sit» является его основное значение физического расположения в пространстве, а целью – необходимость данного физического расположения и его результат.

Из последнего вышеупомянутого выражения следует, что лексическая единица «stand» обозначает пространственное расположение объектов, вытянутых вертикально: *The castle stands on the ancient battlefield* (Ср. : *Havencrest Castle sits high atop a hill in Savanna, Illinois; Rudkhan Castle sits at the two peaks of a mountain at elevations of 715 and 670 metres* – В примерах с глаголом *sit* идея расположения замка и его отношения к месту расположения, указывает на то, что форма конструкции замка такова, что он оказывается более приближенным к уровню, который занимает на поверхности пространства, т.е. он широк, а не высок); *The tower stands 30 meters high*. Основным значением глагола «stand» является вертикальное положение объекта с опорой на ступни ног, поэтому в случае с неодушевленными объектами значение переносится на границы пространства, которое занимает объект, вытянутый в высоту. Глагол «stand» также имеет значение «твердость»: *As things stand, there is a chance for quick settlement; Where do you stand on private education? He stood for parliament; stand at attention; It can stand low temperatures*. В данных выражениях значение приведенного глагола переносится с пространственного расположения на

положение дел, твердость установки или мнения. Твердость во многих языковых и культурных картинах мира взаимосвязана с покоем, поэтому и глагол «stand» нередко предполагает состояние покоя: *Mix the butter and let it stand for a while; The train that stands on platform 3 is for London.* Следовательно, метафорическое значение глагола «stand» в качестве источника имеет основное значение физического расположения объекта, а в качестве цели – необходимость именно такого пространственного расположения и его результат.

Еще одним глаголом пространственного расположения является лексическая единица «lie». Основным значением данного глагола является горизонтальное расположение объекта в пространстве, преимущественно с опорой на спину. К примеру, в следующем высказывании *The books are lying on the desk* рассматриваемый глагол актуализирует свое первоначальное значение, указывая на определенное пространственное расположение объекта в пространстве. Такой вид расположения объекта в пространстве предполагает покой и отдых, что отражено в следующих выражениях: *lie in peace; lie in wait.* Покоящийся объект также оказывает определенное воздействие на точку опоры грузом своего веса: *The remorse lay heavily on him; The responsibility lies with the adult; The success of the book lies in its direct style.* Таким образом, приобретает метафорическое значение глагола, связанное со степенью «тяжести» объекта, которая представляется своего рода грузом по отношению к другому предмету, зависимому от него. Основное значение глагола «lie» предполагает распространенность объекта в ширину, объект занимает большое количество пространства горизонтально. Поэтому в следующих выражениях эксплицировано данное дополнительное значение этого глагола: *The town lies behind the forest; The village lies ahead the town.* Существуют также выражения, не указывающие на локативные признаки напрямую, а на положение неодушевленного объекта в рамках конкретной обозначенной ситуации и указывает на зависимость объекта от других объектов: *The real reason lies deeper.* Концепт ‘ПРОСТРАНСТВО’ в данном случае актуализируется в рамках границ пространства при соотношении глубоко-мелко. В то же время пространство в этой ситуации предстает как понятие абстрактное, т.к. «reason» - объект нематериальный и не способен занимать пространство как таковое, но визуальные границы пространства, даже абстрактного, все же присутствуют, а значит, и нематериальный объект теоретически может быть представлен в рамках границ этого абстрактного пространства.

Следовательно, источником метафорического значения пространственных глаголов служит непосредственно образ физического расположения объекта в пространстве, а целью – необходимость употребления данных глаголов относительно неодушевленных, а также абстрактных предметов, в результате чего происходит когнитивное восприятие метафоры, т.е. метафора выступает не только как языковое явление, но и когнитивное.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры / общ. ред. Арутюновой Н.Д., Журиной М.А. М., 1990.
2. Берке У. Пространство – время, геометрия, космология. М., 1985.
3. Горький М. Песня о Буревестнике. М., 1901.
4. Колесов И.Ю. К проблеме языковой интерпретации содержания пространственных образов // Проблемы современной лингвистики: на стыке когнитивной и коммуникации: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 25-26 июня 2015 г. Вып. XXI / отв. ред. вып. Л.В. Бабина. Тамбов, 2015.
5. Куксова Н.А. Глагол как средство категоризации пространства // Вестник ТГУ. 2006. №2. С. 227-229.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова М., 2004.
7. Петкова-Калева С. Глаголы приближения в русском и болгарском языках // Аспекти на контрастивното описание на руския и българския език. Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2005 С. 1-16.
8. Реферовская Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома: Курс лекций по языкознанию. М., 2007.
9. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
10. Шамне Н.Л. Универсальные характеристики категории пространства и ядерные средства их репрезентации в языке. Волгоград, 2009. С. 220-266.
11. Cisneros S. Woman Hollering Creek and other short stories. London, 1991.
12. Einstein A. “Vorwort”, Jammer M. Concepts of Space. Cambridge, 1953. P. 3-19.
13. Wierzbicka A. Semantics and Culture. New York, 1992.

О.С. Саланина

СЕРИЙНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ КАК СРЕДСТВО КОГЕЗИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(Алтайский государственный университет, Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования серийных местоимений как средства категории когезии в художественном тексте.

Ключевые слова: художественный текст, когезия, местоимение.

Abstract: The article deals with some aspects of series pronouns functioning as a means of cohesion in a fiction text.

Key words: fiction text, cohesion, pronoun.

Художественный текст функционирует как осознанная письменная речь, где любое слово работает на авторскую идею, на связность и целостность текста. В лингвистике различают когезию (формальную связь разных видов) и когерентность (смысловую организацию целого). Исследование формальных и смысловых средств связи в художественном тексте позволяет осмыслить механизм формирования континуума излагаемых событий (И.Р. Гальперин, М.И. Гореликова, Л.М. Лосева, Л.М. Магомедова, Т.В. Матвеева, О.И. Москальская, Е.А. Рефоровская и др.).

Основным источником проявления когезии в художественном тексте являются языковые средства, среди которых личные местоимения выполняют важную текстообразующую функцию.

Личные местоимения – это класс имен с единичной референцией, и их содержание целиком обусловлено синтагматикой текста.

Как известно, в художественном тексте местоимение выполняет несколько функций: 1) заместительную – основная функция, при этом местоимения выступают в качестве субститутов, употребление которых является обязательным условием формирования текста любого жанра; 2) выделительную, формой проявления которой являются серийные местоимения – стилистические маркеры текста; 3) автосемантического обозначения личности, при которой наименование лица представлено только местоимением (широко распространена в поэтических текстах, так называемое «лирическое» местоимение) и др.

Особый интерес вызывают серийные местоимения – местоимения, употребленные в обозначении персонажа несколько раз подряд без чередования с другими номинациями. Отрезок текста, содержащий такие местоимения, не только воспринимается единым нерасчлененным блоком, но и маркируется стилистически. Часто подобные текстовые отрывки совпадают по объему с абзацем или даже главой и характерны как для авторского, так и персонажного речевого слоя.

Абзацы, содержащие серийные местоимения и характеризующиеся высокой степенью связности, появляются в тех случаях, когда сюжетная линия текста сосредоточивается на одном персонаже: на описании его постоянных характеристик, его внутренних психологических состояний, умонастроений или повествовании о действиях персонажа с подтекстным значением выражения его эмоционального внутреннего состояния, вывод героя из повседневности, конкретности действий, переключение в другую сферу бытия – духовную, эмоциональную. Они замедляют динамику сюжета, создавая своего рода «острова» со своей собственной тематикой и выступают в функции выделения, противопоставления главного героя второстепенным персонажам.

Er zog die Lippen hart zusammen. Den konnte ich nicht gewinnen. Er sagte förmlich: Ausgezeichnet. So wirst du unsre Maßnahmen unterstützen. – Er ließ mich stehen wie ein dummes Ding. Er näherte sich dem Gipfel seiner Machtvollkommenheit [Wolf, 1983].

Предложение-зачин абзаца начинается с личного местоимения в 3-м лице ед.ч., которое, с одной стороны, выступает в качестве смысловой и структурной скрепы, с другой стороны, его значение раскрывается только благодаря знанию предыдущего контекста. С помощью него обозначается названное в предтексте имя существительное, т.е. местоимение выполняет анафорическую функцию, которая тесно связана с функцией замещения, по существу являющейся производной от этой функции.

Главная героиня выполняет в повести двойственную функцию: с одной стороны, она – рассказчик, хроникер событий и жизни последних дней Трои, с другой, она является одним из участников этих событий, и ее внутренняя жизнь, мотивы поступков и ее помыслы стоят в центре внимания рассказа. Такая двойственная функция («я»-повествующее и «я»-переживающее) во многом предопределяет структурные особенности абзацирования текста повести. Одним из характерных типов абзаца оригинального текста является «я»-абзац.

Meine Erinnerung an jene Zeit ist blass, ich hatte keine Gefühle. Polyxena sprach ein ganzes Jahr lang kein Wort mit mir. Priamos bereitete den Krieg vor. Ich hielt mich zurück. Ich spielte die Priesterin. Ich dachte, Erwachsensein bestehe aus diesem Spiel: sich selbst verlieren. Enttäuschung ließ ich nicht zu. Ich erlaubte mir nicht den mindesten Fehler, wenn ich die Prozession der Mädchen zur Statue des Gottes anführte – ich wurde, wie ich es erwartet hatte, zur Chorführerin ausgebildet; alles gelang mir. Hatte ich zuerst Strafe befürchtet, wenn mir beim Gebet anstelle der göttlichen Lichtgestalt mit der Leier ein Wolf oder gar eine Schar Mäuse vor die Augen kam an, fand ich bald heraus, dass rein gar nichts geschah, wenn ich mich lustvoll meinen Erscheinungen überließ. Auch wenn Panthoos zu mir kam, musste ich, um aus Ekel Lust zu machen, den andren Mann, Aineias, vor mir sehen. Getragen von der Achtung der Troer, lebte ich scheinhaft wie nie. Ich weiß noch, wie mein Leben mir entwich. Ich schaff es nicht, dachte ich oft, wenn ich, auf der Stadtmauer sitzend, blicklos vor mich hinstarrte, aber ich konnte mich nicht fragen, was mein leichtes Dasein derart überanstrengte [Wolf, 1983].

В данном абзаце насчитывается 19 употреблений номинации *ich* 'я', которые выступают в качестве «склеивающих» элементов предложений-компонентов абзаца. За счет данного средства внутриабзацной связи плотность связности самого абзаца оказывается очень высокой. Предложения-компоненты абзаца связаны между собой параллельной связью: как правило, для каждого предложения характерен прямой порядок слов, в роли подлежащего при этом выступает личное местоимение первого лица единственного числа. Синтагматические связи местоимения *ich* 'я' характеризуются соотносительностью с глаголами прошедшего времени со значением процесса (*spielte* 'играла', *lebte* 'жила'), состояния (*hatte befürchtet* 'боялась', *überließ mich* 'упивалась'),

модальности (*musste* 'должна была', *konnte nicht* 'не могла') и т.д. Таким образом, создается неровная картина повествования, создается впечатление, что воспоминание о монотонной жизни в прошлом не доставляет рассказчику удовольствия.

Употребление серийных местоимений в художественном тексте определенным образом маркирует его и придает ему особый смысл. Данный стилистический прием сигнализирует о том, что читатель имеет дело с текстом повышенной семантической нагрузки.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
2. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М, 1981.
4. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ текста. М., 1983.
5. Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистики текста. Пермь, 2002.
6. Петрова О.В. Местоимения в системе функционально-семантических классов слов: Монография. Воронеж, 1989.
7. Саланина О.С. Абзацирование вторичного текста как проблема общей теории текста (эвокационное исследование). Дис. ...канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005.
8. Солодянкина Н.В. Целостность текста в аспекте согласования его формальной и смысловой структур (на материале исходных и вторичных текстов). Дис. ...канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
9. Wolf Ch. *Kassandra*. Berlin, 1983.

С.А. Федосова

РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КАЗАХСТАНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

(Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
Казахстан)

Аннотация: Статья посвящена изучению речевых стереотипов, формирующих у читателя положительное, нейтральное или отрицательное отношение к сообщаемому. В статье отмечается, что стилистическую функцию нередко выполняют заголовки статей, корреспонденций, информационных заметок, отличающиеся разнообразием синтаксических структур (номинативность названий, использование неопределенно-личных и императивных безличных предложений).

Ключевые слова: речевые стереотипы, публицистическая речь, оценка, воздействие.

Abstract: The article considers the study of speech patterns, forming in a reader a positive, neutral or negative attitude to the reported information. The article notes that headlines, correspondence, information notes often carry a stylistic function because they have various syntactic structures (nominative appellations, usage of impersonal sentences and impersonal imperative sentences).

Key words: speech patterns, journalistic speech, evaluation, impact.

В индивидуальных отклонениях в речи заложены истоки языковых изменений. Поэтому говорят, что язык творит речь и сам творится в речи.

Современную казахстанскую публицистическую речь характеризует множество клишированных форм, «готовых» фраз, отсылающих к общефоновым знаниям общества. Например: «Отольются ли акимату сироткины слёзки?»; «И верь, и бойся, и плати». В подобных заново рожденных речевых стереотипах, строящихся по готовому шаблону, наблюдается сочетание стандарта и экспрессии. Источники подобных форм самые разные: названия нашумевших фильмов, известных книг, часто исполняемых песен, фрагментов рекламных роликов, ставшие известными высказывания общественных деятелей, политиков и пр. Например: «Теперь понятно, почему «темный властелин» (Барак Обама) приказал своим подручным установить за генералом тотальную слежку».

Пословицы и поговорки представляют собой типичные примеры «чужой речи», ставшей «своей» в процессе языкового и культурного развития определенного коллектива. Они с самого детства прочно закреплены в мире говорящего и читающего. В газете (как и в речи) употребление стереотипного, понятного для собеседника изречения является сигналом принадлежности к данному социуму, связи с его культурой и традициями. Как и другие клише, пословицы и поговорки обычно употребляются журналистами не в своей оригинальной форме («Гром грянул, мужик перекрестился»).

Эти примеры показывают нам, что, совершая речевой поступок, отправитель текста выбирает определенный речевой вариант высказывания, актуализируя минимальную предикативную единицу, которая в синтаксическом плане представляет собой малую синтаксическую группу. Одновременно автором актуализируются его скрытые интенции. Скрытую интенцию мы определяем как намерение, которое осуществляется автором интуитивно, неосознанно, автоматически, в результате многократно повторяющегося речевого опыта, направленного на формирование у получателя текста такого отношения о предмете сообщения, в котором заинтересован отправитель текста. Скрытые интенции реализуются в речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя.

Читатель знакомится с содержанием газеты поверхностно, часто прочитывая только заголовки и тексты «по диагонали», быстро просматривая

их, и делает заключения обо всем тексте целиком, воссоздает его структуру, выводит главную мысль всего текста и дает оценку не только отрывкам, но и всему материалу СМИ. Таким образом, понимание публикации СМИ происходит не только при прочтении всего материала, но и при знакомстве с отрывками текста. Знакомясь с отрывками газетных текстов, читатели оказываются под воздействием автора, следуют за его системой оценок. Так, даже поверхностное знакомство с газетным текстом приводит к воздействию эффекту.

Стилистическую функцию нередко выполняют заголовки статей, корреспонденций, информационных заметок, отличающиеся разнообразием синтаксических структур (номинативность названий, использование неопределенно-личных и императивных безличных предложений; предложений двусоставных и неполных; предложных и беспредложных словосочетаний т.д.). Приведем примеры заголовков: «Драгоценное наследие», «Мы – одна команда», «Регион особого значения». Пословицы и поговорки обычно употребляются журналистами не в своей оригинальной форме. Только переделав «исходный материал», журналист может непосредственно реализовать задачи выражения экспрессивности и оценки, одновременно избегая дидактичности, присущей большинству пословиц и поговорок: «Неча на зеркало пенять, коли рожа...», «Рожденный ползать летать не хочет, а хочет денег».

Часто СМИ используют цитирование, имплицитно воздействуя на читателя: «Быть или не быть экс-акиму Павлодарской области Галымжану Жакиянову».

Важной оказывается не сама цитата, а ее функция, которая заключается в узнавании: читатель воспринимает заголовок как нечто знакомое: «На нары или на Канары?»

В перефразированном виде знакомые фразы приобретают саркастическое звучание: «Сказ о том, как украинцы казахов демократии учили»; «Чёрным по белому».

Зафиксированы словообразовательные типы имен существительных со значением лица (вице-аким, мажилисмен, младотюрки, младобай, асаризаторы и т.д.) Например: (диалог Сергея Апарина с Сергеем Волковым) «Весь январь страна готовилась к политическим бурям. Вернее сказать, её готовили люди, которых журналисты некогда прозвали «младотюрками», а теперь «младоформатами». Определены словообразовательные типы имен существительных со значением отвлеченного действия (аулизация, казахизация, деаулизация, кажегельдинизм, казахство и т.п.)

Аксакал, ага, бастык, аким – слова, обозначавшие прежде почтительное обращение к уважаемым людям, сейчас получили негативную окраску и, таким образом, воздействуют на восприятие всей информации. Например, в статьях газеты «Казахстанская правда»: «Может, у человека с детства призвание – на все руки бастык»; «даже самому бессовестному бастыку не хочется оставаться в памяти народа в отвратительном образе взяточника и вора»; Слова *аксакал, ага* расширили свои значения: «академические аксакалы отсохли сразу,

профессура помоложе безболезненно переквалифицировалась с преподавания политэкономии социализма на менеджмент и маркетинг»; «политический заказ агашек» (там же); «вступала власть агашек, элиты, т.е. власть неформальная». Большой популярностью пользуется слово *аким*: «почему же не везде будут выбирать нынешней осенью сельских и аульных акимчиков?»; «реальной власти у маслихатов нет, они просто придатки акимовщины». Слово *акимовщина* употребляется для обозначения коррупции, семейственности, рутины, противостояния всему прогрессивному.

Контекст новости содержит оценочную лексику и завуалированные аргументы, причем эта «оценка» дается в формах-штампах, отсылающих сознание к архетипическим образам и моментально фиксируемых им. Такая организация речевой информационной «картинки» открывает возможности для формирования иллюзии самостоятельности сделанных адресатом выводов.

В зависимости от целей, которые ставит перед собой автор при создании текста, он выбирает речевые стереотипы, формирующие у читателя положительное, нейтральное или отрицательное отношение к сообщаемому. Это могут быть речевые стереотипы типа: «Это – хорошо», «Это – плохо», а также речевые стереотипы, содержащие социально обусловленный оценочный компонент, соответствующий стереотипам поведения представителей определенной профессиональной группы в данное время и в данном месте.

С.А. Федосова

ЦЕЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ ЭВФЕМИЗАЦИИ

(Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Казахстан)

Аннотация: Статья посвящена исследованию эвфемизмов. В лингвистической литературе описываются различные формулировки понятия «эвфемизм». В статье рассматривается деление эвфемизмов на группы в зависимости от сферы употребления. Способы образования эвфемизмов подтверждаются примерами из газет на английском языке.

Ключевые слова: эвфемизм, способы образования, группы, формулировка.

Abstract: The article deals with the study of euphemisms. Various formulations of the concept of euphemism are described in linguistics. The article considers the division of euphemisms into groups depending on the scope of use. Ways of euphemisms forming are proved by the examples from the newspapers in English.

Key words: euphemism, ways of forming, groups, formulation.

Термин «эвфемизм» применялся еще античными авторами. Его генезис общеизвестен: сам термин происходит от греческих слов «хорошо» и «молва»

(«речь»). Первоначально он толковался как произнесение «слов, имеющих хорошее предназначение, воздержание от слов, имеющих дурное предназначение (особенно при жертвоприношениях), благоговейное молчание». Подобное понимание эвфемизма сближает его с табу, но не уравнивает. Впоследствии вторая часть определения («благоговейное молчание») утратилась [Крысин, 1994а].

В лингвистической литературе присутствуют различные формулировки понятия «эвфемизм». В большинстве из них в качестве основного признака эвфемизма рассматривается его способность заменить, «завуалировать» неприятные либо нежелательные слова или выражения.

Пожалуй, одной из удачных является формулировка Л.П. Крысина, которая определяет эвфемизм как «способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия...».

В зависимости от сферы употребления эвфемизмы условно делятся на группы:

1. Возрастные эвфемизмы, например, *senior, advanced in years* (вместо *old*), *retirement* (вместо *retire on a pension*)

2. Физический облик, умственные способности. Например, *unseeing* (вместо *blind*), *overweight* (вместо *fat*), *mentally sick* (вместо *mad*).

3. Принадлежность к расе или национальности. Например, *black man* или *Afro-American* (вместо *Nigger*), *Latino* (вместо *Hispanic*).

4. Материальное положение, например, *penniless, low-income men* (вместо *poor*).

5. Профессии, например, *sanitation man* (вместо *garbage collector*), *funeral director* (вместо *undertaker*).

6. Медицинские термины (иногда встречаются термины из других сфер жизнедеятельности человека). Например, *mental hospital, mental health clinic* (вместо *insane asylum*), *insane, mentally unstable, unbalanced* (вместо *mad*) [Статья «Эвфемизмы, или как красиво поговорить о запретном»].

7. Религиозные понятия и явления, например, *the Prince of Darkness* или *dickens* (вместо *devil*), *Lord!*, *Good heavens!*, *Gracias me!* (вместо *God*).

8. Смерть, похороны. Например, *to pass away, to breathe one's last, to close one's eyes* (вместо *to die*).

9. Физиологические состояния человека, например, *to clear one's nose* (вместо *blow one's nose*), *indisposition or period* (вместо *menstruation*), *in an interesting condition, in a delicate condition, expecting* (вместо *pregnant*).

Теперь остановимся на способах образования эвфемизмов. По способу образования эвфемизмы можно разделить на следующие группы:

1. Графические эвфемизмы. Эта группа эвфемизмов образуется при помощи опущения части слова, многоточия вместо самого слова. Графические эвфемизмы практически никогда не используются в газетном стиле текста, так как они нацелены на «смягчение» бранных и нецензурных выражений. Исключение составляет приведение в газетной статье высказывания какого-либо человека. Следует отметить, что графическим способом невозможно ни

завуалировать понятие или явление, ни придать ему нейтральную или положительную оценку.

2. Фонетические эвфемизмы. К ним можно отнести звуковую аналогию. Иными словами, непрямое понятие изменяет свое звучание и написание, однако не меняет своей сути. Эвфемизмы, образованные при помощи фонетического звучания слова, используются крайне редко в газетном стиле текста, практически никогда. В ходе нашего исследования фонетических эвфемизмов обнаружить не удалось.

3. Морфологические или грамматические эвфемизмы. Сюда можно отнести, во-первых, аббревиацию, во-вторых, использование префикса для образования антонима. Такой способ эвфемизации позволяет придать слову нейтральное значение или даже положительную оценку.

Приведем примеры обнаруженных нами эвфемизмов согласно приведенной выше классификации.

1. Графические эвфемизмы, как правило, отсутствуют в газетных статьях, так как они направлены на эвфемизацию ненормативной лексики. Однако нами были обнаружены примеры использования графических эвфемизмов в английской газете «The Times» (статья «Horror as Teenager Commits Suicide Live Online»): «I am an a** hole...»; «F***ing do it...».

Приведенные графические эвфемизмы наблюдаются при пословной передаче слов подростка. В других случаях, с нашей точки зрения, употребление графического эвфемизма невозможно.

2. Фонетические эвфемизмы. Наличия фонетических эвфемизмов выявлено не было, так как такие эвфемизмы, как и графический тип, используются для передачи в основном ругательных слов, что невозможно в газетном стиле.

3. Морфологические эвфемизмы. Морфологические эвфемизмы существуют в форме аббревиатур или слова с использованием префикса для формирования антонима.

Приведем пример использования морфологического эвфемизма в форме слова с использованием префикса для формирования антонима:

This will not satisfy the critics of today's biological psychiatry for whom no drug use is good drug use, nor the critics of today's culture of parenting who are sure that all the aggression, irritability and out-of-control behavior...is actually nothing more than... – Это не убедит сотрудников современной биологической психиатрии, которые уверены, что отсутствие лекарств – хорошее лекарство. Это не убедит работников социальной сферы, которые уверены, что вся агрессия, возбудимость и недозволенное поведение не что иное как... («The New York Times», статья «Tough Choices for Tough Children»). В данном примере выражение *out-of-control behavior* является эвфемизмом к слову, например, *awful behavior*. Иногда «антонимический» эвфемизм проявляется не в префиксе, а в добавлении смыслового глагола с отрицательной частицей. Например, *The study highlights that sparrow chicks are hatching but they aren't surviving.* - *Исследование доказывает, что птенцы воробьев появляются на свет, но им не*

хватает корма. («The Times», статья «Drivers and Gardeners: the Secret behind Flight of House Sparrows»).

В настоящее время формируется и новая функция эвфемизации речи – приукрашивание некоторых моментов действительности. Итак, целями эвфемизации речи является стремление избежать коммуникативных конфликтов, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта, скрыть от окружающих то, что говорящий хочет сообщить только конкретному адресату.

Литература

1. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин. 1994а. № 1-2. С. 28-492.
2. Крысин Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1994b. №5. С. 76-82.

М.В. Шаповалов

К ВОПРОСУ ОБУЧЕНИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ВУЗАХ

(Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
Россия)

Аннотация: Статья посвящена проблемным аспектам отраслевой терминологии и обучению иноязычной отраслевой терминологии студентов неязыковых вузов и студентов педагогических вузов, ориентирующихся на преподавание иностранного языка в профессиональной сфере студентам неязыковых вузов. В статье выявлен ряд проблем, связанных с различиями между терминами и лексемами языка художественной литературы и повседневного общения, и сделан вывод о необходимости информирования студентов неязыковых вузов о существовании этих терминологических проблем.

Ключевые слова: язык для специальных целей, профессиональная терминология, иноязычная терминология, обучение отраслевой терминологии.

Abstract: This article considers several problematic aspects of LSP terminology and teaching it to students of non-linguistic specialization and also to pedagogy students who aim at teaching foreign language in non-linguistic higher education institutions. A set of problems concerning differences between terms of LSP and lexemes of everyday speech and that of art is revealed, and the conclusion about the necessity of explicit informing students of non-linguistic specialization about those problems is made.

Key words: LSP, professional terminology, teaching LSP, terms of LSP.

Процесс всё более интенсивного международного обмена научно-техническим опытом ведет к повышению актуальности владения специалистами неязыкового профиля иностранным языком, прежде всего, языком профессиональной коммуникации, или так называемым языком для специальных целей (LSP, Language for Specific Purposes) [Забросаева, 2014, с. 26-28; Полякова, 2013]. Владение иностранным языком в профессиональной сфере во многом определяется успешностью освоения иноязычной терминологии целевой отрасли [Полякова, 2014]. Распространение английского языка во второй половине двадцатого века в качестве единого средства международной коммуникации сформировало условия целесообразности овладения английским языком для специальных целей профессионалами различных сфер, отличающихся высокими темпами развития [Забросаева, 2014, с. 32]. Данная статья рассматривает актуальные вопросы при преподавании иноязычной профессиональной терминологии двум группам обучаемых: студентам неязыковых вузов, изучающим иностранный язык в приложении к будущей профессиональной деятельности, и студентам педагогических и языковых вузов, проходящим обучение иностранному языку для специальных целей, которым в будущем предстоит обучать людей первой группы.

Одной из проблем преподавания иностранного языка для специальных целей называют отсутствие специального образования у преподавателей иностранного языка [Андрианова, 2008, с. 13-14]. Современные исследователи отмечают, что выпускники педагогических факультетов оказываются не вполне готовыми к преподаванию иностранного языка для специальных целей студентам в неязыковом вузе [Казакова, 2014]. В качестве меры по улучшению подготовки выпускников-преподавателей иностранного языка предлагался дифференцированный подход к обучению в педагогических вузах будущих преподавателей иностранного языка для специальных целей, в частности, введение элективных курсов [Казакова, 2015]. Несомненно, эффективность преподавания иностранного языка в приложении к частной профессии выпускником педагогического вуза зависит от его уровня знакомства с целевой областью.

Следует, однако, отметить, что в силу существования большого количества вариантов узкой специализации каждой из целевых отраслей и обширного лексического материала каждой из них существует предел целесообразности специализации. Проблема полного овладения студентом неязыкового вуза специализированной иноязычной терминологией, требуемой от него условиями на рабочем месте будущей профессиональной деятельности, не может быть решена в вузе [Полякова, 2014]. Также не может быть решена эта проблема и в отношении выпускников педагогических вузов, которым предстоит обучать этих студентов неязыкового профиля. Более эффективной мерой может быть дифференцированное обучение студентов педагогических вузов отраслевой лексике с умеренной степенью специализации, а также методикам обучения студентов неязыкового вуза навыкам самостоятельного расширения лексического запаса в соответствии с областью специализации на рабочем

месте и применения стратегий компенсации и восполнения недостаточности [Забросаева, 2014, с. 37].

Лексика иностранного языка для специальных целей имеет ряд отличий от общеупотребительной лексики. Во-первых, в силу необходимости точной передачи информации лексические единицы области профессиональной и научной коммуникации – термины – имеют более чётко очерченное содержание.

Во-вторых, в случае использования в качестве термина лексемы, совпадающей с лексемой общеупотребительного языка, значение термина может существенно отличаться от омонимичной лексемы общеупотребительного языка. Значения отраслевых терминов обычно более узкие, чем у схожих с ними общеупотребительных лексем. В несколько более редких случаях значение термина может частично выходить за рамки значения омонимичной лексемы общеупотребительного языка, быть более широким или в отдельных случаях – вообще не пересекаться с ним.

В-третьих, значения омонимичных терминов разных отраслей могут различаться. Даже в пределах одной отрасли термин может проявлять явление полисемии [Бондарчук, 2014, с. 23; Морев, 2012, с. 120, 121; Терских, 2008].

В-четвёртых, определённую проблему могут представлять иноязычные термины, заимствованные русским языком, значение которых подверглось преобразованию в языке-рецепторе, было изначально заимствовано с искажениями, а также другие случаи псевдоэквивалентной лексики [Лотте, 1982, с. 17-20; Мироненко, 2013, с. 3-4, 9].

В-пятых, в отношении лексем языка для специальных целей можно отметить широкое использование устойчивых сочетаний [Забросаева, 2014, с. 50].

Наличие у студента и выпускника неязыкового вуза понятия о вышеизложенных терминологических проблемах важно для адекватного применения профессиональных терминов. Поэтому в рамках курсов «Иностранный язык в профессиональной сфере» целесообразно не только непосредственное обучение студентов неязыковых вузов терминам их будущей отрасли и профессии, а также методам расширения профессиональной лексики, но и доведение до их сведения существования очерченного круга проблем, существующих в отношении лексики языка для специальных целей.

Литература

1. Андрианова С.В. Методика обучения профессиональной англоязычной терминологии студентов-физиков: дисс. ... кандидата педагогических наук; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2008.
2. Бондарчук Г.Г. Некоторые вопросы теоретического изучения и преподавания современной терминологии // Вестник МГЛУ. 2014. № 1 (687) С. 21-32.
3. Забросаева И.А., Конурбаев М.Э. От LSP до специализированного дискурса: исторический срез // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2014. № 49 С. 26-87.

4. Казакова О.П. Практико-ориентированные задачи в подготовке преподавателей иностранного языка для специальных целей // Педагогическое образование в России. 2014. № 6 С. 109-111.
5. Казакова О.П. Языки для специальных целей в парадигме методики обучения иностранным языкам в педагогическом вузе // Педагогическое образование в России. 2015. № 2 С. 79-83.
6. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982.
7. Мироненко Е.В. Обучение специальной лексической компетенции курсантов-судоводителей на основе псевдоэквивалентной терминологии морского английского языка: автореф. дисс. ... кандидата педагогических наук; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. Пятигорск, 2013.
8. Морев Н.А. К проблеме лингвистического анализа терминологии в области нанотехнологий // Вестник МГЛУ. 2012. № 13 (646) С. 115-124.
9. Полякова Т.Ю. Профессиональная ориентация обучения иностранному языку в инженерном вузе: традиции и перспективы // Вестник МГЛУ. 2013. № 12 (672) С. 21-34.
10. Полякова Т.Ю. Разработка серии двуязычных терминологических словарей-минимумов для студентов технических вузов // Вестник МГЛУ. 2014. № 12 (698) С. 100-109.
11. Терских Н.В. Термин как единица специального знания // Актуальные вопросы современной науки. 2008. №4-2. С. 97-104.

А.А. Шмаков

КЕЙС-СТАДИ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ

(Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы, Россия)

Аннотация: В статье рассматривается кейс-стади, или метод ситуационного анализа как инструмент вовлечения студентов неязыковых специальностей в процесс деятельностного изучения иностранного языка в профессиональной сфере. Автор рассматривает этапы использования данного метода, уделяет внимание преимуществам и недостаткам его применения для обучения студентов-экономистов общению в профессиональной сфере. На основании серии проведенных опросов среди студентов и собственного методического опыта даются рекомендации для повышения эффективности включения данного метода в образовательный процесс.

Ключевые слова: кейс-стади, английский для специальных целей, экономический английский.

Abstract: The article analyses a case study or the method of situational analysis as a tool for involving students of non-language specialties into the process of activity-based learning of foreign language in the professional sphere. The author examines the stages of use of this method, focuses on the advantages and disadvantages of its use for teaching students of the specialty “Economics” how to communicate in the professional sphere. Based on a series of surveys conducted among students and his own methodological experience, the author makes recommendations to improve the effectiveness of inclusion of this method into the educational process.

Key words: case study, English for Specific Purposes, economic English.

Существует мнение, что кейс-стади, или метод ситуационного анализа – это качественная оценка определенного случая в научном исследовании в противопоставление количественной оценке, которая предполагает сбор множества фактов и проведение статистического анализа исследуемого явления.

Вместо того чтобы набирать огромное количество аналогичных явлений, кейс-метод предлагает тщательное исследование по многим параметрам одного случая или явления – кейса. Проводится систематический анализ данного явления с разных позиций. В результате исследователь приходит к пониманию, почему данное событие могло случиться и какие последствия можно предвидеть [Методика обучения иностранным языкам, 2010, с. 346].

Вслед за Г.А. Дубининой под методом обучения иностранному языку «кейс-стади» мы понимаем анализ конкретных профессионально-значимых случаев, выделенных на основе фактического иноязычного материала в целях предъявления их студентам для самостоятельного изучения и последующего группового или коллективного обсуждения этих ситуаций во время занятий [Дубинина, 2010, с. 81].

Метод кейс-стади основан на следующих положениях: 1) задача преподавателя – активизировать студентов на поиск различных вариантов решений, поскольку не существует однозначного ответа на поставленный вопрос; 2) равноправие всех сторон в процессе обсуждения, поскольку акцент в обучении поставлен на выработку знаний, а не на освоение готовых истин, предлагаемых преподавателем; 3) помимо выработки новых знаний, результатом работы по методу кейс-стади являются формирование навыков профессиональной деятельности, развитие системы ценностей, жизненных установок и мироощущения [Панфилова, 2012, с. 45].

В любой проблемной ситуации можно выделить три компонента:

- 1) проблема, дилемма или противоречие, подлежащее разрешению;
- 2) имеющиеся в наличии знания или жизненный и иноязычный речевой опыт исследователя;
- 3) исследовательские действия для решения проблемы [Степанова, 2007, с. 126].

К тому же, в содержании ситуации должна присутствовать обильная информация, требующая анализа; интрига или головоломка; возможности для поиска дополнительной информации; определенный уровень сложности; потенциал для дискуссии [Куимова, 2013, с. 89-90].

Коллектив исследователей под руководством А. А. Миролюбова полагает, что ситуации должны быть актуальными для сегодняшнего дня, вызывать чувство симпатии к главному герою/героям, содержать диалог, который делает ситуацию более личностной, учитывать интересы учащихся, отражать определенные дидактические цели, предполагать обобщения и выводы, и поэтому, с учетом всего сказанного, ситуация должна быть подлинной [Методика обучения иностранным языкам, 2010, с. 347].

Ситуация в кейсе может быть представлена различными способами: статьи из периодических изданий, энциклопедические статьи, объявления, отчеты о деятельности компании, доклады, письма, меморандумы, архивные материалы, таблицы, графики, аудио- и видеоматериалы [Аверьянова, 2006, с. 61].

Информация в кейсе должна быть предоставлена в простой и доступной форме с четкими формулировками высказываний и точными фактами.

При разработке кейса преподаватель должен учитывать следующие факторы: соответствие кейса образовательным целям; актуальность отбираемых ситуаций для данного направления обучения; определение уровня их сложности (в том числе языковой); наличие в ситуациях потенциала для развития аналитического мышления студентов; возможность дискуссионного характера обсуждения событий и нахождения разных вариантов решения жизненных ситуаций [Современные образовательные технологии, 2011, с. 89].

Преимуществом данного метода является то, что работа над кейсом требует целенаправленных усилий, творческого стимула, материал предоставляется в упорядоченной форме, а не нагромождается в беспорядке, что помогает учащемуся приобщаться к самостоятельному разрешению поставленной перед ним задачи [Панфилова, 2012, с. 44].

Кроме того, метод кейс-стади способствует формированию следующих умений: работать как индивидуально, так и в команде; совмещать теоретические и практические навыки в решении конкретных задач; оценивать и отбирать необходимую информацию, не обращая внимание на избыточные сведения; интерпретировать данные и делать выводы; привлекать междисциплинарные знания; мыслить и действовать нестандартно; аргументировать свою точку зрения и давать оценку чужому мнению; формулировать мысль на иностранном языке [Куимова, 2013, с. 89].

И.Н. Кузнецов выделяет шесть фаз работы над кейсом. Во время первой фазы информация предлагается обучающимся в печатном виде для самостоятельного изучения. На второй фазе происходит обмен мнениями между студентами с целью определения недостающей информации. Третья фаза – это коллективная дискуссия по выявлению главной проблемы или проблем. При выполнении четвертой фазы составляется модель задания, в которой будут выделены существенные обстоятельства для решения главной

проблемы. Пятая фаза – это свободная дискуссия об общем критерии выбора решения и его оценки. Завершающая шестая фаза подразумевает принятие решения по главным и второстепенным проблемам [Кузнецов, 2008, с. 114-115]. На наш взгляд, правомерным является добавление седьмого этапа работы над проблемной ситуацией – рефлексивного, в рамках которого участникам дается возможность провести анализ собственных ошибок и обнаружить неиспользованные варианты решения проблемной ситуации.

В любом случае от преподавателя-модератора требуется тщательная подготовка к работе с кейсом. Прежде всего, он сам должен детально проанализировать кейс и подготовить вопросы, которые провоцировали бы реакцию учащихся, на которую можно было бы «опереться», чтобы перейти к коллективному обсуждению проблемы.

Во время коллективной работы преподаватель фокусируется на том, какой вклад в обсуждение вносит или мог бы внести каждый студент, каким образом продвигается мыслительная линия в направлении окончательного решения проблемы [Teaching Communication, 1990, p. 350].

Мы полностью разделяем мнение коллег из вузов, которые считают, что необходимо использовать кейсы, обладающие воспитательным потенциалом, благодаря которым учащиеся могли бы проанализировать нравственно-этические, морально-правовые, общественно-политические и иные ситуации, правильно расставляя приоритеты и усваивая нравственные ценности.

Обсуждение и нахождение способов решений проблемных задач необходимо для того, чтобы молодежь занимала активную гражданскую позицию соучастника общественной жизни своей страны и города в период обучения в вузе [Храмова, 2014, с. 199]. Многие отечественные вузы в настоящее время активно применяют технологии кейс-стади в практике обучения студентов различных неязыковых направлений.

Например, коллеги из Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (далее – АФ РАНХиГС) используют готовые кейсы, обильно представленные в учебном комплексе «Market Leader» (уровни Intermediate и Upper-intermediate), благодаря чему студенты-экономисты с энтузиазмом работают на занятиях по английскому языку [Фролова, 2010, с. 102].

В 2014-2016 уч. годах в АФ РАНХиГС был проведен комплекс опросов, посвященных изучению мнения студентов относительно методов, применяемых при обучении иностранному языку в профессиональной сфере, в которых приняли 90 студентов 1-2 курсов бакалавриата, обучающихся по направлению «Экономика». Рассмотрим далее тот блок результатов, которые относятся к объекту нашего исследования в данной статье – методу кейсов.

Статистика ответов показывает, что 70% опрошенных студентов-экономистов отметили, что говорение как вид деятельности в процессе работы над кейсом дается им сложнее всего, при этом 80% студентов отметили, что главная сложность – малый словарный запас. 90% респондентов заявили о том, что в целом им нравится работать методом кейсов, поскольку он подразумевает

погружение в проблемную ситуацию. Приведем некоторые типичные мнения будущих экономистов: «Это интересно и помогает стать другим...»; «С помощью кейс-стади проще усваивается информация»; «[кейс-стади] является эффективным, если у студента есть минимальный словарный запас...»; «Помогает преодолеть скованность, почувствовать себя реальным участником события»; «Это применение иностранного языка на практике».

Как видим, основная мысль высказываний респондентов заключается в том, что кейс-стади представляет собой деятельностный подход к изучению иностранного языка в профессиональной сфере.

Исходя из анализа полученных данных, позволим себе озвучить некоторые рекомендации в отношении использования метода кейсов на занятиях иностранным языком в вузе:

1) полезна расширенная лексическая подготовка для слабых студентов и студентов уровня Intermediate, позволяющая повысить включенность в работу над ситуацией;

2) рекомендуется использование релевантного количества материалов при работе над кейсом: избыточная информация вредна;

3) введение фазы рефлексии с использованием изучаемого языка позволяет повысить эффективность использования метода.

Подводя итоги, отметим, метод кейс-стади, подобно любому другому деятельностному методу обучения, должен применяться не ради его применения, но лишь тогда, когда он становится лучшим способом достижения целей в конкретной изучаемой теме или во всем курсе в целом. Только при этом условии можно утверждать, что использование данного метода станет залогом успеха командной работы, при выполнении которой каждый участник образовательных отношений ощутит себя настоящим исследователем или генератором идей.

Литература

1. Аверьянова С.В. О зарубежном опыте формирования умений делового общения (прием «case-study») // Лингводидактические аспекты обучения профессиональному общению. М., 2006. С. 58-68.
2. Дубинина Г.А. Технология применения кейс-анализа в процессе обучения иностранному языку // Инновационные подходы в обучении иностранным языкам. М., 2010. С. 81-90.
3. Кузнецов И.Н. Настольная книга практикующего педагога: учеб. пособие. М., 2008.
4. Куимова М.В., Евдокимов Д.Е., Федоров К.В. Метод case-study в обучении иностранному языку студентов старших курсов неязыковых специальностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 88-90.
5. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А. А. Миролюбова. Обнинск, 2010.

6. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 3-е изд-е, испр. М., 2012.
7. Современные образовательные технологии: учебное пособие / под ред. Н.В. Бордовской. 2-е изд-е, стер. М., 2011.
8. Степанова И.М. Метод анализа проблемных ситуаций (кейс-метод) как средство обучения студентов иноязычному профессионально-ориентированному общению // IX Всероссийская научно-практическая конференция «Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и в школе»: сборник статей. Пенза, 2007. С. 125-127.
9. Фролова В.П., Кожанова Л.В. Кейс-метод как одна из эффективных технологий обучения иностранному языку в техническом вузе // Английский для нефилологов. Проблемы ESP – 2010: сборник научных трудов. Воронеж, 2010. С. 100-102.
10. Храмова Ю.Н., Хайруллин Р.Д. Использование метода «кейс-стади» в решении учебно-воспитательных задач при подготовке современного российского предпринимателя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 9 (39). Ч. 1. С. 198-200.
11. Teaching Communication: Theory, Research, and Methods / ed. by J. A. Daly, G. W. Friedrich, A. L. Vangelisti. Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publishers, 1990.

Наши авторы:

Беляева Вера Анатольевна	Кандидат филологических наук, доцент Алтайский государственный университет, г. Барнаул diverban@mail.ru
Гусар Елена Геннадьевна	Кандидат филологических наук, доцент Алтайский государственный университет, г. Барнаул egusar@yandex.com
Давлетбаева Оксана Владимировна	Магистрант Алтайский государственный университет, г. Барнаул Oksan.pin@mail.ru
Дьяченко Ирина Николаевна	Кандидат филологических наук, доцент Алтайский государственный университет, г. Барнаул dyachenko.irinka@bk.ru
Жердева Оксана Николаевна	Кандидат филологических наук, доцент Финансовый университет при Правительстве РФ, Барнаулский филиал, г. Барнаул vigrijanova@mail.ru
Замашанская Елена Сергеевна	Кандидат филологических наук, доцент Бийский технологический институт (филиал АлтГТУ им. И.И. Ползунова), г. Бийск delennn@mail.ru
Зиновьева Светлана Анатольевна	Доцент Алтайский государственный университет, г. Барнаул saz70@mail.ru
Капышева Гульнар Кадырбековна	Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск (Казахстан) Fedossova.svetlana@mail.ru

Каркавина Оксана Владимировна	Кандидат филологических наук, доцент Алтайский государственный университет, г. Барнаул oksana-karkavina@yandex.ru
Карпухина Виктория Николаевна	Доктор филологических наук, профессор Алтайский государственный университет, г. Барнаул vkarpuhina@yandex.ru
Кирколуп Ольга Валерьевна	Ассистент Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул 19_666@mail.ru
Ковалева Екатерина Дмитриевна	Магистрант Алтайский государственный университет, г. Барнаул koval.ka@mail.ru
Корнов Кирилл Алексеевич	Магистрант Алтайский государственный университет, г. Барнаул kirillkornov@yahoo.com
Кузьмина Елена Константиновна	Кандидат филологических наук, старший преподаватель Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г. Казань lenysinka@yandex.ru
Курбанова Ольга Владимировна	Кандидат филологических наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет», г. Махачкала Alira74@mail.ru
Лаптева Наталья Александровна	Магистрант Алтайский государственный университет, г. Барнаул natalya_lapteva89@mail.ru

Леденева Виктория Евгеньевна	Магистрант Алтайский государственный университет, г. Барнаул ladycrow@mail.ru
Литвинова Татьяна Александровна	Кандидат филологических наук, научный сотрудник Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж centr_rus_yaz@mail.ru
Медведева Татьяна Владимировна	Кандидат филологических наук, доцент Алтайский государственный университет, г. Барнаул t_medvedeva2004@yahoo.com
Михопаркина Елизавета Андреевна	Магистрант Алтайский государственный университет, г. Барнаул lizynya15@gmail.com
Осокина Светлана Анатольевна	Доктор филологических наук, доцент Алтайский государственный университет, г. Барнаул osa051175@mail.ru
Плотникова Юлия Владимировна	Магистрант Алтайский государственный университет, г. Барнаул bomboncita@yandex.ru
Рудакова Ирина Викторовна	Аспирант Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул fybhb23@gmail.com
Савочкина Елена Александровна	Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой Алтайский государственный университет, г. Барнаул savochkina71@mail.ru

Саланина Ольга Сергеевна	Кандидат филологических наук, доцент Алтайский государственный университет, г. Барнаул olga.salanina@yandex.ru
Федосова Светлана Александровна	Кандидат филологических наук, доцент, профессор Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск (Казахстан) Fedossova.svetlana@mail.ru
Шаповалов Максим Владимирович	Магистрант Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского syndex@list.ru
Шелкова Светлана Валерьевна	Кандидат филологических наук, доцент Финансовый университет при Правительстве РФ, Барнаульский филиал, г. Барнаул shelkovasvetlana@mail.ru
Широких Ирина Алексеевна	Кандидат филологических наук, доцент Алтайский государственный университет, г. Барнаул shirokih.irina@mail.ru
Шмаков Артем Алексеевич	Кандидат филологических наук, доцент Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Барнаул art.schmakow@gmail.com

Подписано в печать 17.05.2015 г.
Объем 8,7 уч.-изд. л. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Тираж 50 экз. Заказ №3608
Отпечатано в типографии «Концепт»,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
т./ф.: (3852) 36-82-51, concept-print.ru